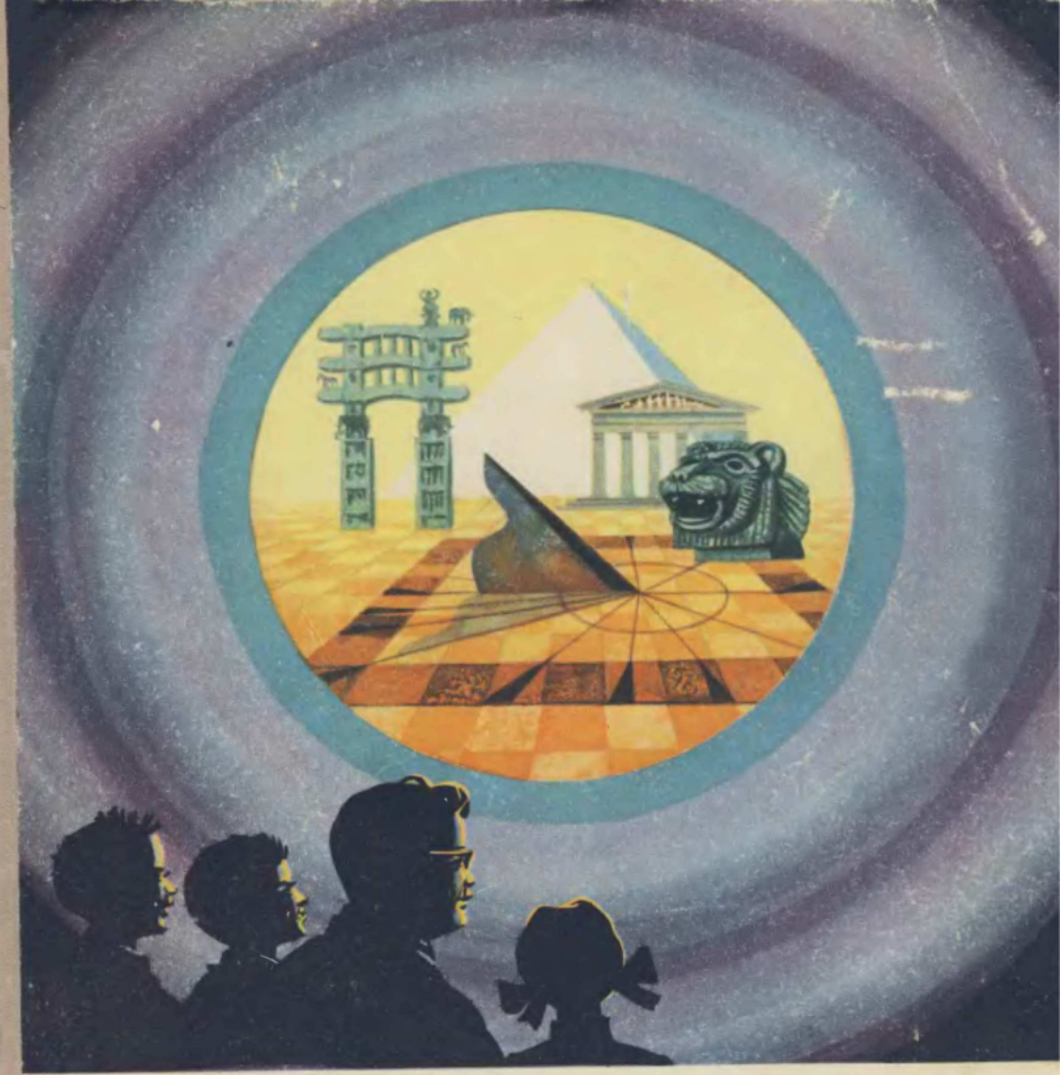


АЛЕКСАНДР СВИРИН

ЭКСПЕДИЦИЯ К ПРЕДКАМ

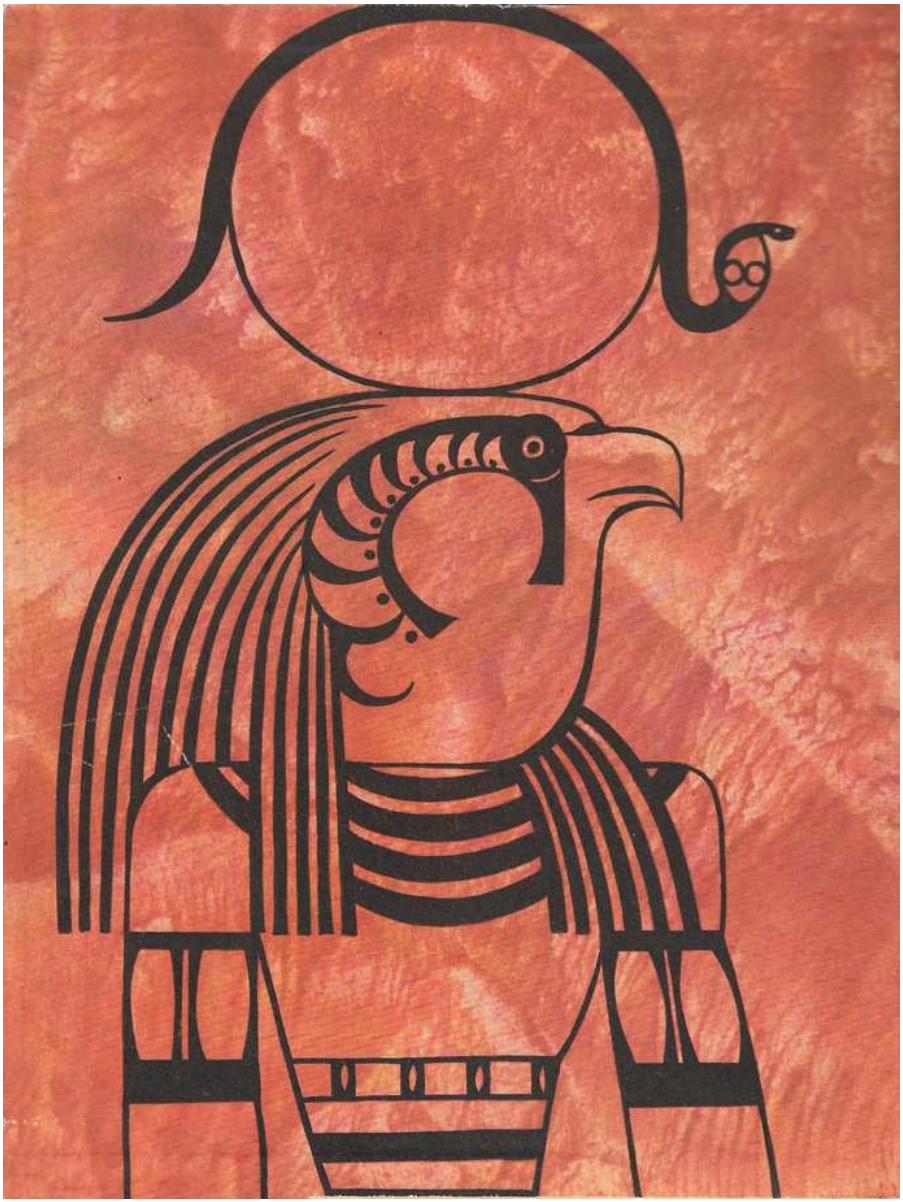
ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ 1970

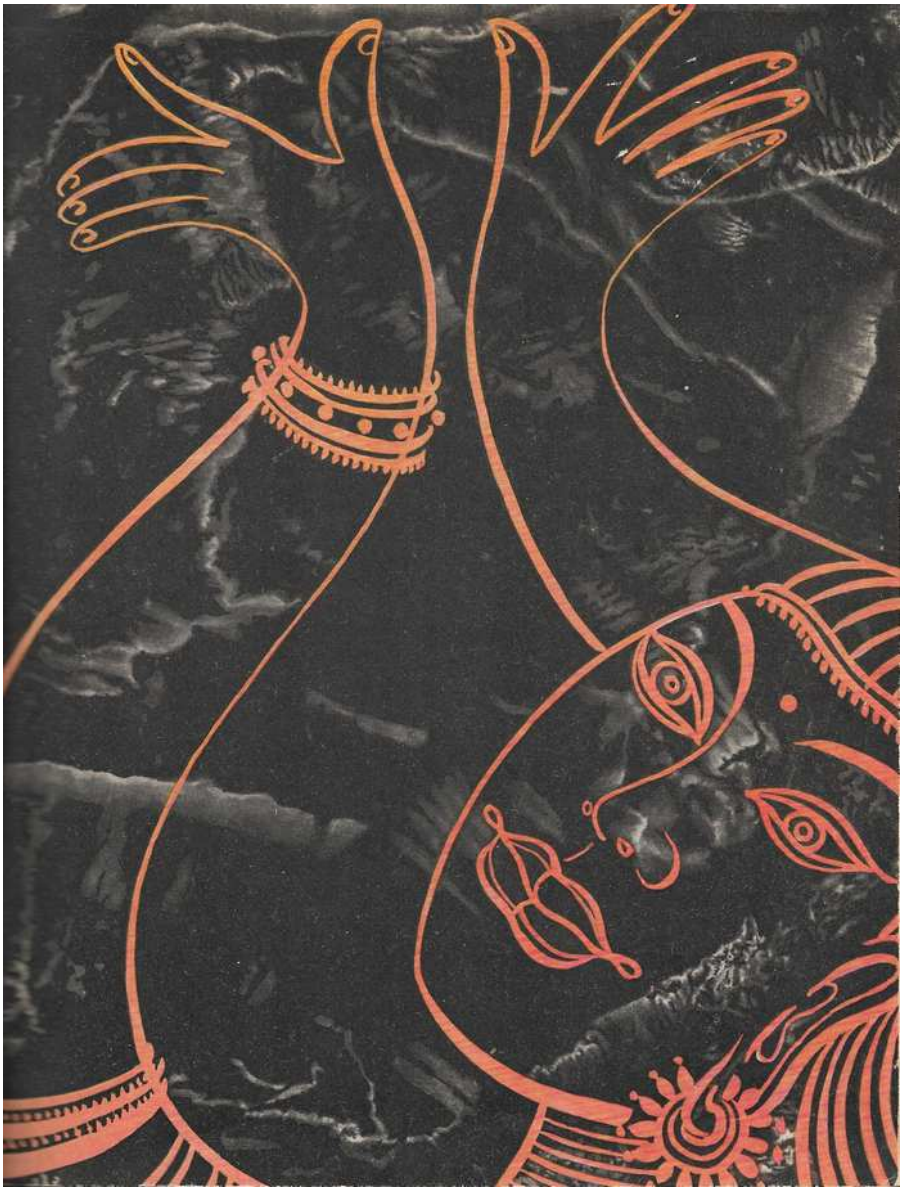
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Художники *В. Щапов* и *В. Севрюгов*.
Оформление *В. Щапова*.

-
- Александр Свирин
  -
  -
  - Пролог
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ,
  - Научная тетрадь № 1
  - ГЛАВА ВТОРАЯ,
  - Научная тетрадь № 2
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
  - Научная тетрадь № 3
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
  - Научная тетрадь № 4
  - ГЛАВА ПЯТАЯ,
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ,
  - Научная тетрадь № 5
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,
  - Научная тетрадь № 6
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,
  - Научная тетрадь № 7
  - ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,
  - ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,
  - ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,





Александр Свирин

ЭКСПЕДИЦИЯ К ПРЕДКАМ

Книга знаний пятая

Подробное и достоверное описание того, как некие разумные существа — НКАЛЕ, КАГЕН и ТЬКАВИ, — прибывшие на землю с другой планеты, перешли с межпланетного корабля на МАШИНУ ВРЕМЕНИ и в сопровождении профессора Академикова отправились в ДАЛЁКОЕ ПРОШЛОЕ, чтобы изучить ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Описание подтверждается печатью звездолёта «ЛУЧ», личной подписью космического капитана ЛЕНДЕДА, уверениями заинтересованных лиц и фотокопиями документов.

АЛЕКСАНДР СВИРИН

ЭКСПЕДИЦИЯ К ПРЕДКАМ

КНИГА ЗНАНИЙ • ПЯТАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
1970

«Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится

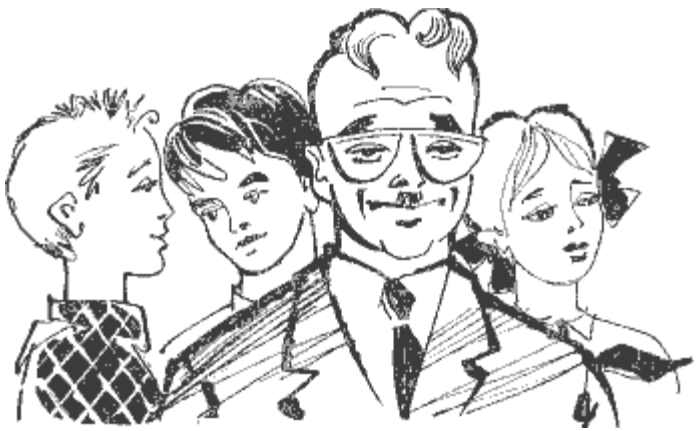
время,

Как сносят башню гордую века

И рушит медь тысячелетий бремя…»

(В. Шекспир, из Сонета № 64.

Перевод С. Маршака)



Пролог

Кто читал книгу «БОЛЬШАЯ ОХОТА», помнит, наверно, на чем мы расстались. Я и Генка уезжали в пионерлагерь, а Ленка собиралась лететь на остров Диксон к своим папе и маме. Сколько мы ни просили Александра Петровича сказать нам, что будет, когда мы вернемся, Ленкин дед только загадочно улыбался. Так ни с чем мы и разъехались…

Но теперь мы опять в сборе — Ленка, Генка, Александр Петрович и я, Витька Бубликов. Вот мы сидим у Ленки, и сейчас, наконец, выяснится, что он задумал — Ленкин дед — и как дальше пойдет игра. Так что вы к нам в самое время. Заходите, присутствуйте…

— Начали! — командует Ленка. — Давай, дед, выкладывай свои планы. Итак?..

— Итак… А нельзя ли повежливее?

— Ну, дед, пожалуйста! — Ленка сделала реверанс.

— Сердечно тронут… Так вот, прежде чем кинуться в новые странствия, поиски и приключения, подведем итоги. С того памятного дня, когда нами было решено, что мы больше не люди, а крылато-хвостатые, никогда не спящие, видящие в темноте и в тумане Разумные Существа, прилетевшие на Землю с другой планеты, миновал год. Мы — Нкале, Каген, Тъкави и капитан Лендед — познакомились с природными условиями Земли…

— Побывали в глубинах Тихого океана…

— Приняли участие в Большой охоте отрядов «КИС-КИС» — Комиссии Инопланетных Связей…

— Погрузили на борт своего космического корабля огромную коллекцию земных животных и растений, чтобы доставить их на нашу планету…

— Подружились с выдающимися земными учеными — русским профессором А. П. Академиковым…

— Индийцем Рам Чараном и американцем Сеггриджем…

— И теперь мы возьмем их с собой и полетим обратно? — перебила Ленка. — Это все, что ты придумал, дед?

— Фи, — скривился Александр Петрович. — По-моему, это придумал кто-то другой.

— Отправимся открывать другие обитаемые миры? — попробовал догадаться Генка.

— Ты забыл о возрасте капитана Лендеда. Боюсь, его жизни на это уже не хватило бы…

— Что же остается? — спросил я. — На Земле мы, кажется,

уже все повидали!..

— Я выброшусь из окна! — Александр Петрович схватился за голову. — Как это все?!. Мы же не видели еще самого главного… Человека!

— Какого человека, дед?

— Да самого обыкновенного! Того чудака, который давным-давно, еще будучи обезьяной, свалился однажды с дерева, испуганно завопил: «Ма-ма!», — встал на задние лапы и развел первый костер… А потом, «немного погодя», настроил на Земле города, открыл атомную энергию, соорудил космический корабль и… ну и так далее. Допустим, что его зовут Чарли.

— Блеск! — завопил Генка в полном восторге. — Выдумаем такую машину, которая будет переносить нас в любой век и в любое место, куда нам вздумается. Выдумаем Машину Времени!.. Залез в кабину, нажал кнопку — вввжжик! — и затормозил… скажем, перед входом в шатер Чингисхана. Дал очередь из бортовых пулеметов, и вся история человечества пошла по-другому!.. — Глаза Генки так и горели. Он жаждал дела.

— Стоп, — сказал я. — Вылезай!.. Если история человечества пошла по-другому, то ни меня, ни тебя нет на свете. Вместо нас тут другие люди. И некому расстреливать Чингисхана. Но в таком случае он остается живым. И значит, история идет нормально. Следовательно, на свете опять появляешься ты, придумываешь свою Машину Времени и даешь очередь по шатру. Чингисхан убит… Пулеметы строчат по штабу, косят орду. Растерявшиеся монголы поворачивают коней и в панике бегут назад, в свои монгольские степи. Ход истории изменен. Нас нет на свете… Чингисхан опять уцелел… На дворе трава, на траве дрова, на дровах мочала — начинай сначала!.. Интересно, как ты из этого выпутаешься?

— Пренебрегу! — беспечно сказала Ленка.

Генка вопросительно смотрел на Александра Петровича. А я стоял на своем:

— Такая машина вообще не может быть создана. Так же, как вечный двигатель. Верно?

— Да, — подтвердил Ленкин дед. — Если уж что-то произошло, то произошло. И сбросить это событие со счетов истории невозможно! Пришлось бы сперва ликвидировать причину, которая его вызвала. Но эта причина сама была только следствием другой, предшествующей причины… И так — до бесконечности!.. Обоснованию того, что активное вторжение в прошлое невозможно, дано даже специальное название — постулат Причинности… И все-таки… — Александр Петрович внезапно распахнул дверь своего кабинета и жестом пригласил нас войти. Там стояла машина.

— Она действует в обход постулата, — сказал Ленкин дед.
Один за другим мы прошли в его кабинет. Игра началась.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

которая приводит нас в Зал Ожидания и знакомит с маршрутом предстоящего путешествия. Старт

Тонкий эластичный скафандр, словно трико акробата, неощутимо охватывал все мое тело от подбородка до кончиков пальцев, хвоста и крыльев. Ассистент, помогавший мне облачиться, был доволен.

— Как вторая кожа! — констатировал он. — Маску и шлем, Тькави, наденешь потом, когда вы разместитесь в машине. Ну-ка, повернись… Присядь… Встань… Подними руки… Согни… Нигде не тянет, не жмет?

— Порядок, — сказал я, принимая от него браслет с маленьким таймером — прибором вроде ручных часов, на циферблате которого отмечались годы, века и тысячелетия.

— Иди, одевайся!

К вешалке я подошел одновременно с Кагеном. Академиков уже поджидал нас. Обыкновенный земной человек — без хвоста и крыльев — он облачился в скафандр гораздо быстрее нас. Поверх скафандра на нем уже был его дорожный костюм, к поясу которого он пристегнул фляжку с водой и сумку с шоколадом.

— Мужская группа готова! — отрапортовал Александр Петрович, как только мы тоже оделись.

— В Зал Ожидания! — прозвучал ответ из динамика.

Настроение у нас было приподнятое. Шутка ли!.. Сейчас, вот за этой дверью, начнется наша небывалая экспедиция в прошлое. К тому недостоверному месту, как выразился однажды Сеггридж, откуда темный, низколобый неандерталец всматривался уже человеческими глазами в свое светлое будущее.

Мы решительно переступили порог. В громадном зале был только один человек. Он ждал нас у противоположной от входа стены, стоя под гигантским серебристым экраном с увеличенным изображением перфокарты, на которой был запрограммирован наш маршрут.

— Главный Диспетчер, — шепотом сообщил Академиков.

Одетый в белый крахмальный халат и такую же, похожую на коробку от торта, круглую шапочку, Главный Диспетчер сильно смахивал на врача. Справа от него находился вделанный в стену пульт управления, а слева стоял небольшой телевизор, на экране которого мы могли видеть капитана Лендеда, наблюдающего за нами со звездолета. Укрытые в стенах автоматические

телекамеры вели из Зала передачу, специально предназначенную для нашего капитана. Лендед улыбнулся и помахал нам рукой.

— Где ваша женская группа? — строго спросил Главный. В пустоте огромного Зала голос его прозвучал неестественно гулко.

«Вертится перед зеркалом!» — подумал я, но вслух этого, разумеется, не сказал. Позади хлопнула дверь.

— Здесь я! — крикнула Нкале, бегом догоняя нас. — Поехали?

Главный укоризненно взглянул на часы, повернулся к пульту и нажал кнопку, над которой светилась надпись:

«ВЫЗОВ ПНЕВМОКАПСУЛЫ».

Мы замерли в ожидании.

Массивная скрытая в стене панель бесшумно отошла в сторону. За нею открылось глубокое, похожее на грозовое небо, темно-фиолетовое пространство. Всю его центральную часть занимала ярко освещенная прозрачная капсула обтекаемой формы. Внутри нее находились четыре глубоких кресла. Кресла были пустые, но на уровне подголовников над ними нависали четыре серебристо-белых шлема, из-под которых на нас смотрели, запрокинутые чуть кверху, наши собственные бледные лица… Конечно, мы были предупреждены об этих масках, но зрелище было такое, что по спине у меня пошли мурашки…

— Внимание! — Главный повернулся к нам. — Прежде чем пневмокапсула вместе с вами будет введена в Систему и через нее переключена во времени, я должен уточнить некоторые особенности избранного для вас маршрута, разъяснить задачу, которую мы перед вами ставим, и проверить вашу морально-психическую подготовку к встрече с неандертальцами — теми первобытными людьми, которые обитали на нашей планете более пятидесяти тысячелетий назад… Понятно ли я говорю?

— Понятно! — дружно ответили мы. — Продолжайте, пожалуйста.

— Продолжаю… Как вам должно быть известно, предками земных людей были древние человекообразные обезьяны, жившие на деревьях. 12 или даже 14 миллионов лет назад они спустились с ветвей на землю. Что их заставило решиться на такой шаг?

— Любопытство? — предположила Нкале.

— Изменение климата!.. Тропические леса, в которых они обитали, начали редеть, уступая место саваннам. Чтобы выжить, эти обезьяны должны были расстаться с деревьями. На их месте каждый поступил бы так же.

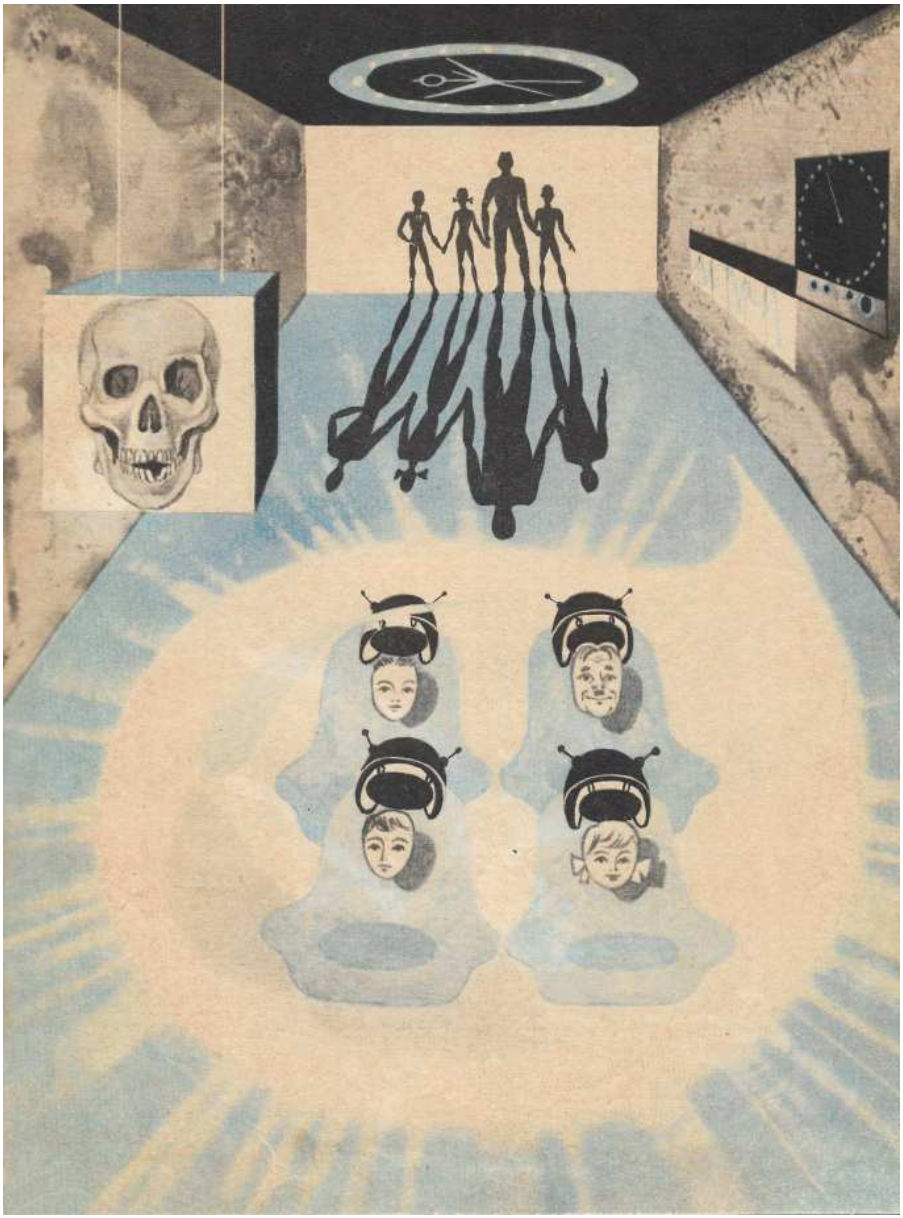
— Несомненно! — с готовностью подтвердил Каген, словно сам был при этом.

— Да, им пришлось спуститься… Разумеется, поначалу они чувствовали себя на земле не совсем уверенно. Передвигались, главным образом, на четвереньках, хотя, когда не спешили, могли сделать несколько шагов и на одних задних конечностях. Бороться с хищниками и добывать пищу — например, откапывать съедобные коренья — им было трудно: на пальцах у них вместо когтей росли ногти… Детеныши этих обезьян развивались довольно медленно. Прежде чем детеныш становился самостоятельной обезьяной, проходило, вероятно, несколько лет. А за это время у родителей появлялись новые малыши… Чтобы их охранять и выращивать, нужно было не разбредаться кому куда, а держаться всем вместе, или, говоря научно, объединяться в небольшие стада — сообщества. В этом было их спасение… И еще в одном… Бесспорно, нервная система и различные органы этих существ не достигли еще своего окончательного развития! В запасе у них была способность изменяться и совершенствоваться! Именно этой способностью они и воспользовались с таким успехом, что постепенно начали превращаться в человеческие существа. Конечно, на это потребовалось время — приблизительно 12 миллионов лет. Не могу вам точно сказать, когда такое существо появилось впервые. Но то, что 600 000 лет назад на нашей планете обитал уже некий обезьяночеловек, получивший название ПИТЕКАНТРОП — это неопровержимый факт! Около полумиллиона лет назад его сменил следующий предок человека — СИНАНТРОП, имевший еще более человеческий облик. И, наконец… перед нами — НЕАНДЕРТАЛЕЦ! Человек уже в полном смысле этого слова, только совершенно дикий, звероподобный…

Всякий раз, называя своего очередного предка, Главный давал нам полюбоваться изображением этого существа. Оно проступало сквозь перфокарту на большом экране.

— Итак, — сказал Главный, — вам сейчас предстоит отправиться к неандертальцам. Но не к тем, которые начали заселять Землю около трехсот тысяч лет назад, а к тем, что достигли уже довольно высокого развития и вот-вот должны были распроститься с дикостью… Взгляните!

Изображение перфокарты исчезло. Вместо нее на экране появился огромный человеческий череп с оскаленными зубами. Казалось, он улыбался…



— Прошу познакомиться, — сказал Главный. — Перед вами неандерталец — Шанидар Первый!.. Ученые обнаружили его полный скелет в одной из древнейших пещер, в горах Загроса в Иране. По названию пещеры «Шанидар» он и получил свое имя. А вам предстоит встретиться с ним при жизни. Вы когда-нибудь видели такой череп?

— А что особенного? — Каген пожал плечами. — Череп как череп… Только левый глаз чуть больше правого.

— Не глаз, а глазница! И не чуть, а почти вдвое больше —

она была разрушена, левый глаз вырван. Посмотрите на лобную кость. С правой стороны она была проломлена!

— Таинственное убийство? — Нкале подалась вперед.

— Убийства не было! Увеличенная глазница имеет почти квадратную форму, но углы ее закруглены. Пролом в лобной кости сглажен — его затянула новая кость. Несомненно, человек умер не от этих ран, они зажили. А теперь обратите внимание на его оскал. Передние зубы как-то странно разведены в стороны и необычно стерты…

— Их ему чуть не вышибли! — сообразил я.

— Если бы!.. Специалисты, однако, считают, что его зубы могли так стереться и разойтись лишь при одном условии: если Шанидар что-то носил в них или помогал себе ими в какой-то работе… Это предположение подтверждается тем, что у найденного скелета не хватает кисти и предплечья правой руки.

Ну, — сказал Каген, — за пятьдесят тысяч лет и не то могло потеряться!

— Нет… Плечевая кость, лопатка и ключица левой верхней конечности опровергает это. Они лучше развиты, крупнее и крепче, чем такие же кости справа. Значит, почти всю свою жизнь этот человек пользовался, в основном, только левой рукой. Правой у него не было, это ясно! А теперь подумайте вот над чем. Охотничья орда не имела возможности охранять своих стариков и кормить калек. В то время человек, который не мог самостоятельно выследить и убить зверя, неминуемо должен был погибнуть. Совершенно так же, как погибает искалеченный или ослабевший от старости волк. А Шанидар выжил. Как? Почему? Невероятный, загадочный, необъяснимый случай!.. Может быть, разгадка в зубах?.. Не знаю!

— А если ему все-таки кто-нибудь помогал? — несмело предположила Нкале. — Может быть, у него была дочка, которая его жалела?

— Докажите это, и вы перевернете все наши представления о неандертальцах. Современная наука считает, что в ту эпоху люди еще не были способны на такие чувства. Угроза голодной смерти вынуждала их порой даже поедать своих стариков и больных…

— Бррр!.. — передернула плечами Нкале и решительно направилась к пневмокапсуле.

— Нет-нет!.. — Главный поспешно преградил ей дорогу. — Сначала я должен проверить вашу морально-психическую готовность к предстоящей встрече. Дело в том, что по сравнению с современными людьми неандертальцы имели еще недостаточное умственное развитие и не вполне сформировавшуюся нравственность. Я со всею серьезностью

должен предостеречь вас от дурного влияния с их стороны… Вы понимаете? Старайтесь как можно больше общаться друг с другом…

— А песни и танцы у них уже были? — спросила Нкале.

— В зачатке, вероятно, да… — Главный вдруг с подозрением посмотрел на нее. — Уж не собираешься ли ты перенимать у них…

Мне стало не по себе. Сейчас он скажет, что наша морально-психическая подготовка не годится для встречи с неандертальцами! Но Академиков сориентировался еще скорее.

— Конечно же! — воскликнул он. — Чтобы убедиться, как далеко современный человек ушел от своих первобытных предков, наши гости должны видеть все!..

— Ты это хотела сказать? — Главный вроде бы сомневался.

— Это самое! — с готовностью подтвердила Нкале. — Мы же с другой планеты.

Пронесло!.. Главный перешел к пульту.

Прозрачный колпак пневмокапсулы откинулся кверху, как створка раковины. Переступив через низкий борт, мы заняли свои места в креслах. Никаких приборов, рычагов или кнопок внутри пневмокапсулы не было — все управление находилось на пульте Главного Диспетчера.

— Завершить облачение! — негромко сказал Главный.

Точно смоделированный по величине и форме моего черепа шлем легко опустился вместе с укрепленной под ним портретной маской. Тонкая, просвечивающая, как персиковая кожура, пленка коснулась моего лица, вплотную прильнув к нему незримыми датчиками. Я их даже не ощутил. Нкале и Каген тоже заканчивали облачение. Только профессор отстал от нас. Он забыл предварительно снять очки и теперь вытаскивал их из-под маски, чтобы водрузить сверху. Пока он занимался этим делом, мы успели немного погримасничать друг перед другом, восхищаясь тем, как точно маски копируют мимику наших лиц.

— Все! — совладев, наконец, с очками, объявил Академиков.

— Счастливого пути! — пожелал нам капитан Лендед.

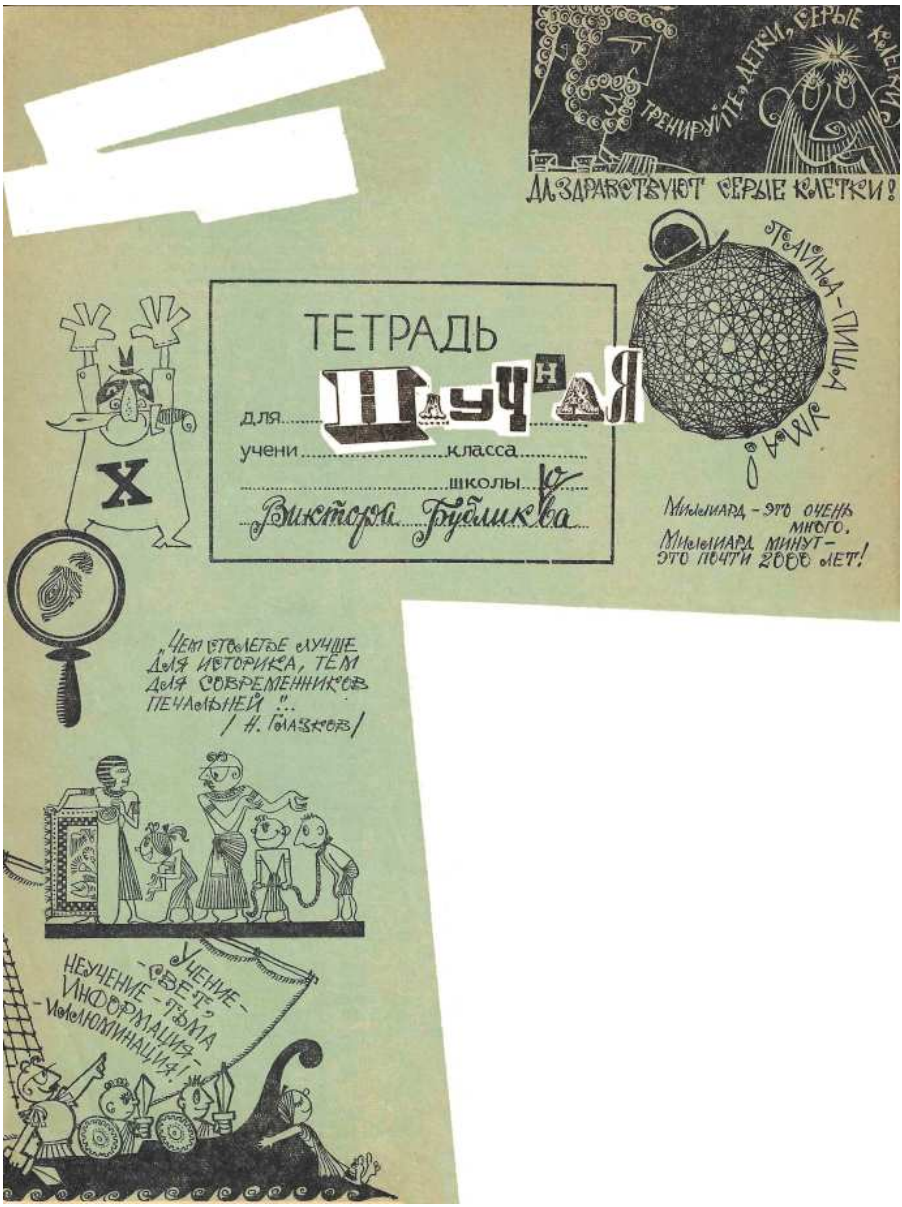
— Старт!

Колпак опустился. Панель задвинулась. Свет потускнел и погас. Мы почувствовали, как пневмокапсула начала набирать скорость. Но определить, в какую сторону она двигалась, я не мог. Даже способность видеть в темноте не помогла мне ориентироваться в этом странном движении. Только стремительное пощелкивание бесчисленных контактов, напоминающее стрекот африканских цикад, заполняло слух. Внезапно все мое тело пронзило ощущение, похожее на то, какое

бывает на языке, когда пьешь газировку. Через секунду оно прошло. Я понял, что в этот момент между живыми нервными клетками моего головного мозга и электронной схемой Системы замкнулись связи, превратившие нас в одно целое…

Я посмотрел на свое запястье. Светящийся циферблат таймера вращался с такой скоростью, что разглядеть его показания не было никакой возможности… «Не меньше тысячи оборотов в минуту!» — подумал я.

Машина Времени уносила нас в прошлое.


ТЕТРАДЬ
ученическая
для
учени класса
школы
Виктории Губликовой
ТРЕНИРУЙТЕ ДЕТКИ, СЕРЫЕ КЛЕТКИ
ДА ЗДРАВСТВУЮТ СЕРЫЕ КЛЕТКИ!
ГОЛОВА - ПУСТАЯ ГОЛОВА
Миллиард - это очень много. Миллиард минут - это почти 2000 лет!
"Чем столетье лучше для историка, тем для современников печальней"...
/ Н. Гоголь /
Учение - свет, неучение - тьма, информация - иллюминация!

Научная тетрадь № 1

«Однажды Гегель ненароком
И, вероятно, наугад
Назвал историка пророком.
Предсказывающим назад»…

[Б. Пастернак]

Чем столетье лучше для историка,
тем для современника печальней.

[Н. Глазков]

ПОСТУЛАТ — научное предположение, которое считается правильным, потому что выглядит самоочевидным… Если постулат удается доказать — он делается научным ЗАКОНОМ. Если его удается опровергнуть, он перестает существовать.

Ученье — свет, неученье — тьма. Информация — иллюминация!

Тренируйте серые клетки! Да здравствуют серые клетки!

Тайна — пища ума!

Миллиард — это очень много! Миллиард минут — это почти 2000 лет!

Наши стихи о том, что за человек — Чарли

Когда был Чарли обезьяной,
Он обезьяной был престранной —
Чего никто не мог — он мог!
Он с палкой по лесу бродил,
И «котелок его варил» —
Дай бог!..

Извилины в его мозгу
Свивались в дивную дугу
От умственной работы.
Кричала вся его родня:
— Не лезь к огню! Не тронь огня!
Погибнешь от него ты!

Дым лез ему и в рот и в глаз.
Не раз, а может, тыщу раз
Упрямца обжигало…
А все ж он совладал с огнем
И вкусный суп сварил на нем
Из чеснока и сала!

Он мясо ел, ел дикий лук.
Из гибкой ветки сделал лук,
И из другой — стрелу…
И глиной, рыжей, как закат,
Он 30 000 лет назад
Разрисовал скалу!..

Он честным был, и добрым был,
И верил в справедливость…
Но под влиянием внешних сил
Все это исказилось.

1. В головном мозгу человека ученые насчитывают почти 17 миллиардов маленьких серых клеток. С их помощью человек воспринимает все, что делается вокруг, думает и запоминает.

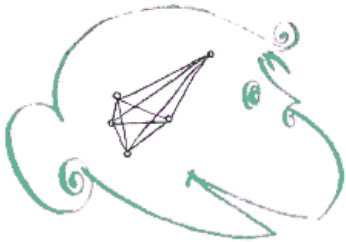
В головном мозгу самой развитой человекообразной обезьяны таких клеток приблизительно 5 миллиардов.

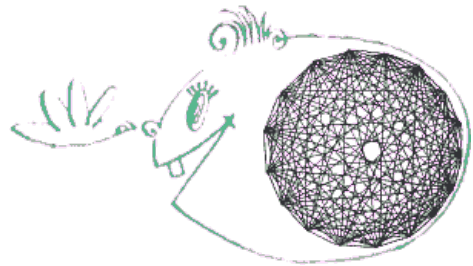
Значит ли это, что человек всего только в три с половиной раза умнее гориллы или шимпанзе? Нет, не значит!.. Потому что дело не только в числе серых клеток, но и в количестве тех связей, которые могут между ними возникнуть. Там, где появляются такие связи, происходит передача сигналов, совершается обмен сведениями между клетками и возникает мысль.

Чтобы это понять, построим модель. Нарисуем 5 точек. Допустим, что это — обезьяний мозг и каждая точка соответствует одному миллиарду клеток. Соединим каждую с каждой. Сколько получится связей? Легко убедиться — десять.

Теперь перейдем к человеку и построим модель на 17 точек. Сколько линий можно провести между ними? — 138!..

Учтите, в этих моделях мы вместо каждого миллиарда точек рисовали только одну. И попробуйте теперь прикинуть — во сколько раз человек должен быть умнее шимпанзе или гориллы, если он правильно использует свои серые клетки.



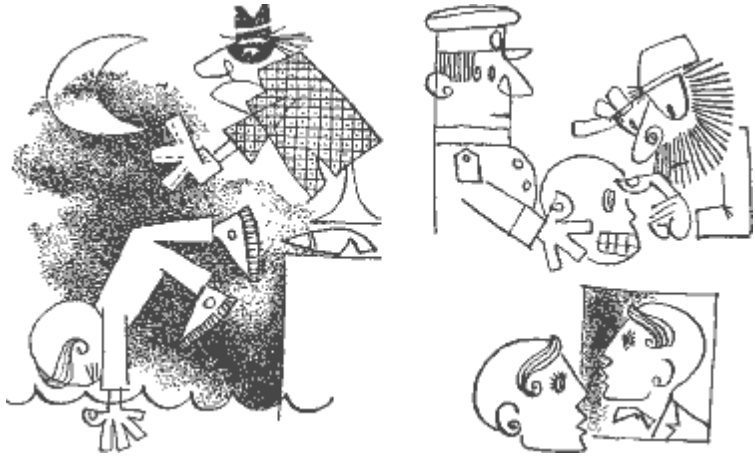


2. Находчивая человекообразная обезьяна может при случае пустить в дело подобранный на земле камень или древесный сук. На этом ее таланты кончаются. Заострить камень или обтесать сук обезьяна не может. Для такого замысла у нее не хватает связей между серыми клетками. Да и лапа обезьяны не справилась бы с такой работой.

Другое дело человек — существо, которое могло уже сознательно обколоть камень, чтобы его острием выковыривать съедобные коренья, проламывать черепа своим противникам, обрубать ветви. Вот чем человек Чарли отличался от обезьяны. Ведь он самостоятельно изготовлял полезные для себя орудия — значит, трудился! А способность «обезьяничать» — ИНСТИНКТ ПОДРАЖАНИЯ — достигал у него просто невероятного совершенства. Всякий полезный опыт одного Чарли немедленно перенимали все другие. Так они учились друг у друга и учили своих детей. Их знания, умения и опыт непрерывно росли. А потому нарастала и потребность в обмене различными сведениями — ИНФОРМАЦИЕЙ. И у человеческого существа начала развиваться речь — Чарли заговорил. Вывод: ТРУД СОЗДАЛ ЧЕЛОВЕКА.

3. Михаил Михайлович Герасимов был профессором Московского Государственного Университета. Он был антрополог и скульптор. Накладывая пластилин на лицевые кости окаменевших черепов первобытных людей, он создавал их портреты… Но было ли сходство?..

Однажды милиция доставила Герасимову череп какого-то утопленника, на котором не было уже ни кожи, ни мяса. Наложив на него пластилин, Герасимов сделал скульптурный портрет. Его сфотографировали. Снимок оказался совершенно похожим на фотографию одного человека, который исчез более года назад и которого разыскивала милиция!.. Так, благодаря ученому, было раскрыто преступление. И никто больше не сомневался в сходстве настоящих первобытных людей с теми скульптурами, которые лепил Герасимов…



4. Развитию Чарли очень помогало то, что, в отличие от обезьяны, он хотел мяса. А мясо, как вы понимаете, само в руки не шло. Его приходилось добывать силой, хитростью. Обезьяна, например, при виде пещерного медведя улепетывала со всех ног. А Чарли, хоть и боялся, но все равно не мог допустить, чтобы все это великолепное мясо гуляло зря на своих четырех ногах, в то время, как он, бедняга, его подруга и их детеныши хотят есть. Приходилось «шевелить мозгами», придумывать, как этого медведя взять, вступать в борьбу.

5. Постоянная работа развивала в неуклюжей руке первобытного человеческого существа гибкость, силу и чувствительность пальцев. И тут, обратите внимание, отсутствие когтей оказалось очень полезным. Ведь когти мешали бы и работе, и развитию осязания. А ногти обламывались и не мешали.

6. Первые, кое-как обколотые камни, которыми Чарли разбивал щиты черепах и кости животных, ученые называют ударниками. Минули сотни тысяч лет, прежде чем он перешел к рубилам — камням с неровными, но уже специально заостренными краями. Постепенно он научился отщеплять от камня тонкие, острые, как лезвие бритвы, пластинки, шлифовать камень, пилить его и просверливать в нем отверстия. Все это были величайшие открытия и достижения. Так, одно за другим, появлялись новые каменные орудия: скребки для обработки шкур, ножи, наконечники для копий и стрел, резцы и, наконец, насаженный на рукоятку каменный топор… От ударника до топора прошло около миллиона лет!

А вот деревянные орудия первобытных людей до нас не дошли. Дерево не камень — оно давно сгнило.

7. АНТРОПОС по-гречески — человек. ЭТНОС — племя, народ. АРХАИКА — старина, древность. ЛОГОС — наука.

Завеса тайны скрывает древнюю историю человечества. Чтобы поднять эту завесу, ученые трех профессий помогают друг другу. АНТРОПОЛОГИ исследуют окаменевшие кости древних людей. ЭТНОГРАФЫ изучают хозяйство, быт, обычаи и обряды тех народов, у которых и сейчас еще сохранились почти что первобытные условия жизни… АРХЕОЛОГИ — ведут раскопки… Раскопаны стоянки первобытного человека… Раскопаны города, в существование которых никто не верил… Прочтены загадочные иероглифы на каменных плитах и клинописные знаки на глиняных плашках, обнаружены удивительные произведения зодчества, живописи и скульптуры… Вот почему наш век называют иногда веком Великих Археологических Открытий. А Ленкин дед так прямо и говорит, что, по его мнению, археология — это настоящая Машина Времени.

8. Одним из первых человеческих существ на нашей планете считается тот, кости которого были найдены в Африке, в диком, совершенно безводном ущелье Олдовай, неподалеку от горы Килиманджаро. Двое английских ученых — Луис Лики и его жена Мери — раскопали там не только кое-какие кости этого существа, но и самые первые сработанные им каменные орудия. И еще там нашли несметное количество осколков от панцирей пресноводных черепах. Что это означает? А то, что больше миллиона лет назад на месте Олдовайского ущелья были озера и болота. Человеческое существо, которое скиталось по их берегам, ловило черепах, дробило панцири камнем, съедало мясо… Вот Лики и назвали этого Чарли — Гомо габилис, что значит — Человек умелый. Росту в нем было чуть больше метра. По своему внешнему виду он мало чем отличался от обезьяны. Зато мозг его весил уже вдвое больше, чем обезьяний — целых 700 граммов!

9. В 1894 году голландский ученый Эжен Дюбуа, производивший раскопки «в обезьяньем царстве» на острове Ява, наткнулся на удивительную находку. Это лишний раз доказывает — если хочешь что-то найти, надо знать, где искать. Так вот, Дюбуа нашел неизвестный еще науке почти что обезьяний череп и рядом почти что человеческое бедро! Дорисовали недостающие части скелета и получился «обезьяночеловек» — питекантроп. Рост — 170 сантиметров, вес мозга — 900 граммов…

Жил он примерно на миллион лет позже, чем тот, который получил кличку Гомо габилис.

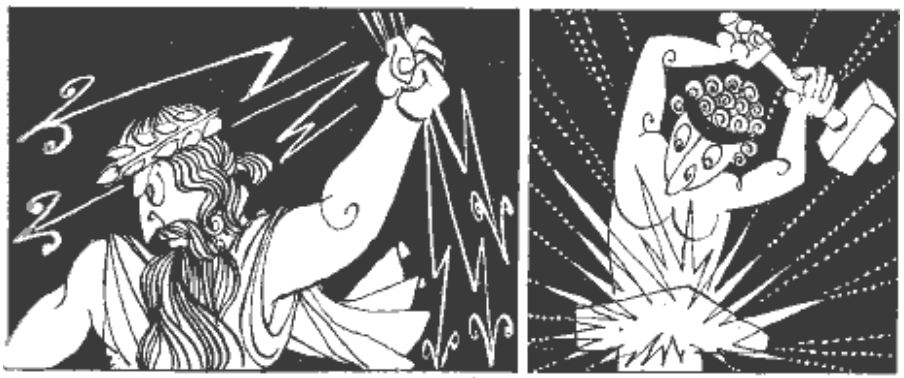
ПРИМЕЧАНИЕ. Питек — обезьяна.

Миф о Прометее

Разные захватывающие истории про дела богов, которых придумывал, Чарли, называются мифами.

Древние греки считали, что их боги живут на вершине горы Олимп. Там поначалу среди этих богов происходила свара за власть. Коварные интриги, подлое вероломство, чудовищные побоища — все было.

Ну, в конце концов, победу одержал Зевс-Громовержец, которому помог его дальний родственник — молодой титан Прометей. Так Зевс стал главным над всеми другими богами. Свой авторитет он поддерживал с помощью молний, которые ему наготовил его сын Гефест — друг Прометея и кузнец по профессии.



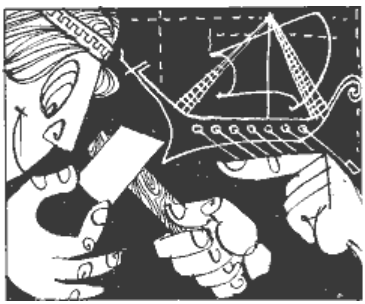
Теперь, когда на Олимпе воцарился мир, боги могли уделить внимание другим делам. Зевс вызвал Прометея и поручил ему и его брату Епиметею распределить между всеми живыми существами на Земле различные способности и полезные для жизни свойства. К несчастью, Прометей недосмотрел, а Епиметей просчитался и, когда очередь дошла до людей, выяснилось, что на их долю ничего не осталось.

Ни когтей, ни клыков, ни крыльев, ни копыт, ни теплой шкуры… — все роздано!

Голые, босые и беззащитные стояли перед Прометеем люди, и ему было ясно — если их отпустить без ничего, они погибнут. И Прометей решил их спасти.

Он отправился на Олимп и утащил оттуда божественный огонь для людей.

Заодно он по-быстрому научил — их разным ремеслам, строительству кораблей, земледелию



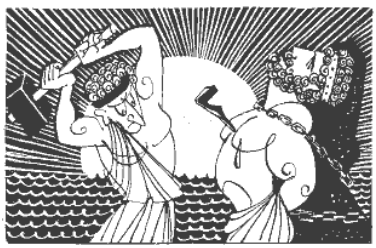
арифметике и письму.

Прометей торопился выполнить все, что задумал — он знал, что Зевс этого так не оставит.

И правда, едва Зевс узнал, что Прометей поделился божественным огнем с жалким, смертным человечишкой, ярость его не имела границ. Он немедленно приказал своим верным слугам — Силе и Власти — схватить Прометея и навечно приковать цепями к скалам Кавказских гор в самом безлюдном месте на берегу Черного моря.

И еще он велел вбить в грудь Прометея железный шкворень. И кто, по-вашему, должен был это сделать? Друг Прометея — Гефест!.. И Гефест сделал… Ну да, он не посмел ради дружбы с Прометеем пойти наперекор воле Зевса. Он лучше пошел наперекор своей совести!.. Так в мифах о богах отражались те отношения, которые были среди людей — ведь многие в то время пресмыкались перед теми, кто имел власть и силу.

Умереть Прометей не мог. Он сам происходил от богов и обладал бессмертием. Но легче ему от этого не было. Тем более, что Зевс наслал на него орла, который каждый день летал к скале и с утра до ночи рвал когтями и клювом печень прикованного титана.



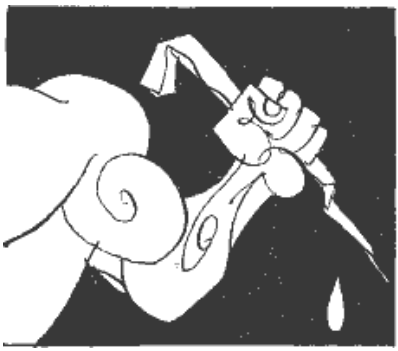
Зевс надеялся, что Прометей не выдержит мук и начнет молить о пощаде.

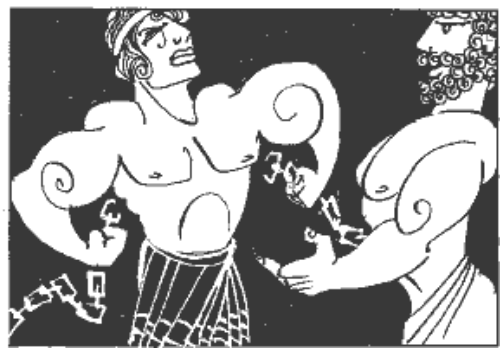
Нет!.. Прометей не склонил головы, не признал себя виновным. И запретил другим богам просить за него. Истерзанный, весь в крови, гордый титан велел передать Зевсу, что готов терпеть эту вечную муку, но никогда не пойдет в холуи к Громовержцу!..

Великий ученый-революционер Карл Маркс считал миф о Прометее самым прекрасным из всех мифов, а Прометея самым замечательным из всех героев. Потому что в этом мифе люди воплотили свою любовь к свободе и справедливости.

Шесть столетий мучился Прометей в своих цепях, пока не пришел к нему великий древнегреческий герой — Геракл.

Геракл убил орла, вытащил из груди Прометея железный шкворень и освободил титана.

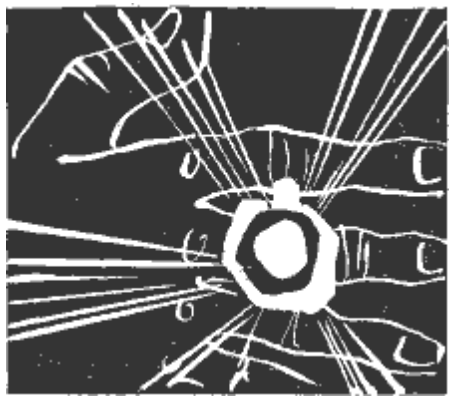




Но даже он не мог отменить приговор Зевса. И потому на одном пальце у Прометея осталось кольцо от цепи с прикованным к нему обломком скалы…

В память об этом и возник якобы обычай носить кольцо с камнем в оправе…

11. Ленкин дед, Александр Петрович, носит на пальце черное железное кольцо с зеленым камнем. Он говорит: «Это в память о Прометее!..»



ГЛАВА ВТОРАЯ,

начало которой с научной точки зрении не выдерживает никакой критики, но зато другая ее половина — охота на кишков — вполне достоверна. Исчезновение Кагена

Порыв ветра коснулся моего лица. Тьма рассеялась. В просвете густой листвы косо метнулось голубое небо. Сладкий запах переспелых плодов защекотал ноздри. До слуха донесся хриплый звериный рев, тут же перешедший в какие-то тревожные возгласы и нечленораздельное бормотание. Было похоже, что животное, издававшее эти звуки, безуспешно пытается подражать голосу человека.

Ни кресла, в котором я только что сидел, ни самой пневмокапсулы больше не было. Под ногами у меня пружинил толстый слой опавших листьев, а у самых глаз раскачивалась усеянная фиолетовыми цветами ветка дерева. Я потянулся к ней. Миг — и все вдруг опять заволокло темнотой…

В беспросветной черноте крест-накрест полыхнули две ослепительно белые молнии. Они озарили все вокруг, но не погасли, а словно бы растворились в ярком свете тут же наступившего дня. Сильный запах гари и опаленных перьев забивал дыхание. В глазах плясали алые языки пламени, охватившие расколотый ствол огромного дерева. Косматое обезьяноподобное существо, сгибаясь почти до земли, неуклюже бежало через поляну, на ходу пожирая обгорелую птицу.

— Началось! — услышал я восторженный голос Нкале. — По-моему, мы заходим к неандертальцам со стороны их предков!..

Я оглянулся. Нкале и Каген стояли в двух шагах позади меня. Солнечные блики переливались на их белых шлемах.

— А где Александр Петрович? — спросил я.

Мы растерянно смотрели друг на друга и озирались по сторонам. Академикова нигде не было. И горящее дерево куда-то пропало. Перед нами синело озеро. Мы стояли над ним на краю небольшого песчаного оползня, а чуть ниже, почти у самой воды, сидело совершенно голое человекообразное существо. Оно сидело на корточках, повернувшись к нам сутулой черноволосой спиной. В его правой руке был зажат круглый камень, которым оно старалось раздробить выпачканную землей розовато-белую кость. С концов кости свисали обрывки свежих окровавленных сухожилий. Как только кость лопнула, существо с жадностью

начало высасывать мозг из ее осколков. При этом оно боком повернулось к нам, и мы увидели полузвериное, обросшее длинной шерстью лицо с оскаленными, как у гориллы, клыками, низким покатым лбом и…

— Ой!.. — не своим голосом взвизгнула Нкале.

Если бы я не видел, как исказилось лицо Кагена, если бы не чувствовал, как дрожит Нкале, я бы решил, что схожу с ума… На хищной перепачканной кровью морде, под нависающими надбровными дугами, сверкали очки профессора Академикова!

— Оно пожирает Ал-лерсканда Пп-перло-вича! — заплетающимся языком пролепетал Каген.

— Как, как ты меня назвал?.. — знакомый насмешливый голос прозвучал у меня над ухом… — Кто это меня пожирает?

Наш ученый друг стоял позади нас, спокойно протирая очки.

Не в силах произнести ни слова, я мотнул головой в ту сторону, где только что плескалось озеро. Ни озера, ни того… странного!..

Далеко внизу простиралась заросшая густым лесом, горная долина. Под нашими ногами был крутой каменистый склон, поросший цветущими кустами шиповника. С одной стороны склон отвесно обрывался в долину, с другой переходил в хаос громоздящихся друг над другом великанских утесов. Над отдаленной снеговой вершиной в прозрачном утреннем небе кружил орел…

— Ну вот, мы почти на месте… — как ни в чем не бывало сказал Александр Петрович. Он небрежно бросил взгляд на свой таймер, — 50 тысяч лет до нашей эры, прошу проверить! Остается найти пещеру, в которой живет Шанидар… Пошли!.. — Академиков решительно двинулся вдоль склона к темнеющему впереди входу в ущелье.

Происшествию с очками он, очевидно, не придавал никакого значения. Или, наоборот, придавал! Но хотел отвлечь от него наше внимание, чтобы не давать объяснений… Только он

недооценил Кагена!

Едва мы сделали несколько шагов вслед за Александром Петровичем, Каген заставил нас немного отстать.

— Слушайте, — страшным шепотом сказал он, — я все понял. Система что-то напутала в начале программы. Это был сам Александр Петрович, только превратившийся в своего первобытного предка!

— Вот еще! — возмутилась Нкале. — Почему это именно он превратился в своего предка, а мы нет?

— Не догадываешься? — Каген снисходительно усмехнулся. — Он кто? Он — обыкновенный земной человек! А мы — пришельцы с другой планеты. О наших предках Система ничего не знает!..

Каген был так доволен своей догадливостью, что чуть было не перешагнул через край обрыва.

Поразительное открытие Кагена совершенно ошеломило меня. «Что будет, если искажение коснулось не только начала программы? В каком еще виде появится перед нами профессор?» — думал я, с опаской наблюдая за Александром Петровичем. Он шагал впереди меня, выбирая путь среди скал. За моей спиной слышались возбужденные голоса Нкале и Кагена. Занятый своими мыслями, я не прислушивался к тому, о чем они говорили.

Склон розовел цветущими кустами шиповника. Зеленовато-бурые ящерицы сновали в редкой траве между камней и блаженно грелись на солнышке, щуря круглые птичьи глазки. В голубом небе проплывали пушистые белые облака… Если бы я не знал, что Машина отнесла нас на целых 50 тысяч лет назад, в далекое прошлое этой планеты, я бы сказал, что ландшафт не представлял собою ничего особенного. А между тем чего-то мне не хватало. Но чего?.. И вдруг до меня дошло!

— Почему ты остановился, Тькави? — удивленно спросила Нкале, поравнявшись со мной. — Что-нибудь потерял?

— Так, — ответил я, — пустяки… Ты не знаешь, где наши тени?

— Дома!.. — небрежно сказал Каген, подходя к нам. — Хочешь опыт?

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперед к маленькой хохлатой птичке, которая чирикала среди камней, доверчиво поглядывая в нашу сторону. Птичка и не думала улетать — она не боялась.

Внезапно Каген занес ногу и наступил на пичугу…

Бац!.. От моего толчка Каген отлетел в сторону и, не удержавшись на ногах, нырнул головой в пышно разросшийся куст шиповника.

— Настоящий булыжник! Пень!.. — кричал он мне оттуда. — Темный неандерталец! Я имею в виду тебя…

Хохлатая пичуга как ни в чем не бывало беззаботно подпрыгивала на своих тонких ножках, чирикая во все горло.

Еще ничего толком не понимая, но уже догадываясь кое о чем, я провел рукой поперек куста. Рука почувствовала прикосновение ветвей, но они не задержали ее. То ли она прошла сквозь ветви, то ли они сквозь нее — решить было невозможно. Во всяком случае, глядя на землю, я видел тень куста, через который проносил руку, и не видел тени своей руки.

— Мы ничего не можем изменить в этом мире, — сказала Нкале. — Даже сорвать цветок…

— Ни-че-го! — делая вид, что боится подойти ко мне, подтвердил Каген. — Мы видим и чувствуем все, а нас ни увидеть, ни почувствовать никто не может. Это потому, что Система действует в обход Постулата Причинности! Понял?

Академиков издали махал нам рукой. Он успел довольно сильно опередить нас и теперь стоял на выступе скалы перед входом в ущелье. Мы поспешили присоединиться к нему. Дальше дороги не было. Скалистый выступ, словно балкон, нависал над бездной. Метров на триста ниже нас, в темной глубине пропасти, грохотал и пенился бурный горный поток. Уходящие круто вверх, обнаженные скалы громоздились над нами.

— В этих местах часто бывают землетрясения, — пояснил Александр Петрович.

Он указал на противоположную сторону пропасти, где несколько вывернутых с корнями и уже засыхающих сосен свисали над бездной. То здесь, то там из-под навала камней виднелись ободранные ветви и корни. Две половины расщепленного во всю длину дерева медленно раскачивались на ветру, образовав треугольную арку над разделившей их трещиной в скале.

— Спустимся вниз на крыльях, — предложил Каген. — А там…

Он осекся, не окончив фразы.

Надрывный раздирающий уши звук внезапно потряс окрестности, отразился в ущельях и поплыл над горами перекатами постепенно стихающего многоголосого эха. Горы выли, всхлипывали и хохотали. Ни источника звука, ни места его возникновения мы не могли определить.

— Если бы не эхо, — начал я, когда звук утих, — мы бы…

Александр Петрович приложил палец к губам. Я замолчал.

Сгрудившись на своем балконе, мы затаив дыхание ждали повторения странного звука. Но ничего, кроме грохочущего в

глубине потока, не нарушало воцарившейся опять тишины.

Академиков перевел взгляд на противоположную сторону пропасти. Там, метров на сто выше нас, вздымался замшелый, похожий на крепостную башню, утес.

— Пожалуй, — нерешительно сказал Александр Петрович, — оттуда мы могли бы кое-что рассмотреть…

— Намек понят! — немедленно отозвался Каген.

Мы с ним подхватили Академикова под мышки и вслед за Нкале взмыли над пропастью. В тот же миг загадочный леденящий душу звук снова огласил горы. Дикое злобное торжество, безысходное отчаяние и яростная угроза сливались в нем.

Опустившись на вершину утеса, мы сразу же увидели то, что прежде было скрыто от нас. За поворотом ущелье раздваивалось. От него ответвлялась длинная зияющая промоина. Ее дальний конец упирался в нависающую над бездной скалу, через край которой шумно обрушивался водопад. Бурный поток в глубине пропасти как раз и был его продолжением…

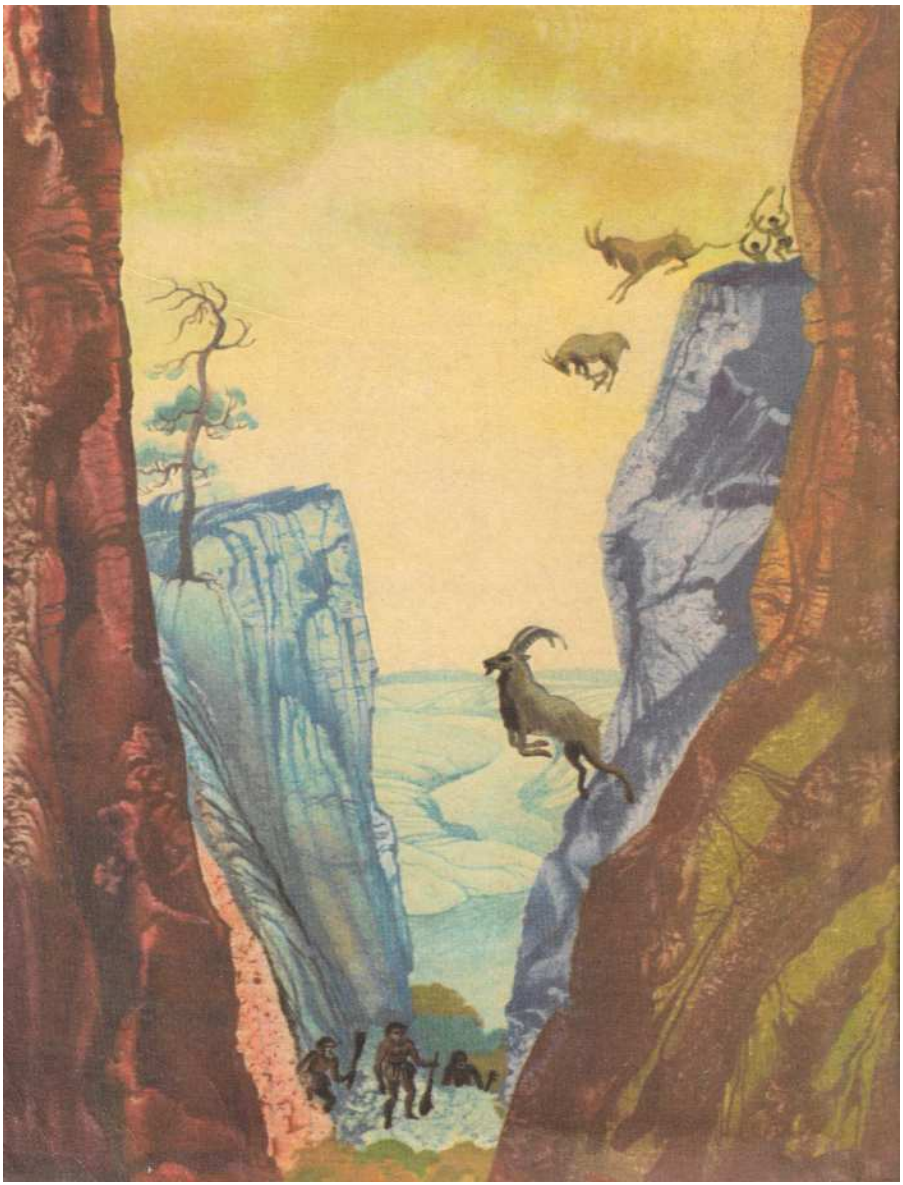
В самом верху, там, где над отвесными стенами промоины нависали уступы горных круч, происходило какое-то движение. Сперва нам показалось, что это камни катятся с высоты, перелетая через попадающиеся на их пути расселины. Но это были не камни. Это были живые существа. Они стремительно неслись вниз, неуклонно приближаясь к роковому обрыву… Вот они исчезли за нагромождением скал, вот вновь появились и вдруг замерли на крутизне, метрах в двадцати от края промоины. На фоне голубого неба четко вырисовывались их тонконогие, покрытые глянцевой черновато-коричневой шерстью тела и гордо вскинутые удлиненные морды с круто загнутыми назад огромными рубчатыми рогами…

— Горные козлы! — восхищенно воскликнул профессор. — Кииkи!..

Он хотел еще что-то сказать, но тут еще более страшный вой в третий раз полоснул нас по нервам, и мы увидели, как из-за скал выскочили преследователи кииков. Их было человек десять. Мощные черноволосые тела охотников были едва прикрыты звериными шкурами. Босые ноги словно не чувствовали острых камней… Исступленно крича и воя, размахивая дубинами и швыряя камни, они ринулись на животных. Так вот что означал этот охотничий клич?..

Кииkи попали в ловушку. Путь назад и в стороны им был отрезан. Впереди зияла промоина. Охваченные паникой животные, метнулись к ней… Миг — и вот уже великолепный, рекордный прыжок перенес их вожака над бездной. Следом за

ним бросились остальные. Казалось, невидимые крылья переносили их через пропасть.



Один… Другой… Третий… Пятерка кииков благополучно перемахнула промоину. Но для шестого и седьмого этот прыжок был последним. Очевидно, это были совсем еще молодые, не успевшие окрепнуть самки. Не достигнув противоположного края, они рухнули вниз.

Три маленьких козленка с жалобным блеянием бегали над

обрывом, боязливо заглядывая в глубину и тычась мордочками друг в друга. На головы двоих обрушились дубины охотников. Самого маленького один из неандертальцев схватил за ножки и живого перебросил через плечо…

Охотничий клич прозвучал в четвертый раз. Теперь он донесся снизу, со дна промоины. Там, на берегу потока, затаившаяся в ожидании добычи группа охотников добивала сорвавшихся в ущелье животных.

— Вот и все!.. — задумчиво произнес Александр Петрович. — Мы никогда не узнаем, сколько бессонных дней и ночей им пришлось неотступно преследовать это стадо, чтобы загнать его сюда, в эту естественную западню. Но результат налицо. Они заранее все рассчитали и привели свой план в исполнение. Это свидетельствует об уме неандертальских охотников, их выдержке, ловкости и великолепном знании своих гор.

— Они всегда так охотятся? — спросил Каген.

— Ну, нет!.. Пещерного медведя, например, не заставишь прыгать через ущелье. Да он и не подумает бежать, а сам перейдет в наступление. Поэтому его подстерегают в подходящем месте, скажем, над выходом из пещеры и обрушивают сверху тяжелые глыбы… А в долинах, где водятся носороги и мамонты, применяется хитрость. Там охотники вырывают глубокие ямы и маскируют их тонким настилом из ветвей и травы. Провалившись в такую яму, животное напарывается брюхом на вкопанный в дно ямы острый кол.

Александр Петрович посмотрел на Нкале.

— Да, — сказал он, — жестокий способ. Но до изобретения лука и стрел еще тысячи лет. Вот им и приходится рассчитывать, в основном, на свою хитрость… Без этого — голодная смерть.

— Все равно, — покачала головой Нкале, — хватит охоты. Лучше прямо отправимся к пещере. Слетим вниз и пойдем…

— Сделаем проще. На каждом из наших шлемов имеется локализатор — уточнитель места и времени. Нужно только один раз нажать кнопку, которая находится справа… Система сразу переключит нас к пещере Шанидара.

— Отлично! — воскликнул я. — А почему мы сразу, еще на склоне, не воспользовались локализатором?

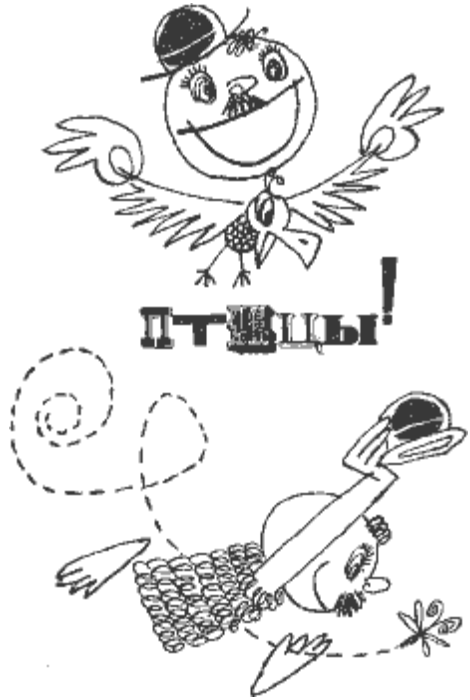
— Чтобы лучше освоиться с обстановкой и особенностями Системы… Эй, остановись!.. Подожди!..

Его возглас относился к Кагену, который уже давил кнопку на своем шлеме. Но Академиков опоздал. Место, где только что стоял Каген, опустело на наших глазах…

Научная тетрадь № 2

Как Чарли учился думать.

Поначалу все, что Чарли видел, он еще не умел связывать одно с другим и называл отдельно. Например: Ворона… Глухарь… Сова… Орел… Тетерев… И только потом, когда в сознании у него возникли вопросы ПОЧЕМУ и СКОЛЬКО, он вдруг сообразил: а ведь у всех у них по 2 крыла, и они летают!.. Так, все эти ничем не связанные слова вдруг объединились в его сознании одним общим понятием — птицы!..



А это потребовало дальнейших размышлений: чем птицы отличаются от насекомых, которые тоже имеют крылья и могут летать?.. И так, постепенно, словно круги по воде, у Чарли расширялся кругозор и развивалась способность сопоставлять и связывать одно с другим.

12. Никто не знает, где и когда Чарли впервые осмелился взять в руки горящую головню, чтобы отбиться от хищных зверей, а затем догадался обложить ее сухими ветками и развел первый костер. Зато мы знаем другое…

В Китае, неподалеку от Пекина, есть огромная пещера Чжоукоудянь. Около полумиллиона лет назад она была обиталищем синантропов. Такое название дал этим первобытным людям китайский ученый Пей Вэнь-Чжунь, который в начале нашего века нашел их кости. (СИН — значит китайский).

Ростом синантропы немного уступали питекантропам, а вот мозг их весил уже почти 1200 граммов. Но самое главное — СИНАНТРОПЫ УЖЕ ИМЕЛИ ОГОНЬ!.. Весь пол этой пещеры был покрыт плотно слежавшимся слоем пепла семиметровой толщи! Он накапливался там добрых 150 000 лет, в течение которых синантропы заселяли свою пещеру.

13. Иногда, желая намекнуть, что кто-то не такой уж умный, говорят: «У него не хватает извилин!»

Про какие извилины речь? Про извилины головного мозга. Их тем меньше, чем примитивнее живое существо. У рыбы, например, поверхность мозга почти совершенно гладкая. А у человека вся она состоит из извилин. Зачем человеку извилины?

Знаменитые серые клетки, от количества которых зависит умственное развитие, образуют верхний слой головного мозга — его «кору».

Ясно, что по мере увеличения числа серых клеток, общая площадь коры должна была увеличиваться — кора разрасталась. Если бы она при этом продолжала оставаться гладкой, она не могла бы уместиться в прежнем черепе. Но природа нашла решение!

Чтобы представить себе в чем оно заключается, создадим модель. Возьмем БОЛЬШОЙ мешок и НЕБОЛЬШОЙ ящик. Поверхность мешка во много раз больше, чем поверхность ящика. Однако мешок мягкий, и затолкать его в ящик ничего не стоит — надо только хорошо скомкать. Вот и вся модель!

Именно так, как мы с мешком, обращалась природа с корой головного мозга. По мере своего разрастания, кора головного мозга все время «комкалась» — собиралась в извилины, в складки. Только так она и могла уместиться в черепной коробке. И благодаря этому, череп у нас не стал огромным, как бочка!..

ПРИМЕЧАНИЕ. Прежде чем решать, что у кого-то «не хватает извилин», убедись, что у тебя самого их достаточно, чтобы правильно разбираться в чужих мыслях.

14. Известны случаи, когда волчихи похищали грудных детей и выкармливали в своем логове вместе с волчатами. В 1920 году двое таких волчьих выкормышей попали обратно к людям. Это было в Индии. Одной девочке было уже 2 года, другой — 7. Они бегали на четвереньках, ели с пола сырое мясо, рычали и скалили зубы, если к ним кто-нибудь приближался… Несколько лет ученые бились, чтобы поставить одну из них на ноги и научить говорить… Ничего не вышло! Она сумела запомнить с десяток слов, но произносила их очень невнятно.

Этот случай доказывает — кто воображает, будто родился на свет с уже готовым умом, жестоко ошибается. Кем бы вырос человек, если бы с первого своего крика не жил среди других людей, которые его воспитывают и учат? Балбесом бы вырос, вот кем!

С умственным развитием, как у младенца. Жуткая перспектива!

ПОСЛОВИЦА: «С кем поведешься, от того и наберешься».

15. Вообразите, что город, в котором вы живете, — огромная модель человеческого головного мозга. В этой модели каждый житель, в том числе и вы сами, представляет собою одну маленькую серую клетку. С момента своего появления на свет вы начинаете знакомиться с другими людьми — устанавливать с ними контакты, связи… Сначала это мама, папа, бабушка, дед… Потом к ним добавляются те, кто бывает у вас в гостях. Потом — те, кого вы встречаете во дворе, потом — все те, с кем вы дружите, учитесь, работаете… От каждого человека вы кое-что узнаете, каждому что-то сообщаете.

То же самое происходит и в головном мозгу. Для своего нормального развития серые клетки должны постоянно устанавливать между собой контакты, «знакомиться», обмениваться сигналами, общаться друг с другом. Когда это происходит, мозг работает — мыслит. Только так он и может развиваться.

ЗАМЕЧЕНО: чем человек моложе, тем быстрее и легче его серые клетки воспринимают знания и устанавливают новые связи. Человек, который упустил время смолоду, потом уже вряд ли сможет многому научиться. Потому что без постоянной тренировки серые клетки теряют свои способности, словно бы засыпают. И чем дальше, тем труднее их пробудить.

16. Свое название неандертальцы получили от ученых, которые в середине прошлого века нашли их кости в долине реки Неандер, в Германии. Оно так и сохранилось, хотя позднее точно такие же кости были обнаружены и в других местах Европы, Африки и Азии…

Форма лица и черепа у неандертальцев была уже гораздо более человеческой, чем у их предшественников — синантропов. Тело заметно выпрямилось. Руки стали сноровистей и умелей — большой палец удлинился и приобрел исключительную подвижность, а концы остальных четырех — окрепли. Мозг Чарли-неандертальца весил уже столько же, сколько весит мозг современного человека, приблизительно полтора кило.

17. Появился Чарли-неандерталец около 300 тысячелетий назад. Просуществовал, примерно, 250 000 лет. Развитие неандертальцев шло значительно быстрее, чем у всех их предшественников. На это были причины.

Дело в том, что они попали в ледниковый период. Чудовищное оледенение надвинулось с полюса на всю северную часть Европы, Азии и Америки. И, можно сказать, поставило Чарли-неандертальца в безвыходное положение: либо ты, не теряя

времени, изменяйся, совершенствуйся, изощряйся, либо исчезни с лица Земли!

А он не хотел исчезать! Чтобы не замерзнуть, ему нужно было отапливать пещеру и обзаводиться одеждой из шкур. Растительной пищи становилось все меньше. Чтобы добыть мясо, приходилось охотиться на огромных волосатых носорогов и косматых мамонтов. А одному такого зверя не взять!.. Так первобытное человеческое стадо, в котором жил Чарли, начало превращаться в сплоченную орду охотников. Самый сильный и опытный охотник становился вожаком орды…

Мужчины делали себе специальное оружие — большие кремневые ножи, копья с каменными и костяными наконечниками, дубины с привязанным на конце тяжелым камнем. Женщины и дети в охоте не участвовали. Поблизости от пещеры они собирали какую могли найти растительную пищу, ходили за топливом для костра, поддерживали огонь… А когда охотники приносили добычу, женщины сдирали шкуру, готовили харч. Для этого у них были свои собственные инструменты — небольшие каменные ножи и скребла. Из шкур они изготовляли одежду. Только не штаны и рубашки, конечно, куда там! Просто они так обрезали и соединяли куски шкур, чтобы изделие не свалилось с плеч. Дыры в шкурах протыкали каменными остроконечниками и костяными проколками. Для связывания употребляли жилы. И потому можно предположить, что первый узел на свете был изобретен неандертальской женщиной…

То, что неандертальцы сорганизовались в охотничью орду и у них появилось разделение труда на мужской и женский, имело очень важное значение для дальнейшего развития Чарли.

18. — Предлагаю игру, — сказал Ленкин дед. — Вот я записываю на бумажке некоторое понятие, только не говорю вам пока какое. А вы, не смущаясь этим, скажите-ка мне, на что похоже то, что я записал. Только не подглядывайте!

— На эскимо! — ответила Ленка.

— На глобус! — сказал я.

— На мотороллер! — объявил Генка.

— Я загадал «письмо», — сказал Александр Петрович, — можете проверить! А теперь прошу объяснить: что общего между письмом и глобусом, Витя?

«Вот так попал!» — подумал я, но потом как-то сообразил: и на письме и на глобусе есть обозначение географических пунктов!

— Верно, — кивнул А. П. — А почему письмо похоже на мотороллер?

— Оба совершают путешествия, — тут же нашелся Генка.

— А у меня целых два объяснения! — заявила Ленка. — Во-первых, эскимо и письмо рифмуются, а во-вторых, и то и другое следует сперва распечатать!

— Браво! — сказал Александр Петрович. — А вот мозг неандертальца для таких обобщений еще не годился. Игра в «На что похоже?» была ему недоступна…

19. Нервные клетки располагаются в головном мозгу не

«навалом», не как горох в мешке, а в строгом порядке. Каждая группа клеток образует особый отдел — «центр», который имеет свое собственное предназначение. Самые древние из них — центры Голода, Жажды, Размножения, Страха, Гнева… Наряду с ними центры Обоняния, Зрения, Слуха, Осязания, Вкуса… А вот, например, центр Речи — совсем молодой. Ученые полагают, что первые клетки этого центра зародились и начали группироваться у Гомо габилиса. Еще новее — центры Счета и Письма. Их, вероятно, не было даже у неандертальцев…

ОПЫТ. Мирному кролику вживляют в центр Гнева пару микроскопических электродов. Пускают ток… Миг — и раздражение этого центра приводит его в такую ярость, что кролик делается как бешеный.

20. Юго-западная часть Азиатского материка, расположенная между Персидским заливом и тремя морями: Красным, Средиземным и Каспием — называется Передней Азией. На востоке этой области находится Иранское нагорье, в которое входят горы Загроса. Предполагается, именно те неандертальцы, что обитали в этих горах, стали родоначальниками современного человека, который называется Гомо сапиенс — Человек разумный. Впервые он появился на Земле 40 или 50 тысячелетий назад.

Предполагается также, что все другие неандертальцы, населявшие в то время Землю, либо вымерли, либо смешались постепенно с потомками выходцев из Передней Азии.

21. Если кибернетические машины не ошибаются в своих расчетах, то около сорока тысячелетий назад число людей на Земле приближалось к 80 миллионам. Среди них уже не было неандертальцев. Как я и как вы, все они принадлежали к породе Гомо сапиенс…

Если бы кто-нибудь взял новорожденного ребенка Чарли — Гомо сапиенса, который жил тогда, перенес в наши дни и потрудился над воспитанием малыша, из него бы вырос вполне нормальный современный человек. Мозг его уже был подготовлен к этому.

Крутолобые статные богатыри, потомки выходцев из Передней Азии, постепенно заселяли Азию, Африку и Европу. По мере того, как они отдалялись от своей первоначальной родины, попадали в новые условия и теряли всякую связь с другими родичами, все заметнее делалось различие во внешнем облике этих людей. Так на Земле возникли три основные человеческие расы, которые существуют сейчас.

Главное, чем расы отличаются друг от друга, — это цвет

кожи, волос и глаза. Люди с черной кожей получили название негроидной, или экваториальной расы. Раса европеоидов имеет белую кожу. А раса монголоидов — желтую. Только в этом и состоит их различие. В способности же трудиться, чувствовать и соображать — никакой разницы между ними нет.

22. ОБЗОР СОБЫТИЙ. Примерно 40 тысячелетий назад на Земле началось потепление. Огромные пространства Европы, Сибири и Северной Америки постепенно освобождались от льдов. Там, где лед стаивал, возникала тундра.

Проходили тысячелетия. Потепление продолжалось. На месте тундры вставали леса.

А что делал Чарли?

Где-то еще до конца самого сильного оледенения он сообразил, что для получения огня ему вовсе незачем дожидаться, пока молния подожжет дерево или начнет извергаться вулкан. Вместо этого он сам научился ударом кремня о кремень высекать искры, от которых загорался сухой мох, и придумал еще несколько других способов добывания огня с помощью трения двух сухих кусков дерева друг о друга…

Около 30 тысяч лет назад, преследуя каких-то животных, он достиг самого дальнего северо-восточного края Сибири и, перейдя посуху то место, где теперь Берингов пролив, сам не зная того, проник в Северную Америку…

16 тысячелетий назад, а возможно и того раньше, он завел дружбу с маленьким общительным волком, который с некоторых пор отирался возле его стоянок. Он приручил этого волка, назвал «собакой» и превратил в своего верного спутника и помощника на всю жизнь…

Еще немного спустя он начал строить себе жилища — шалаши, землянки и даже какое-то подобие хижин из клыков и костей мамонтов. Он вынужден был это делать, потому что пещер на всех людей уже не хватало и не повсюду, где хорошо было охотиться и ловить рыбу, он мог разыскать пещеру…

И примерно тогда же он соорудил свою первую лодку из выжженного и выдолбленного внутри ствола большого дерева… А там, где не было подходящих деревьев, он все равно сделал лодку, связав ее из снопов тростника…

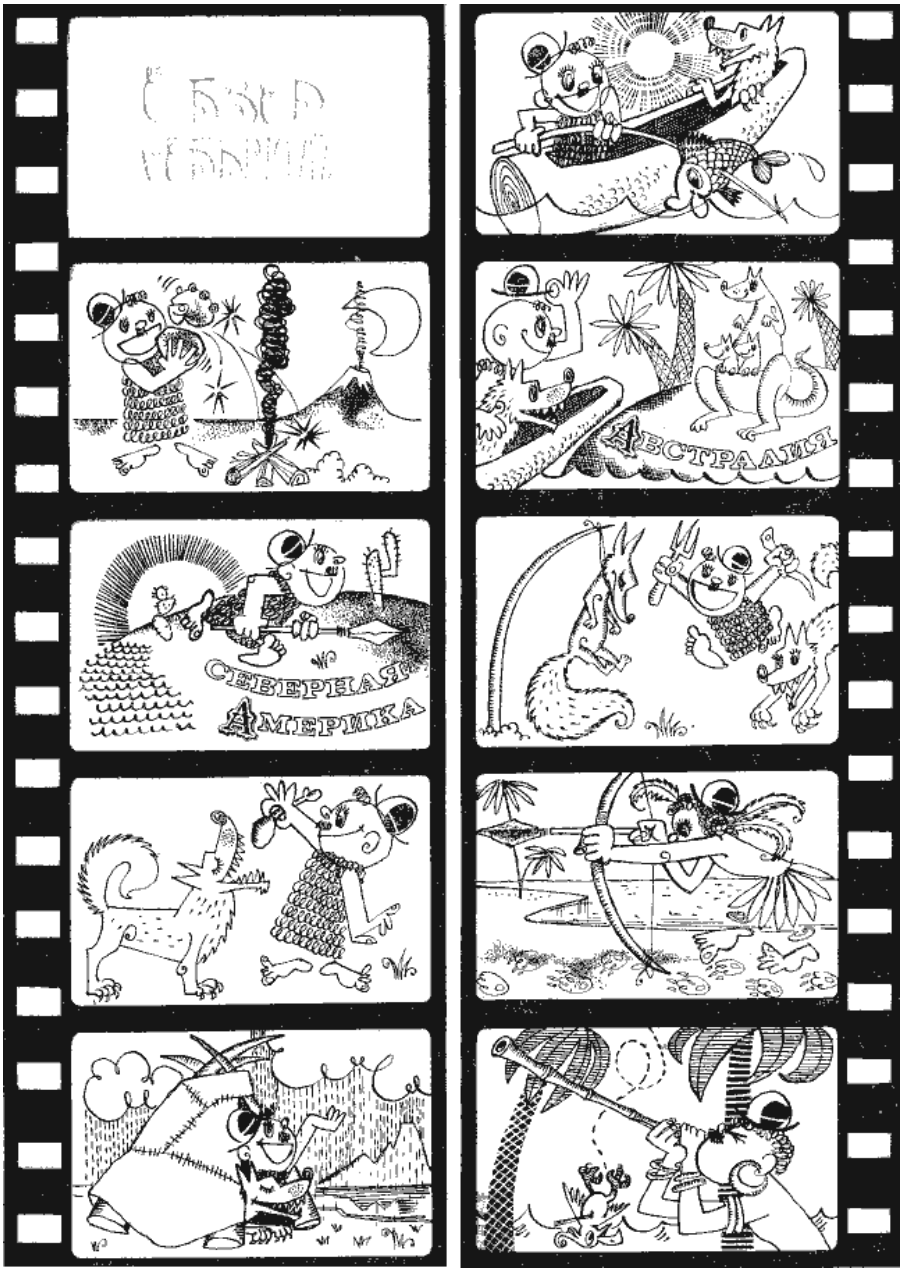
И тут, 15 или 10 тысячелетий назад, переплывая на своей лодке от острова к острову, он добрался до Австралийского материка… Произошло это, примерно, в то же самое время, когда на другой стороне земного шара потомок того Чарли, что проник в Северную Америку, только-только начал заселять Южную…

И так как в это же приблизительно время — около 12

тысячелетий назад, на Земле начали вымирать мамонты, то, хочешь не хочешь, Чарли пришлось переключиться на более мелкую дичь и придумывать разные хитроумные ловушки с петлями, которые настораживались на упругой согнутой ветке…

С этой веткой он возился 3 или 4 тысячи лет. Теперь внимание — упругая ветка подсказала идею. Сейчас он изобретет нечто такое, что изменит всю его дальнейшую жизнь!.. Три… Два… Один… Вот он! — Чарли, живущий на северо-африканском берегу Средиземного моря, появляется перед нами с луком и стрелами в руках!.. И, наверно, в это же время другой Чарли — обитатель южноамериканских джунглей, и третий Чарли — индонезиец — независимо друг от друга изобретают духовую трубку и маленькую отравленную стрелу… Свершилось!

С этого момента Чарли может убивать свою добычу на расстоянии и один на один готов вступить в бой с любым противником…



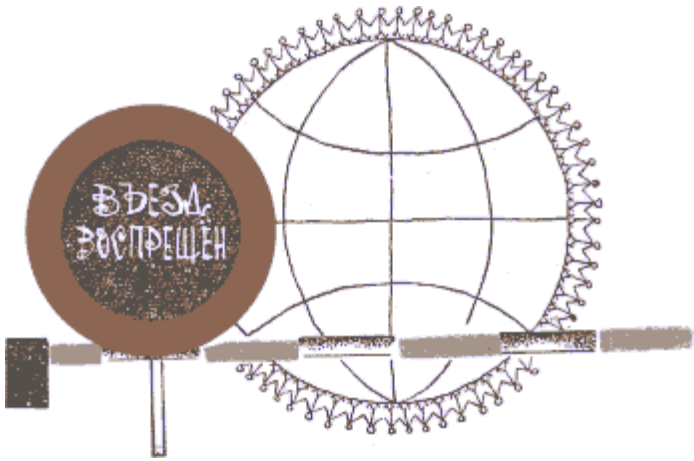
23. Не надо думать, что первобытный человек везде и одновременно добивался одинаковых успехов. Конечно, обитатель гор не мог изобрести лодку и, конечно же, не африканец открыл, что замороженное мясо хорошо сохраняется. Все решали окружающие условия: богатство или скудность природы, суровость или мягкость климата, удобство путей сообщения… Это теперь, если ты сегодня изобрел что-нибудь

стоящее, назавтра уже известно всему миру. А тогда… От изобретения лука и стрел до повсеместного их распространения, потребовалось несколько тысяч лет!

Стрела эскимоса насквозь пронзает северного оленя с расстояния в 100 метров.

Меткий индеец сбивает стрелой парящего в небе орла.

24. Что такое МОЕ, ТВОЕ, НАШЕ, ВАШЕ, ОБЩЕЕ, ЧУЖОЕ, НИЧЬЕ?..

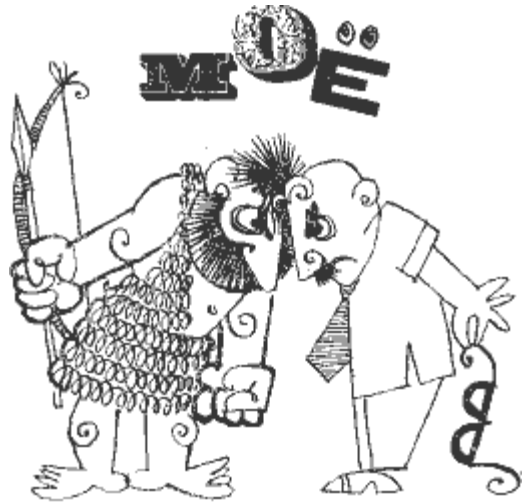


Воздух, например, ничей. Его сколько угодно. Его нет необходимости добывать, за него не надо бороться. То же и Солнце. Пользуйтесь на здоровье. Даром!.. А Земля? С большого «З» — она наша общая. Мы ведь земляне!.. А с маленького? Каждый клочок земли уже поделен и кому-то принадлежит: такому-то государству, таким-то людям.

А. П. сказал: «Очки, которые я ношу, — мои. Они — моя личная собственность, потому что необходимы мне для работы. Я

не могу без них. И пусть только кто попробует их у меня отнять. Я ему так дам!..»

Примерно так, как Ленкин дед относится к своим очкам, первобытный человек относился к своему каменному ножу или луку. Это была его личная собственность, которую он сам для себя сделал. Без этих орудий он не мог высунуть нос из пещеры.



ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Но, кроме личной собственности, у него была еще и другая — общая, принадлежавшая не одному отдельному человеку, а всему роду, состоящему из людей, которых связывало родство, занятия и жилище. Общей собственностью были огонь, земля, на которой род добывал себе пищу, лодки и сети для рыбной ловли, добыча…

По сути дела, если исключить личную собственность, МОЕ и НАШЕ в кругу одного рода совершенно не различались. Все равно как я говорю «наша квартира», «наша школа», «наша страна». Могу ведь сказать и «моя» — имею право!

Но так оставалось только до тех пор, пока всего было в обрез и никто не мог присвоить себе больше других. Никому и в голову такое не приходило — нечего было присваивать!.. И только когда такая возможность появилась, возник новый вид собственности — ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, при которой один человек имеет избыток, а другой — шиш!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой мы встречается, наконец, с загадочным неандертальцем и узнаем кое-что о его жизни. Глава заканчивается на много тысячелетий позже и совершенно в другом месте

Поступок Кагена ужасно рассердил Александра Петровича.

— Ну и всыплю же я этому неслуху! — взбеленился ученый. — Пусть только попадется мне в руки!.. За ним!..

Мы надавили кнопки. День сменился поздними сумерками. В поле зрения возник лесистый обрыв. У его подножья чернела вытоптанная площадка. За нею, освещенный изнутри костром, виднелся пролом в скале. Это был вход в пещеру. Запах смолистого дыма приятно защекотал ноздри.

— Здесь! — прошептала Нкале.

Сильный ветер гнал по небу низкие облака, шумел в деревьях, взвивал пепел остывших кострищ. Повсюду валялись клочья шерсти, обглоданные кости, разбитые звериные черепа, Перед самым входом поблескивали острые осколки кремния.

— Здесь они изготавливают свои орудия, — сказал профессор, — каменные рубила, скребки, ножи. Такие находки часто попадаются при раскопках…

Людей на площадке не было. Но в глубине пролома, возле небольшого уютно-приветливого костра, сидели двое: взрослый неандерталец, которого мы видели со спины, и лицом к нему мальчик лет примерно восьми, совсем голый, перемазанный глиной и сажей. Длинные спутанные волосы почти совсем скрывали его и без того низкий, покатый лоб. Выступающие надбровья и сглаженная, почти что без подбородка, нижняя челюсть придавали его лицу довольно свирепый обезьяний облик. И все же это было настоящее человеческое лицо, к тому же искаженное болью.

На тыльной стороне его левой кисти вздувались мутные, водянистые пузыри. Там, где они лопались, кожа сходила клочьями, обнажая живое мясо. Казалось, мальчик вот-вот заплачет. Губы его кривились и вздрагивали, широкий, приплюснутый нос мучительно морщился. Но глубоко сидящие страдальческие глаза с каким-то удивлением и даже любопытством рассматривали страшный ожог.

В правой руке мальчик держал плоский костяной сосуд, очевидно, обломок чьего-то черепа. В этот «ковшик» по каплям

стекал расплавленный костный мозг из длинной закопченной кости, которую поворачивал над огнем неандерталец, сидевший спиною к нам. Пряди седовато-бурых волос свисали с его затылка на короткую, напоминающую загривок буйвола, шею. Редкая рыжеватая шерсть покрывала могучую спину. Вокруг бедер была обернута шкура киика.

Мы крадучись подошли к пещере и заглянули сбоку. Под ободранной левой бровью неандертальца слезилась пустая глазница. Через всю щеку, левую сторону шеи и грудь тянулся длинный ряд глубоких бледных рубцов — давний след когтистой звериной лапы. Правое плечо заканчивалось обрубком…

— Шанидар! — прошептала Нкале, но тут же спохватилась. — А чего таиться? — Она смело шагнула в полосу света и задорно крикнула: — Привет неандертальцам! Вы нас видите?

Нет, конечно, они нас не видели, даже не повернулись.

— Несомненно, у них хорошо заживали раны, — разглядывая Шанидара, сказал Александр Петрович. — Но как этот человек сумел сохранить свою жизнь уже после того, как вылечился от ран? Как добывает пищу?..

Шанидар вытряхнул в ковшик последние капли жира и с силой отшвырнул кость. Нкале инстинктивно шарахнулась в сторону, но натолкнулась на меня. Просвистев сквозь Нкале, кость глухо шлепнулась на площадку.

— Это! — коротко сказал Шанидар, протянув руку к ковшику.

Оказывается Система позволяла понимать незнакомый язык без всякого перевода!.. И когда Шанидар заговорил, мы увидели его необычно стертые и разведенные в стороны передние зубы.

Поставив черепок на землю, Шанидар обхватил его пальцами ног. Затем взял несколько заранее приготовленных зеленых листьев, сунул в рот и, хорошо разжевав, сплюнул в сосуд. Перемешав пальцами жвачку с костным жиром, он поднял голову и снова сказал: «Это!..» Его взгляд указывал на больную руку мальчика.

Мальчик протянул руку. Шанидар осторожно наложил на ожог толстый слой своего целебного снадобья, прикрыл сверху свежим листом и ласково заурчал.

— Что он сказал? — не поняли мы.

— Очень многое, — ответил профессор. — У них еще совсем мало слов. Судя по интонации, это урчание должно означать сочувствие, уверенность, что все сделано правильно и рука скоро заживет, похвалу мальчику за его выдержку… Этот способ выражения мыслей ученые называют ЗВУКОВЫМ языком. Постепенно из звукового языка развился ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНЫЙ, в котором звуки образуют слова, а каждое слово имеет свой, совершенно точный и определенный смысл… Как только Каген попадет ко мне в руки, я продемонстрирую вам прекрасный образец современного членораздельного языка. Заранее прошу прощения, Нкале.

Боль в руке мальчика, очевидно, стихла. Глаза его начали слипаться, голова клонилась на грудь.

— Спать, — сказал Шанидар.

— Спать, — повторил за ним мальчик, вставая. — Спать…

— Хороший, послушный мальчик, — с одобрением сказал Александр Петрович. — Не то, что Каген! Уверен, это разумное,

но совершенно недисциплинированное существо с вашей планеты нажало кнопку не один раз, а два или три. Уж я этого так не оставлю. Не возьму его в следующее путешествие, вот что!

И тут появился Каген. С виноватым видом он вынырнул из глубины пещеры и остановился по ту сторону костра.

— Я больше не буду! — взмолился он. — Я нажал кнопку только один раз, как вы сказали. Ей богу, правда!

От радости, что Каген так легко нашелся, Александр Петрович сразу забыл свое намерение продемонстрировать нам прекрасный образец современного членораздельного языка.

— Что ты там делал? — только и мог он спросить.

— Изучал, как они спят. Знаете, что я выяснил? Они ложатся, чуть наступают сумерки. А Шанидар охраняет огонь. Охотники еще не вернулись. В пещере одни дети и женщины. От голода у них бурчит в животах, они рычат и вздрагивают во сне. Хотите взглянуть?

Каген уже не каялся. Он приглашал так, словно успел стать хозяином этого обиталища.

— Первым делом мы должны выяснить все, что касается Шанидара. Посидим с ним, — отклонил приглашение Академиков.

— Зачем? — Каген пожал плечами. — Мы для него невидимки и неслышимки. Пресс-конференция не предвидится.

— Предвидится! — возразил ученый и шагнул под скалистый свод.

Рассевшись вокруг костра, мы уставились на однорукого неандертальца. Он неподвижно сидел на корточках, прислонясь спиною к стене. Кончики заостренных ушей чутко вздрагивали. Единственный глаз с покрасневшими от дыма веками тревожно всматривался в ночную темь. Ветер усиливался. Тяжелые черные тучи месились в небе.

Внезапно губы неандертальца дрогнули, мышцы на шее напряглись, и мы услышали тихий протяжный стон, постепенно переходящий в хриплое подвывание, почти неотличимое от шума деревьев и свиста ветра. Нкале насторожилась. Сперва она только прислушивалась. соображая что-то, а затем вдруг сама начала подвывать.

— Инстинкт подражания, — подмигнул мне Каген. — Он подражает ветру, она ему, мы ей… Подхватим?

Гневный взгляд Академикова пресек нашу затею. Подняв руку к шлему, Александр Петрович слегка коснулся кнопки, расположенной над левым виском. Из лобовой поверхности шлема выдвинулись два гибких усика-стебелька с мохнатыми утолщениями на концах и сами собой повернулись в сторону

Шанидара. Не понимая еще что к чему, мы тоже потянулись к кнопкам. Александр Петрович сказал:

— Эти усики — биоантенны. Они воспринимают мысли и чувства человека, на которого обращены.

Каким-то странным путем, минуя зрение, слух и все другие обычные органы восприятия, мысли и чувства неандертальца вдруг подключились к моему сознанию, заполняя его удивительным ощущением неразделимой связи этого первобытного человека со всем, что его окружало: землей и небом, лесами на склонах гор и бурлящей среди камней рекой, огнем, людьми, птицами и зверьем. Все это было одно с ним и было внутри него, и через биоантенны передавалось мне, воздействуя на какие-то неведомые, вероятно, давно заглохшие нервные центры, которые вдруг проснулись и открыли мне поразительный мир Шанидара — смертельно опасный и в то же время по-своему добрый… Сложная смесь запахов, оглушавшая мое обоняние, теперь разделилась, как цвета в радуге. Каждый запах приобрел свое собственное значение, и его нельзя уже было спутать ни с каким другим. Я ощущал запах обгорелой кости, выброшенной Шанидаром наружу, и запах деревьев и трав, и запах неостывших еще от дневного жара камней, и запах ветра, насыщенный почти что зримыми образами всего, чего этот ветер коснулся на своем пути, и запах каждого человеческого существа в глубине пещеры… Вместе с Шанидаром я слышал дыхание этих людей и ровный шум леса снаружи, со всеми его таящимися, спящими и бодрствующими обитателями; и в моем, словно обновленном, сознании, подобно реке, текла непрерывная вереница зрительных образов, каких-то полу видений… Весь этот удивительный, недоступный мне прежде мир, был в нем — загадочном первобытном человеке, обитавшем в горах Загроса за пятьдесят тысячелетий до того, как ракетный катер «Луча» высадил нас на Землю!.. Я зажмурил глаза.

Страшный голод терзал Шанидара. Мысли его упорно вертелись вокруг кости, которую он употребил на лечение обожженной руки мальчика. Это была отличная мозговая кость, крупная, совсем мало обглоданная, наполненная замечательно вкусным жиром. Он завернул ее в листья и закопал в укромном месте еще тогда, когда охотники в последний раз приносили добычу. Он хотел достать ее этой ночью, когда все заснут и никто не увидит, что у него есть такая хорошая, почти совсем целая кость, и не сможет ее отнять. Потому что все живое, чтобы жить, нуждается в пище… Но теперь этой кости больше не было. Мальчик, мать которого не вернулась из леса, который чаще других приходил к нему и помогал заботиться об огне, и,

непонятно почему, приносил ему иногда ягоды и коренья, перевернул на свою руку череп, в котором сердилась вода. Они вместе раскаляли в костре камни и опускали их в эту воду, чтобы разозлить ее, потому что когда она злилась, она могла размягчать жесткую древесную кору и волокнистые коренья, и тогда человек мог это есть. И мальчик ничего не знал про кость, пока не перевернул на свою руку череп, из которого выскочила очень злая, рассерженная покрасневшими от жара камнями вода и искусала ему руку так, что на ней поднялись мягкие спелые пузыри и кожа слезала клочьями… И тогда Шанидар откопал кость, чтобы помочь мальчику.

Теперь он жалел об этом. Вкусный запах раздразнил его голодные внутренности, они рычали у него в животе и набрасывались друг на друга… Шанидар уже не думал о мальчике. Запах выброшенной наружу кости настойчиво звал его.

Четкость моего восприятия вдруг нарушилась. Мысли Шанидара отпустили мое сознание. Я открыл глаза. Шанидар был уже у выхода на площадку. Вернулся он с костью в руке. Мысли его снова слились с моими. Они были все теми же — голод и кость… Кость… Он осматривал ее со всех сторон, обнюхивал, скреб зубами, пытался высосать хоть какие-нибудь остатки мозга. Ничего в ней не было. Сглотнув слюну, человек принялся ворошить костью в костре…

Чтобы огонь не умер, он тоже должен был есть. На воле он сам добывал себе пищу — сухие листья, стволы и ветви деревьев. Но этот огонь, неизвестно когда и кем заточенный в пещеру, следовало кормить из рук… Шанидар подложил в костер сучьев. Затем достал из расщелины в скале прямую тонкую жердь и поднес ее конец к пламени. Движения его были медленны, осторожны. Чтобы конец копья стал твердым и хорошо сохранял остроту, его следовало обжечь на костре. Для этого надо было знать повадки огня, знать, над каким огнем и как долго поворачивать жердь, чтобы ее заостренный конец не сгорел, а только потемнел и приобрел твердость… Копья, которые он делал, хорошо служили охотникам его рода, которые добывали пищу и вступали в бой с чужими людьми, приходившими иногда неизвестно откуда с намерением захватить их места охоты, изгнать всех живущих в этой пещере и самим поселиться в ней.

И если бы Шанидар был, как все другие мужчины его рода, у которых все глаза и все руки (неандерталец не умел считать еще даже до двух), он бы сам стал великим охотником… Но он не мог стать охотником!..

В золотистой пляске огня вдруг появилась усатая голова гигантской кошки с жаркой, как пламя, пастью. Два изогнутых

огромных клыка, направленных косо вниз, торчали из верхней челюсти зверя, словно два занесенных для убийства кинжала. Прижав короткие уши, кошка изготовилась для прыжка и, хотя я понимал, что это только видение Шанидара, все мое тело напряглось от страха и ожидания, а лицо и спина покрылись противным холодным потом.

Не знаю, почему саблезубый тигр не убил тогда Шанидара, а только искалечил его. Может быть, он убил и унес кого-то другого. Наверно, и сам Шанидар не знал этого. Но он хорошо помнил лицо молодой косматоволосой женщины, которая склонялась над ним, зализывала его раны и прикладывала к ним жвачку из целебных трав. Эта женщина не покинула его тогда, а выходила и выкормила, потому что была его матерью и не имела в то время других детей. И она повсюду таскала его с собой, потому что он был маленький, живой и теплый и никак не хотел умирать. И она кормила его своим молоком гораздо дольше, чем все другие матери кормили своих детенышей. В этом, наверно, все дело!.. Только когда у нее появился другой детеныш, она перестала замечать Шанидара… И хотя он был уже достаточно большим и сильным, чтобы самому добывать съедобные плоды и коренья, ему редко удавалось съесть то, что он находил. Другие дети тут же набрасывались на него и отнимали добычу. Они подкрадывались с той стороны, с которой у него не было глаза, и ловко выхватывали из его руки пищу, прежде чем он успевал вцепиться в нее зубами.

— Получается, будто он специально отвечает на наши вопросы! — с удивлением сказал Каген.

— Он думает только о том, что касается его жизни, — возразил Александр Петрович. — У него великолепная память и обостренная наблюдательность. Количество мыслей, правда, невелико. Зато каждую свою мысль он обдумывает очень тщательно, долго и по многу раз… Надеюсь, сейчас мы узнаем, почему у него изменились зубы!..

Но именно этого нам узнать не пришлось. Снаружи донесся мощный шум ливня. Ночная тьма перед входом озарилась гигантской молнией, и каменный свод над нами, потрясенный чудовищным громовым раскатом, заходил ходуном. Охваченный первобытным страхом, Шанидар метнулся в пещеру — туда, где находились другие люди…

Так началась гроза. Потоки ливня кружили сорванную вихрем листву. По площадке перекатывались огромные, похожие на всклокоченных мокрых чудовищ, обломанные ветви деревьев. Порывы ураганного ветра, врываясь в пролом, заливали костер каскадами ледяных брызг… И Шанидар вернулся.

Ответственность за огонь заставила его преодолеть страх. А может быть, и не только это. Может быть, он относился к огню, как мать к своему детенышу, и просто не мог оставить его в беде… Вобрав голову в плечи, он приблизился к шипящим остаткам костра, схватил последний, еще не погасший сук и побежал назад. Мы последовали за ним…

В пещере было темно. Перепуганные женщины и дети жались друг к другу в самом дальнем углу своего подземного обиталища. С высоты неровного закопченного вековым дымом свода пещеры свисали тяжелые конусы сталактитов — каменных сосулек, образовавшихся в тех местах, где сотни, а может быть, и тысячи лет просачивалась насыщенная известковыми солями вода…

— Что ты здесь видишь, Тькави? — спросил Академиков, которого я вел за руку.

— Женщины и дети сбились в углу. На полу — сухая трава и звериные шкуры, на которых спали… Много костей… И… плохо пахнет.

— Запахи я различаю сам, Тькави… А какую ты видишь утварь?

— Ее немного… Ковшики из черепов. Камни, которыми греют воду. Рубила, скребки…

Шанидар между тем раздувал пламя под сухими ветками, сложенными посреди пещеры. Я выпустил руку ученого. И тут вдруг, когда казалось, что все уже успокаивается, плавный толчок всколыхнул гору. Пол пещеры приподнялся, качнулся и начал уходить из-под ног. Сверху посыпался песок, полетели камни. Вопли ужаса огласили пещеру. Сбивая друг друга, люди кинулись к выходу.

— Землетрясение! — петушиным голосом крикнул Каген. Схватив Нкале за руку, он ринулся в давку. Я — за ними…

— Назад!.. Мы под защитой Системы! — рявкнул Академиков, перекрывая вопли и грохот. — Назад!..

Пыль забивала глотку. Своды тряслись. Огромный сталактит пронесся рядом со мной и, как не взорвавшаяся авиабомба, вонзился острым концом в толстый слой пепла, утрамбованный на полу.

Пещера опустела. Только сбитый с ног полурастоптанный Шанидар, с окровавленным посеревшим лицом, ползал у остатков костра, сгребая тлеющие угольки в костяной ковшик с пучочком сухой травы.

Из глубины пещеры послышался стон. Грохот нового обвала заглушил его, но затем наступило кратковременное затишье, и мы явственно услышали жалобный голос мальчика. Шанидар его тоже слышал. Он стоял на коленях, не зная на что решиться.

Мальчик лежал у стены, придавленный обломком скалы. А мы стояли почти что рядом и ничем не могли помочь.

Шанидар встал с колен. Обрубком руки он прижимал к груди череп с драгоценными угольками.

— Он должен спасти огонь, — без надежды сказал Академиков.

Но Шанидар уже шел на зов. Он нашел мальчика и, упираясь спиною в стену, ногами откатил обломок. Мальчик, качаясь, встал. Шанидар подхватил его и повел к выходу. Отсветы углей, тлеющих в черепушке, которую он прижимал к груди, отбрасывали на потолок громадную смутную тень его головы… Они были уже у самого выхода, когда по горе снова прокатился подземный гул. Сверху грохнули камни…

Сквозь завесу оседающей пыли мы увидели лежащего на земле Шанидара. Его волосы заливала кровь. Рот был раскрыт, и странный оскал зубов снова бросился нам в глаза.

— Что случилось? — тревожно спросил профессор. — Говорите же!..

— Шанидар… — чуть слышно всхлипнула Нкале.

В кромешной тьме мы подвели ученого к неподвижному телу… Усики наших шлемов склонились над окровавленной головой, вздрогнули и торопливо выпрямились. Контакта не было.

— Все, — прошептал Каген. — Вот и все… умер.

— А мальчик? — Академиков сжал мою руку. — Он тоже?..

— Нет… Наверно, Шанидар успел передать ему череп с огнем, и он выполз.

— Прощай, Шанидар! — печально проговорил Александр Петрович. — Через пятьдесят тысяч лет твои кости будут найдены в этой пещере. Тогда мы опять встретимся. А теперь нам пора… Прощай!

Мы задвинули усики шлемов и мгновенно почувствовали себя в креслах стремительно мчащейся пневмокапсулы. Александр Петрович сказал:

— В общем, мы узнали почти все, что нам было поручено. Остались зубы. Объяснить эту загадку я не могу.

— Может быть, — нерешительно сказала Нкале, — когда Шанидар заготовлял топливо для костра, он держал в зубах лямку от перекинутой через плечо вязанки с хворостом? Чтобы освободить руку!

— Вряд ли! — подумав, решил Александр Петрович. — Как однорукий, он должен был перекидывать лямку всегда через одно и то же плечо. А его зубы разведены симметрично — в обе стороны. Скорей уж он обгрызал концы жердей, из которых

мастерил копья. Заострял их…

— А вы заметили, как ловко он прихватил черепушку пальцами ног? — возразил Каген. — Наверно, он мог бы держать и жердь. А конец заострял каменным ножом, который был у него за поясом!.. Я думаю, вот что… Ведь он хотел быть охотником, да? И, если бы брал в зубы какое-нибудь оружие… например, остроконечную кость или, еще лучше, пару рогов небольшого животного, он мог бы…

— Блестяще! — воскликнул Александр Петрович. — Боюсь только, что придумать такую фантастику способен лишь человек с высоко развитым интеллектом. Практически, это дьявольски неудобно!

Они замолчали. Каген, очевидно, обдумывал: обидеться ли за «фантастику» или возгордиться за «интеллект». Пощелкивание контактов начало замедляться. Еще несколько минут, и мы вернемся в наш мир…

— Очередь за тобой, Тькави! — сказал Александр Петрович.

Мне было горько за Шанидара. По-моему, виною всему был голод. Нестерпимый, вечный… Шанидар не мог охотиться. Не мог драться за каждый кусок. Ему доставались кости. Всю жизнь он грыз и обгладывал кости… как пес… И от этого его человечьи зубы…

Но прежде, чем я решил, стоит ли говорить все это, пневмокапсула дернулась и со всего разгона остановилась. По инерции нас рвануло вперед… Подбросило… Я прикусил язык… Новый рывок… Остановка… Снос в сторону…

— Летим по ухабам времени! — засмеялась Нкале.

— Я же говорил, что с Машиной не все в порядке, — проворчал Каген. — Дурит наша Машина, вот что!..

Сильный толчок… Свет!

Мы лежали лицами вниз на раскаленном, как сковородка, песке.

Научная тетрадь № 3

25. ПОРТРЕТ ГЕРОЯ. Как выглядел Чарли, который жил на юге Европы около 10 тысячелетий назад?

Сквозь загар просвечивал белый цвет его кожи, с головы на плечи ниспадали длинные волосы, пышная борода и усы украшали его лицо. Все это потому, что он принадлежал к европейской расе. Но цвет глаз у него мог быть и голубым, и серым, и темным, а волосы могли быть хоть рыжими, хоть совсем светлыми, хоть каштановыми, хоть совершенно черными, как вороново крыло — это уже не имело значения.

Его плащ-накидка был сшит костяной иглой из мягких, хорошо обработанных шкур, шерстью наружу, так как «носило» эту шкуру животное, с которого ее снял Чарли. За его кожаным поясом торчал блестящий, отлично отполированный каменный нож с резной рукояткой из кости или рога. Шею и грудь Чарли украшал ожерельями. Мужские ожерелья делались из когтей и клыков убитых хищников. Они свидетельствовали об отваге, силе и хитрости Чарли-охотника. А женские ожерелья были мирными. Их нанизывали из ярких ягод, красивых косточек, из разноцветных и причудливых семян растений… Стены и потолки многих известных ему пещер он покрывал изображениями различных зверей, сценами охоты и рыбной ловли. Такие рисунки, сделанные резцом, сажей и цветными глинами 10–20, а то и 30 тысячелетий назад, удается порой находить еще и сегодня.

Возле его новых, собственноручно построенных им жилищ начали появляться деревянные и каменные изваяния богов — идолы. А внутри вы могли бы увидеть искусно сплетенные из растительных волокон сетки и циновки, корзины из лозы, посуду и различную утварь из дерева, корья, кожи, камня, кости, рога и раковин… На стенах сушились целебные и ядовитые травы. Ночную тьму он разгонял светом лучины или смоляного факела, а кое-где, возможно, пользовался уже и «лампой» — обломком черепа с фитильком, опущенным в расплавленный жир…

Когда он выходил из своего жилья, в руках у него были лук и

стрелы. А впереди бежала собака… И потому он мог теперь отправляться на охоту не обязательно всем скопом, а если хотел, то в одиночку… Так в нем развивалось мужество и возрастала способность принимать самостоятельные решения.

26. А что было у него в голове?

В голове у него было сознание, что он — человек!.. Властелин над животными и растениями. Существо совершенно особенное, непохожее на всех других! И потому он желал влиять на всю

окружающую его природу и на ее отношение к себе. Он еще не знал, как это осуществить, но уже пробовал различные способы…

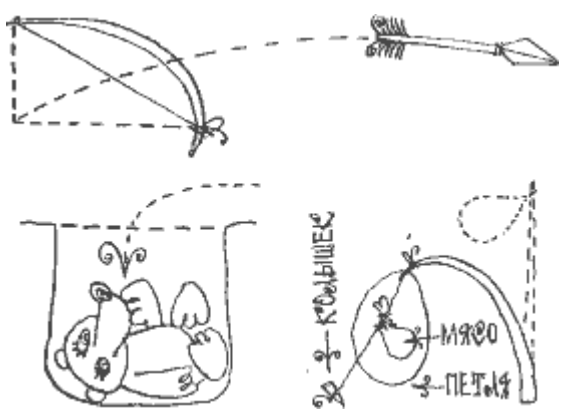
Он хоронил своих мертвых — закапывал в землю и заваливал камнями или заворачивал в циновку и привязывал высоко на деревьях, чтобы покойники не вмешивались в его дела… Если в каком-то месте у него была удачная охота или рыбная ловля, он считал это место счастливым и в знак благодарности приносил дары и жертвы «доброму Духу» этого места, чтобы сделать его своим союзником. Перед тем как отправиться на охоту, он рисовал где-нибудь изображение зверя, которого хотел убить, и пускал в него стрелы или втыкал копье, чтобы наколдовать зверю смерть, а себе удачу и разъяснить своему «Духу-покровителю», чего он хочет…

Так одновременно с накоплением знаний и опыта у Чарли, у которого было великое множество «ПОЧЕМУ?» и почти никаких «ПОЭТОМУ!», возникла вера в добрых и злых духов, появились приметы, суеверия, колдовство, магия и, наконец, религия — вера в сверхъестественные существа, которые все могут и с которыми надо дружить!..

ИНТЕРЕСНО. Некоторые приметы первобытных людей сохранились у нас до сих пор. У Ленки, например, есть «счастливое место» — боковая калитка, через которую она ходит в школу, когда ждет, что ее спросят… И «счастливое платье» — прошлогоднее, порванное о гвоздь!

КАК ЧАРЛИ ИЗОБРЕЛ ЛУК

Сперва Чарли изобрел ловушку с петлей на согнутой упругой ветке, а затем, развивая эту идею, придумал лук и стрелу.



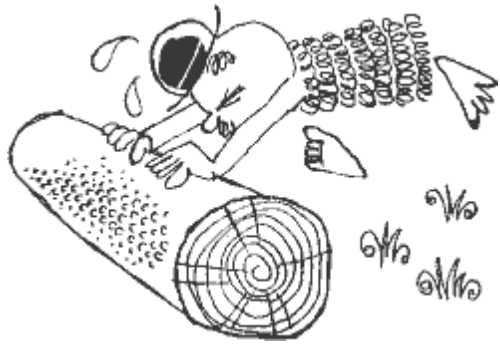
От лука он перешел к машинке для добывания огня — вместо того чтобы вращать «огневую палочку» между ладоней, он приспособил тетиву от лука, которая крутила палочку, когда он

водил лук взад и вперед. Так палочка крутилась гораздо быстрее и при этом — гениальное открытие! — прямолинейное движение лука «туда-сюда» превращалось во вращательное движение палочки…

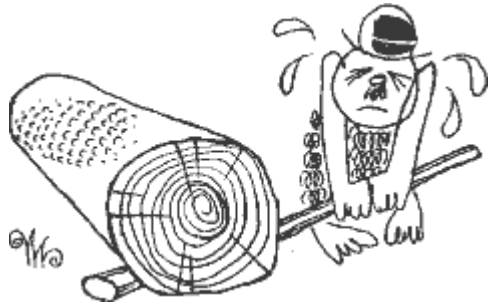
Позднее Чарли сообразил, что этим же способом хорошо сверлить дырки!.. Между прочим, такими дрелями и сейчас еще пользуются некоторые часовщики и ювелиры… От лука же произошли и все струнные музыкальные инструменты — натянутая тетива умела петь!

КАК ЧАРЛИ ИЗОБРЕЛ РЫЧАГ И КАТОК

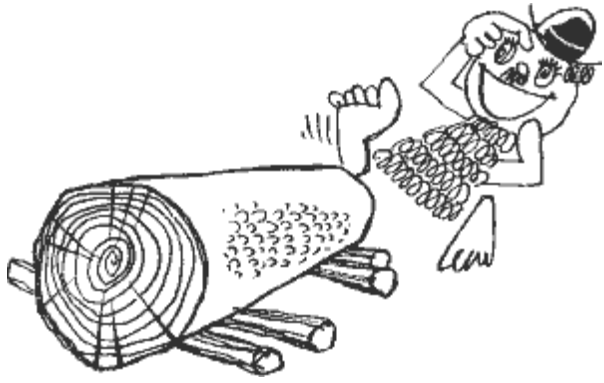
Чтобы сделать лодку, Чарли валил дерево и катил ствол к речке.



Если ствол застревал, Чарли приподнимал его с одного конца длинной жердью… Так он изобрел рычаг.

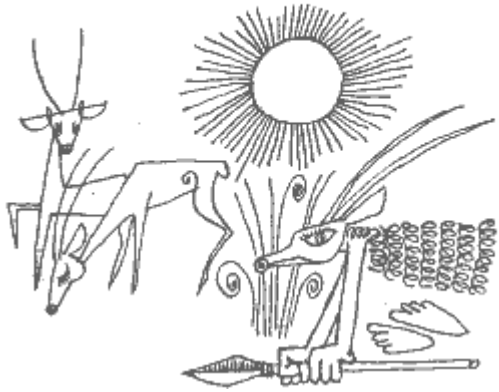


Но лучше всего тяжелый ствол скатывался по другим, более тонким стволам — так Чарли изобрел катки.



КАК ЧАРЛИ ИЗОБРЕЛ ТЕАТР

Как Чарли изобрёл театр



Первобытный Чарли был хитрый охотник. Чтобы обмануть зверя, например антилопу, он надевал на себя ее шкуру вместе с рогами. В таком виде он подкрадывался к стаду и совершал нападение.

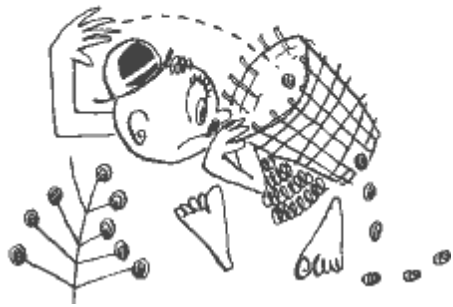
Если охота была удачной, он танцевал в этом своем наряде вокруг костра танец победы, изображая все, что произошло.

Так, около 20 тысячелетий назад, начали зарождаться театральные представления. Об этом свидетельствуют рисунки на стенах пещер… И карнавальные маски идут оттуда. И в театрах Древней Греции актеры всегда играли в масках. А в Японии кое-где маски на сцене сохранились и до сих пор.

КАК ЧАРЛИ ИЗОБРЕЛ ГЛИНЯНУЮ ПОСУДУ

Глиняную посуду Чарли начал изготовлять 8–9 тысячелетий назад. Он собирал зерна дикорастущих злаков и ссыпал их в корзину.

Как Чарли изобрёл глиняную посуду

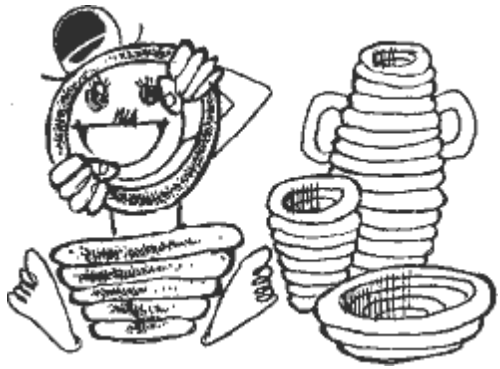


А чтобы они не утекали сквозь щели, обмазывал корзину глиной.

Однажды, когда его корзина намокла, он стал сушить ее на костре. Наверно, костер был большой, а Чарли заснул или замечтался.

Лоза, из которой была сплетена корзина, сгорела, а глина обожглась — покраснела и стала твердой, как камень. А потом Чарли сообразил, что корзина, в сущности, ни к чему — при обжиге она все равно сгорает. И тогда он придумал лепить сосуды

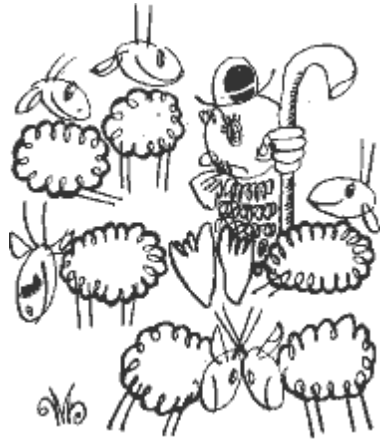
из глиняных бубликов — без каркаса, накладывая их один на другой. Этот способ называют «нале́пом».



КАК ЧАРЛИ ИЗОБРЕЛ РЫНОК

ПОЯВЛЯЕТСЯ ТОВАР. Пока Чарли добывал только то, в чем сам лично нуждался, он это не обменивал и не продавал. Но возникло разделение труда, и положение изменилось. У Чарли-земледельца постепенно появился избыток хлеба У Чарли-скотовода — избыток мяса. А Чарли-ремесленник с утра до ночи трудился в своей мастерской. Работать в поле или пасти скот ему уже стало некогда. Зато он производил вещи.

Но земледелец хотел есть мясо, а скотовод хлеб.



Горшечник не может питаться своими горшками. И одеваться в горшки тоже нельзя. Как только он их сделал, он должен с ними расстаться, чтобы получить взамен еду и одежду.

Так появилось новое понятие — ТОВАР. Этим словом называлось все, что Чарли производил уже не для себя лично, а для того, чтобы сбыть с рук. Для этого нужен был рынок — базар. Такое место, где товар мог встречаться с товаром. БАЗАР — это очень важно. БАЗАР — ЭТО ОБЩЕНИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ и самое быстрое по тому времени РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ.

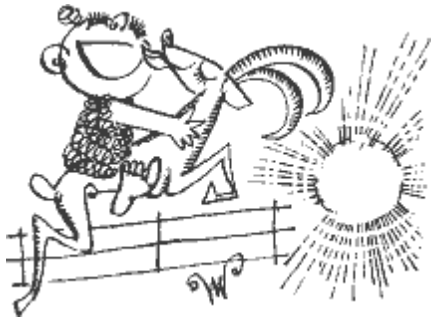
РЫНОК-РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

КАК ЧАРЛИ ПРИРУЧАЛ ЖИВОТНЫХ

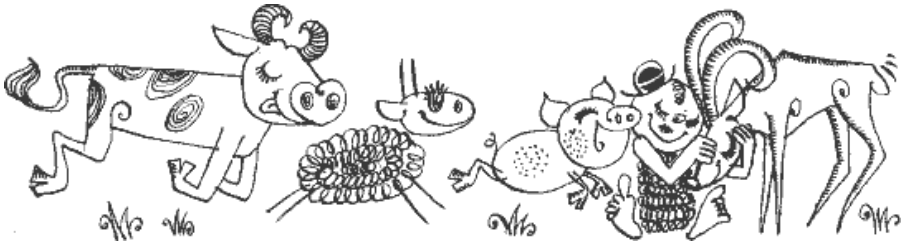
Чарли очень любил мясо и постоянно нуждался в нем. Но получалось как-то нескладно. То мяса было вдоволь: «ешь — не хочу», хоть выбрасывай. То — совсем ничего…

И вот однажды Чарли пришло в голову, что самый лучший способ сохранения мяса впрок — это держать его живым. Счастливая мысль!.. Теперь, убив на охоте самку какого-нибудь травоядного, он оставлял в живых ее детенышей. Он ловил их и тащил домой, а там помещал в загончик, за оградой которого они могли пастись и подрастать до своего рокового часа.

Это было очень удобно еще и потому, что пока детеныши были маленькими, ребятишки Чарли могли с ними играть.



И, конечно, Чарли-сын вырастал уже с другим отношением к товарищам своих детских игр, чем то, которое было у его папаши-охотника… Тем более, что некоторые животные к нему привыкали.



Так около 10-ти тысячелетий назад Чарли приручил диких предков козы, овцы, свиньи и быка… А было это прежде всего в Передней Азии и в Египте.

КАК ЧАРЛИ СТАЛ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕМ

Предполагается, что уже более восьми тысячелетий назад голодный Чарли регулярно, 2 раза в год, собирал в долине Нила «дикую жатву» — ссыпал в свою корзину зерна из колосьев,

которые созревали на илистых берегах реки…

И вдруг заметил: там, где он прошлый раз случайно рассыпал зерна, новые колосья выросли лучше прежних! Почему?..

А потому, что собирал-то он самые крупные зерна — с самых лучших колосьев и, разумеется, совсем не брал семена сорняков. Догадавшись, в чем дело, Чарли стал уже нарочно кидать в ил самые отборные зерна. Так началось земледелие.

27. ПЛЕМЯ — это объединение нескольких РОДОВ, которые живут по соседству и говорят на одном языке. Такое объединение происходило обычно, когда этим родам угрожала общая опасность. Например, вторжение чужаков. Тогда роды

объединялись в племя, а из числа старейшин родов избирался вождь племени — самый опытный, мудрый и сильный. Ему подчинялись все, и он вел племя в бой… Так же, как происходило объединение родов, объединялись и племена. В случае общей опасности они заключали военный союз. А военачальник избирался из числа племенных вождей. И опять же только по личным качествам. Никакие другие соображения в расчет не принимались, и никакой блат тут помочь не мог.

28. Жизнь египетских земледельцев целиком зависела от урожаев, а урожаи — от разливов Нила. Поэтому за разливами наблюдали — искали закономерность. И заметили, что подъему воды в реке постоянно предшествует ранний восход самой яркой звезды — Сириуса. А от восхода до восхода проходило 365 дней. Так была установлена продолжительность года и создан первый солнечный календарь. И тут возник вопрос: «От какого времени начинать отсчет? Конечно же, от какого-нибудь выдающегося события!»

Ну, для египтян такими ориентирами были династии их фараонов.

А вот древним грекам, как вы сами понимаете, никакого дела до фараонов не было. И потому они начинали свое летоисчисление от первых Олимпийских игр… А древние римляне — с основания Рима. А когда в Европе повсеместно распространилась христианская религия, церковники заявили: «Подумаешь, Рим! Нет главнее события, чем рождение Иисуса Христа! Летоисчисление начинается с него!..»

Так начался счет лет «с р. Х.» — с рождества Христова. Только это не всех устраивало. Магометане, например, признавали не Христа, а Магомета, буддисты — Будду, безбожники — никого. А календарь нужен был всем — единый. И потому договорились — отсчет лет оставить тот же, но называть иначе — не от р. Х., а от начала нашей эры. И ведется он так, что отдельно считаются годы «до н. э.» — до нашей эры и отдельно годы, которые входят в нее. Вот почему, когда мы говорим, например, что солнечный календарь был изобретен в 5-м тысячелетии до н. э. — это значит, что с тех пор прошло более шести тысяч лет: 4 241 год до начала н. э. и еще почти 2 000 после того.

29. На первых порах сколько бы Чарли ни ковырялся на своем поле, он собирал так мало, что едва мог прокормить одного себя, да и то впроголодь. Поэтому в поле выходили все и работали от зари до зари. Но, по мере усовершенствования способов земледелия и орудий обработки земли, труд людей приносил все

больше и больше продуктов. И, наконец, наступило время, когда один человек мог уже вырастить больше хлеба, чем ему требовалось для своего личного пропитания. Тут-то и появился смысл не убивать побежденных в бою врагов, а брать их в плен, обращать в рабство и заставлять работать. За работу раб получал еду. И так как он производил больше, чем требовалось на его кормежку, — весь избыток доставался тому, кто владел рабами. Это привело к очень важным последствиям…

Последствие первое. Избыток продуктов, которые производили рабы, накапливался у рабовладельцев, превращался в частную собственность и становился богатством. Само собой, что самыми богатыми делались военачальники — во время походов они захватывали себе больше рабов, земли и скота.

Последствие второе. Раз появились богатые, значит, появились и бедняки. Так человеческое общество разделилось на КЛАССЫ. С одной стороны — класс богачей-рабовладельцев, с другой — классы бедняков и рабов.

Последствие третье. Когда возделывание полей, рытье оросительных каналов, уход за скотом и всякие строительные работы стали уделом только бедняков и рабов, у богатых высвободилось время для разных других занятий. И те из них, кто не был пьяницей или оболдуем, постарался этим воспользоваться, чтобы совершенствоваться в военном деле, заниматься науками, инженерным искусством, медициной, изобретательством… Короче говоря, произошло новое и очень важное разделение труда. Физический труд достался в удел беднякам и рабам, а умственный стал привилегией богатых… Несправедливо!

30. Хотя Чарли на каждом шагу встречался со смертью, он ничего в ней не понимал. Мертвые, бывало, являлись ему во сне и вели себя, как живые. И звери, которых он убил и съел, тоже снились.

Размышляя над этим вопросом, Чарли пришел к выводу, что существует смертное тело и бессмертная душа — дух. Так он окружил себя духами умерших предков, которые могли распоряжаться его, Чарли, судьбой, духами зверей, которые могли мстить ему за обиды, духами тех мест, где охотился и ловил рыбу. Ну да, ведь он еще не отделял живую природу от мертвой и вполне естественно считал, что если у каждого человека и зверя есть дух, то должен существовать и дух Реки, и дух Леса, и дух Горы…

По мере того как род объединялся с родом, возникали племена, появились земледельцы и скотоводы, ремесленники и воины, и в сознании Чарли духи стали уступать место богам. Боги

были гораздо могущественнее духов. Они обладали совершенно сверхъестественными возможностями. А главное, их власть распространялась уже не на одного только Чарли, не на одну Реку или одну Гору, а на ВСЕХ людей, на ВСЕ реки, на ВСЕ горы и ВСЕ леса!..

Каждый бог имел свое собственное «хозяйство», в которое другие боги не вмешивались. Один был властелином Неба; другой — Земли, третий — Дождя, четвертый заботился об Урожае, пятый распоряжался Войной…

Когда же общество стало делиться на классы с богатеями и бедняками, повелителями и подчиненными, Чарли сообразил, что и среди богов не может быть никакого равенства. Кто-то из них должен управлять другими! Но кто?

Почти у всех народов этим самым высокопоставленным божеством на первых порах становился бог Солнца. Происходило это одновременно с образованием государств и возникновением царской власти.

31. Богатство необходимо охранять и растить. Власть следует укреплять. Иначе отнимут. Поэтому всякий военачальник должен был иметь постоянное войско. Такое войско называлось дружиной. В дружину входили его родичи и друзья. Он водил их грабить соседские племена и давал долю в добыче. А в промежутках развлекал охотами и пирами. С помощью дружины он властвовал над своим народом: собирал подати и устанавливал законы для рядовых земледельцев, пастухов и ремесленников. Он говорил им, что охраняет их от набегов врагов, грабежа и угона в рабство…

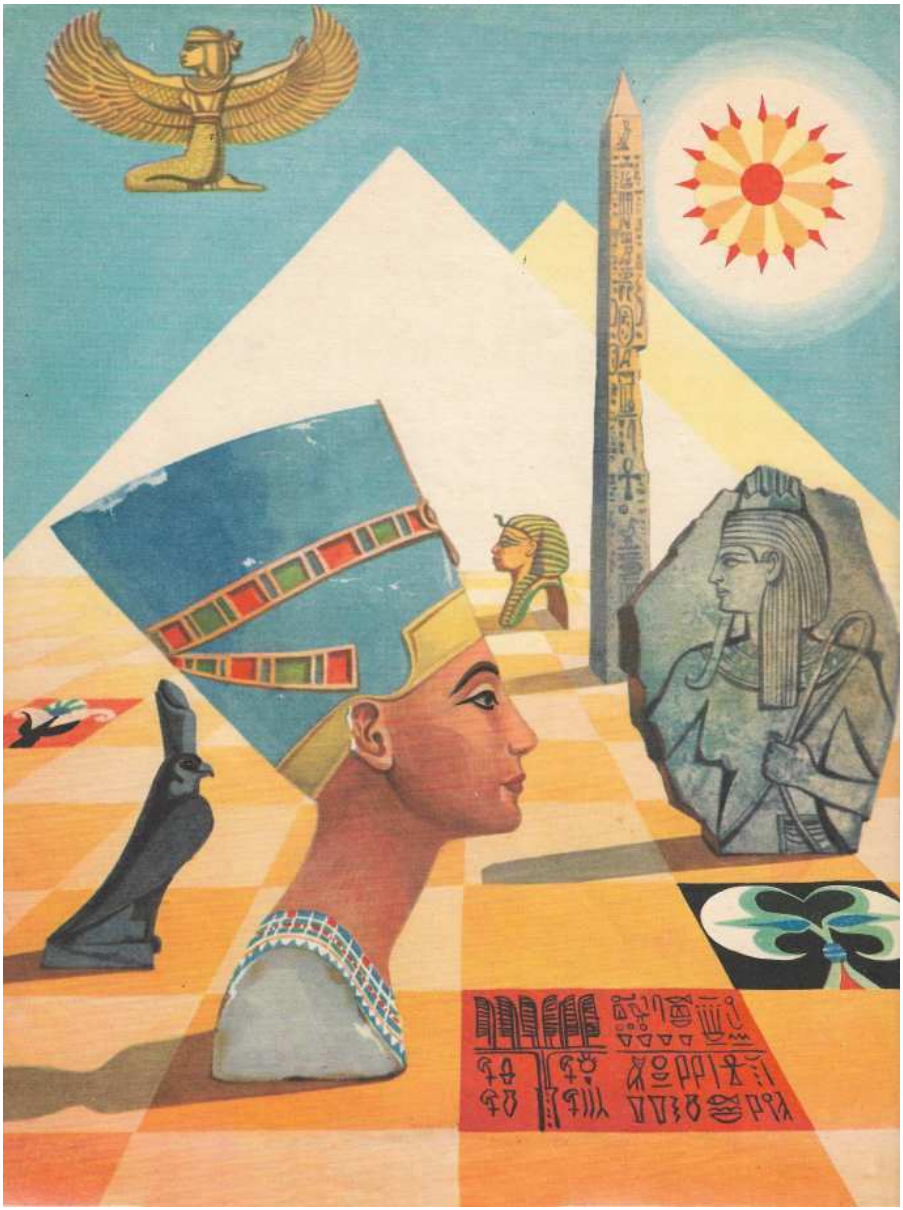
И это была сущая правда, потому что угроза таких нашествий была всегда. Но в то же время это была не вся правда, потому что каждый военачальник думал в первую очередь о своей личной выгоде! Не зря ведь сказано: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат!..»

В конце концов, самый сильный военачальник, победив и ограбив тех, кто был слабее, подчинял их себе и становился царьком. А племя его делалось самым главным и пользовалось всякими преимуществами. Так начали возникать государства.

Выходить за пределы своего государства безоружный человек не мог, там его сразу бы взяли в плен и обратили в раба.

32. Как только, примерно за 4000 лет до нашей эры, люди начали делиться на классы, так между ними завязалась классовая борьба. Бедняки и рабы восставали против богачей. А богачи усмиряли бунты. Борьба шла не на жизнь, а на смерть.

Справедливость была на стороне угнетенных, а сила, как правило, на стороне угнетателей. Лилась кровь. Горели и дворцы, и хижины…



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой описывается наше непродолжительное и совершенно не предусмотренное программой пребывание в Древнем Египте

У нас даже дух захватило, когда, встав на ноги, мы увидели, где находимся. Среди бескрайной песчаной равнины высились гигантские каменные сооружения, устремленные своими остроконечными вершинами в слепящую синеву небес…

— Пирамиды!.. — охнул я, сразу узнав их по изображениям, которые видел на почтовых марках Объединенной Арабской Республики.

— А там вон — Каир, столица ОАР! — объявил Каген, повернувшись в противоположную сторону. — Глядите!..

Вдали виднелся великолепный, озаренный палящими солнечными лучами город. Его храмы, дворцы и сады, словно сказочное видение, вставали по ту сторону небольших пальмовых рощ, длинных земляных дамб и рассеченных прямыми оросительными каналами изумрудно-зеленых полей. Город стоял над рекой…

— Вот, наверно, удивится Диспетчер, когда увидит пустую капсулу! — расхохоталась Нкале. — Придется радировать ему из Каира. А возвратимся на самолете…

— Радио нет… Самолета не будет!.. — Академиков поднял руку с браслетом таймера. — Машина Времени высадила нас в Древнем Египте, за четыре с половиной тысячи лет до наших дней. Каира еще нет и в помине. Город, который мы видим, — это Мемфис, один из самых первых городов на свете, столица Древнего Царства. Оазис, около которого мы находимся, называется Гизэ. Фараоны, правители Египта, из века в век сооружают здесь эти каменные громады — свои посмертные усыпальницы. Мемфис погибнет и будет погребен песками. Ветер пустыни разнесет прах оазиса. А пирамиды останутся! Своими каменными, высеченными у вершин глазами они будут взирать на смену царств народов и тысячелетий!..

— Прекрасно сказано! — воскликнул Каген. — Пусть же теперь, пока Машина Времени починяется, они поглядят на наш скромный завтрак. Считая туда и обратно, мы путешествуем уже почти сто тысяч лет. Я здорово проголодался!

— И ужасно хочется пить, — подхватила Нкале. — Жарковато!

Удобно устроившись в тени финиковых пальм, мы накинулись на свои запасы. Даже то, что шоколад совсем размяк и прилипал к пальцам, а вода стала теплой, как полуостывший чай, не мешало нашему пиршеству. Плитки исчезали одна за другой, фляжки быстро пустели.

Конечно, мы бы отведали и фиников. Их спелые, медовые гроздья, заманчиво золотились на солнце сквозь листья пальм. Но… «Есть, да не про вашу честь!» — как говорится в одной известной пословице. Даже когда Нкале попыталась вымыть руки в воде протекавшего у наших ног оросительного канала, ничего из этого не вышло — шоколад так и остался на пальцах… Мы могли только смотреть и слушать.

На фоне безоблачного, эмалево-синего неба и песчаной равнины высились вершины трех главных громад. А внизу, вдоль их оснований, вставали другие, гораздо меньшие пирамиды и ряды каких-то странных прямоугольных построек, похожих на дома, но только без окон. Несмотря на свою немалую величину, они казались карликами у ног великанов.

— Большие пирамиды, — сказал Академиков, — усыпальницы фараонов Хеопса, Хефрена и Микерина. А маленькие — гробницы цариц…

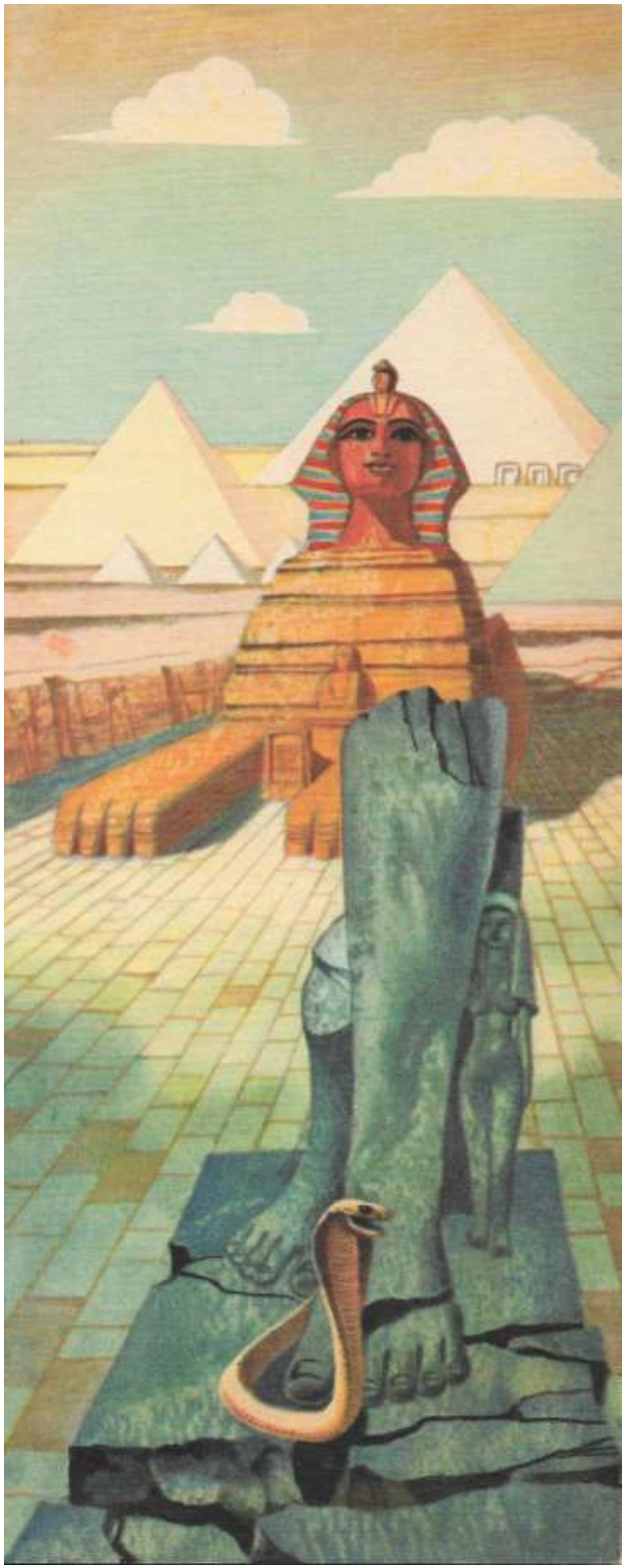
— А дома?

— Это тоже гробницы. Они называются «мастаба». В них находятся тела фараонских родственников, прославленных военачальников, особо отличившихся чиновников, богатых вельмож… Египтяне верят в бессмертие души и оживление тела в загробном мире. Они убеждены, что фараон и там останется фараоном. А потому каждый, кто пользовался его милостями при жизни, старается обеспечить себе такую же близость к царю и на том свете.

От подножия одной из пирамид к окраине оазиса тянулась похожая на прямой коридор крытая каменная дорога. Она вела к храму, который был расположен у передних лап исполинского сфинкса — колоссальной статуи лежащего льва с человеческим лицом. Статуя была высечена из целой скалы. Выкрашенное в кирпично-красный цвет лицо обрамляла ниспадающая с головы каменная повязка, поперек которой были нарисованы красные и синие полосы. Такую повязку, как сказал нам Александр Петрович, имели право носить только боги и фараоны…

Подлинное представление о невероятных размерах этой статуи вы можете составить себе по тому, что крыша храма едва достигала ее подбородка. И уже совсем крохотными, прямо-таки какими-то муравьишками, казались под ней фигурки смуглокожих, облаченных в белые одежды бритоголовых людей,

которые двигались во дворе храма. Это были жрецы…



— Когда время и войны уничтожат и оазис, и город, и храм, — сказал Александр Петрович, — племена арабских кочевников, которые придут сюда на смену древним египтянам, будут трепетать перед неживым взором этого таинственного изваяния. Чтобы избавить себя от страха, они даже попытаются разбить статую. Солдаты Наполеона изуродуют картечью ее лицо… И никто уже не сможет с точностью определить, какого именно фараона изображает этот сфинкс.

— Почему никто?! — Нкале вскочила на ноги. — Пойдем туда и разузнаем, пока не минули тысячелетия…

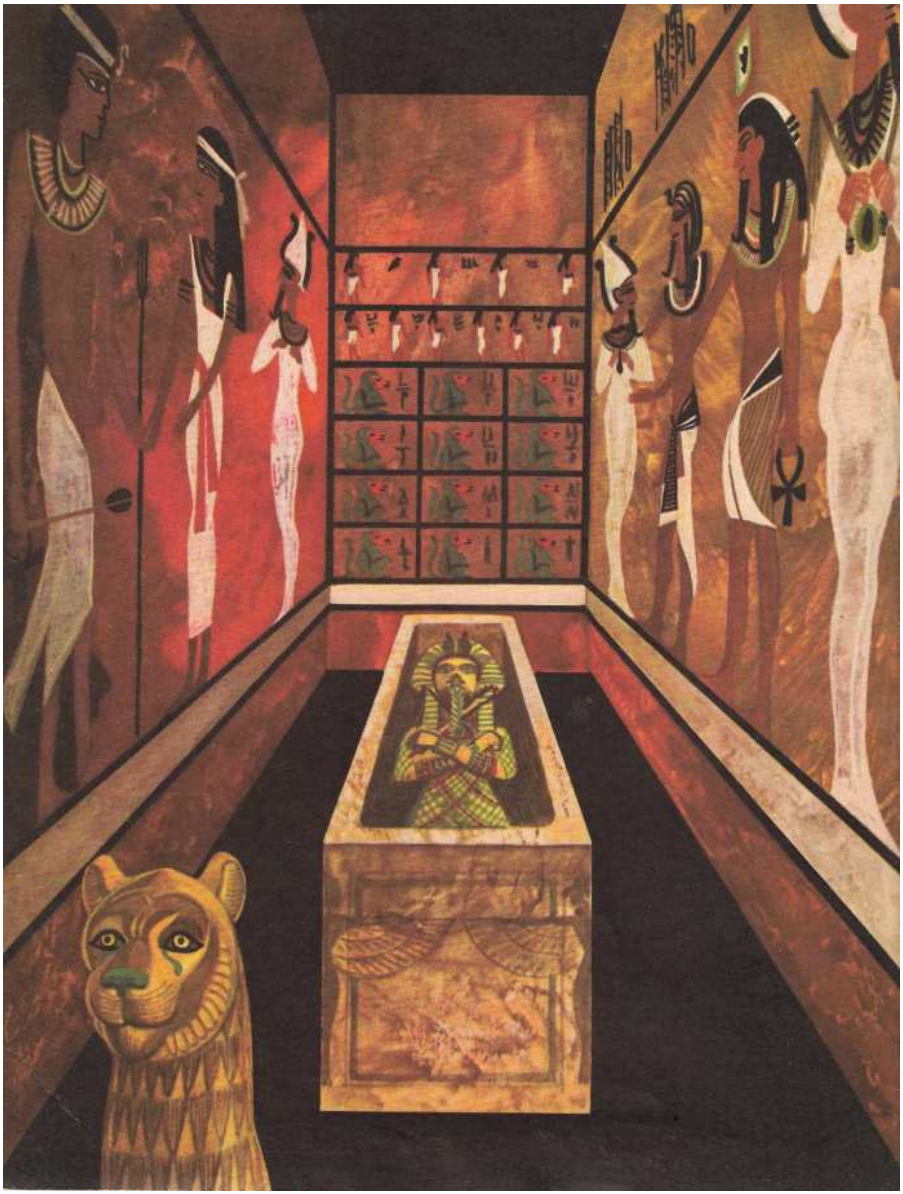
Мы ополоснули руки остатками воды из фляжек и направились по дороге к храму.

Шагов через сто мы, однако, остановились. Наше внимание привлек похожий на кладбищенское надгробье большой черный камень, вкопанный в землю у края дороги. Гладко-отполированную поверхность сверху донизу покрывали искусно высеченные рисунки. Они изображали фигуры стоящих и сидящих людей, различные предметы, растения, птиц и животных. Изображения располагались правильными рядами — одно за другим — словно кадрики размотанной киноленты или строки на странице книги… Да они и на самом деле были строками!

— Эти рисунки — иероглифы, — сказал Александр Петрович, — Каждый рисунок обозначает какое-нибудь понятие или часть его. Так же, как в ребусах. А иногда один иероглиф выражает даже целую фразу!.. Иероглифическое письмо возникло из наскальных рисунков первобытного человека. Оно предшествовало нашему — буквенному…

— А вы не могли бы прочесть, кто похоронен под этим камнем? — поинтересовались мы.

— Никто!.. Египтяне не зарывают своих мертвецов, а пропитывают их тела особыми смолами, которые препятствуют разложению и превращают труп в мумию. Мумию кладут в саркофаг — деревянный или каменный гроб, имеющий форму завернутого в простыню человека. Так и хранят. Верят, что покойник когда-нибудь оживет!.. В землю же зарывают только тела умерших рабов. Но рабам не ставят надгробий…



— А это?

— Стела! Так называют каменные столбы и плиты, на которых высечены повеления фараонов, прославляются их дела и подвиги полководцев. Рельеф вверху — изображение битвы. Самая большая фигура — фараон. Поменьше — полководец. Множество более мелких фигур — египетские воины. А самые маленькие — поверженные враги и пленники. Дальше — текст… — Академиков поправил очки. — Давненько я не читал египетских текстов в подлиннике. Но… попробуем!..

«Фараон поручил мне войско.
Я привел это войско к славе,
Разгромив страну азиатов,
Разорив страну азиатов,
Покорив страну азиатов!..
Там, где прошло это войско,
Только пепел чужих селений,
Только пни от стволов смоковниц.
Только корни лоз виноградных!..
Это войско пришло с победой,
Истребив врагов десять тысяч,
Захватив десять тысяч в рабство,
Завладев несметной добычей!..
Фараон был доволен мною!..»

— Скромный мужчина! — заметил Каген.

Дальше перечислялись трофеи — сколько и чего они притащили из своего похода… Людей, быков, лошадей, коз и овец… Драгоценных камней, золота, серебра и меди… Луков, мечей, панцирей… Разного рода продовольствия, вина и меда…

Однако до конца перечня Александр Петрович так и не дошел. И к сфинксу мы не успели тоже.

Пневмокапсула внезапно опять подхватила нас.

— Нахальство какое! — ругнулась в темноте Нкале.

— Ты это про кого?

— Про нашу «Эмвешку»!.. Про Машину Времени то есть.

— Подумаешь, сфинкса не рассмотрели! — отозвался Каген. — Тут есть загадка поинтереснее! Если все, что нам говорили, верно, то люди на вашей планете совсем недавно еще жили в пещерах и собирали «дикую жатву»… И вдруг — нате вам! — оросительные каналы, города, пирамиды, письменность, календарь, фараоны, армии!.. Откуда? Может, здесь побывали космические пришельцы и научили всему этому ваших предков? Может, мы не первые! А?

— Верно! — воскликнул я. — Мне тоже все это показалось чудом!

Александр Петрович не спешил с ответом. Наконец он сказал:

— Над этим вопросом многие ломают голову. Но, по-моему, космические пришельцы здесь ни при чем. Тем более, что две или три тысячи лет, в течение которых совершался этот, казалось бы, необъяснимый исторический скачок, — это вовсе не «вдруг». При известных обстоятельствах это огромный срок…

— Но, по сравнению с десятками и сотнями тысяч лет…

— Кто будет говорить: я или ты? — прервал Кагена профессор. — Я? Оч-чень приятно! Так вот… Народная мудрость гласит: «Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше». Опираясь на эту мудрость, первобытные люди уже с самого начала предпочитали селиться в теплых местах, по берегам больших, полноводных рек. Там у них были все условия. Так, в некоторых речных долинах, в отличие от всех прочих мест на Земле, начало возникать большое скопление людей. Год за годом это скопление нарастало. Густота населения стремительно увеличивалась. Возникали новые условия труда, происходило столкновение интересов. И, естественно, что обмен опытом, идеями, информацией — совершался здесь в тысячи раз быстрее, чем в тех местах, где население оставалось редким! Это нетрудно понять, вспомнив известную нам модель развития головного мозга обезьяны и человека…

— Между пятью точками — 10 линий, между семнадцатью — 138! — выпалила Нкале.

— Да!.. То же самое происходило и в речных долинах!.. Смоделируем ситуацию. Пустим камень с горы. Если на его пути нет других, готовых сорваться с места камней, наш камень просто застрянет где-нибудь по дороге или так и будет катиться один, до самого низа. Вот вам и весь эффект!..

Другое дело, когда весь склон усеян массой непрочно лежащих камней, только и ждущих, чтобы их подтолкнули! Тогда первый покатившийся с горы камень подшибет несколько следующих, и у него появятся спутники — «свита» из таких же катящихся вниз камней. Каждый новый камень из этой свиты будет задевать, толкать и обрушивать те, что окажутся у него на пути, а те — еще и еще!.. Вот тогда-то и начнется настоящий, неудержимо нарастающий горный обвал — лавина!..

В науке это явление называется — ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ. Чтобы она пошла, необходимо только одно условие — достаточное количество исходного материала, готового в ней участвовать. Это «достаточное количество» ученые называют КРИТИЧЕСКОЙ МАССОЙ…

Вот я и думаю, что за шесть или семь тысячелетий до нашей эры скопление людей в некоторых речных долинах достигло той самой критической массы, в которой при первом же толчке неминуемо должна была возникнуть цепная реакция — настоящий взрыв в развитии техники, науки и отношений между людьми!

Таких главных речных долин было пять. Долина Нила — Египет. Долина между реками Евфратом и Тигром —

Месопотамия. Долины Инда, Ганга и Хуанхэ… Вы принимаете мое объяснение?

— Очень правдоподобно, — подумав, сказала Нкале. — Странно, однако, что мы все еще не возвращаемся в наш век.

Да, это было странно!..

Научная тетрадь № 4

33. Гуще всего люди жили в долине Нила. Уже 6 тысячелетий назад там было больше сорока маленьких царств — номов. Правители их вечно воевали друг с другом. Пока не нашелся один такой, что победил и подчинил себе всех других. Предполагается, что его звали Мина. Он-то и стал первым египетским фараоном. Так в самом конце 4-го тысячелетия до нашей эры в длинной и узкой Нильской долине образовалось первое на свете громадное рабовладельческое государство — Древний Египет.

Фараон пользовался совершенно небывалой властью. Он владел самыми лучшими землями всей страны и наибольшим числом рабов. Огромная армия фараона была специально обучена подавлять восстания и мятежи, завоевывать соседние царства, пригонять пленных… Всесильные, возлюбленные богами жрецы внушали простым смертным, что фараон — не человек, а бог… Бесчисленные чиновники, писцы, сборщики налогов, доносчики, надсмотрщики и судьи охраняли его богатство, авторитет и власть. За это он выдавал им награды и всячески возвышал. А рядовые египтяне жили в бедности. Каждый из них, хотя и считался свободным, мог быть немедленно обращен в рабство за неуплату долгов и налогов. Вера в божественность фараона и постоянный страх за свою судьбу держали людей в покорности.

34. — Жрец — это который все время жрет? — спросила Ленка.

Конечно, она просто шутила. Мы уже знали, что слово «жрец» происходит от слова «жертва». А жертва — это подарок. Взятка богу, чтобы умилостивить. Мешок зерна, барашек, бычок… А иногда… человек! Между жертвователем и богом стоит жрец — он передает взятку. Представляете, какой простор был у него для различных злоупотреблений и сведения личных счетов?!

35. Мифы об умершем и воскресшем боге были почти у всех древних народов. У Египтян это был Осирис, у вавилонян — Таммуз, у финикийцев — Адонис. И вот что еще интересно:

смерть каждого из них совпадала с началом жатвы, а воскрешение — с появлением первых всходов! Почему? А потому, что все эти боги были поначалу духами Хлеба. Ежегодная смена сезонов — гибель и возрождение растений — вот что послужило основой для создания этих мифов!

36. Если сравнить Нил с длинным-предлинным стеблем какого-нибудь вьющегося, стелющегося по земле растения, то можно сказать, что Средиземное море, в которое он впадает, похоже на его цветок. Лепестки этого цветка — моря Тирренское, Ионическое, Адриатическое, Эгейское… К северу от Средиземного моря — Европа. На восток — Азия. На юг — Африка. Прямо-таки не море, а, извините за выражение, пуп Земли. Перекресток всех дорог на стыке трех континентов и трех культур!

На первых порах различные народы, обитавшие вокруг Средиземного моря и на его островах, кто больше, кто меньше, отставали в своем развитии от египтян. Но и они не теряли времени зря. Век за веком они накапливали свои собственные знания, опыт и силу и жадно перенимали культуру других народов. И, можно сказать, дожидались своего часа. В какой-то момент многим из них предстояло еще выйти на сцену, чтобы сыграть свою главную роль в истории человечества… Мы это еще увидим!.. — обещает А. П.

37. Самым любимым богом древних египтян был Осирис. Он был добр к людям — дал справедливые законы, обучил земледелию и садоводству, изобрел плуг… Богиня плодородия — Исида была женою Осириса. Вместе они царствовали в Египте.

А помогал им мудрый бог Тот с головою ибиса — создатель письменности, покровитель писцов, художников и ученых. И все было бы хорошо, не будь у Осириса младшего брата — бога Сетха, который царил над пустыней, тайно завидовал старшему и люто ненавидел…

И вот однажды этот Сетх явился на праздник к Осирису. Слуги внесли за ним великолепной красоты сундук из драгоценного дерева. Все так и ахнули. А Сетх сказал: «Давайте играть в игру. Пусть каждый ложится в этот сундук, и кому он придется впору, тому я и подарю его».

Все ложились. Было ужасно весело. Только никому он не подходил. Потому что на самом деле это был не сундук, а гроб, предназначенный для Осириса. И едва Осирис лег в него, Сетх мигом захлопнул крышку с автоматическим замком, и слуги скинули сундук в Нил. Так Сетх устранил Осириса и сам стал царем Египта.

В страшном горе пошла Исида искать тело своего погибшего мужа. Долго искала…

Нил вынес сундук в Средиземное море, а там ветер и течение подхватили его и прибили к финикийскому берегу. Так что, когда Исида нашла, наконец, сундук, он уже врос меж корней огромного берегового кедра. Там и осталась она жить возле

сундука, в котором лежал труп Осириса. А на руках у нее был их ребенок — маленький Гор. И только когда Гор вырос, она открыла сундук: «Смотри!»

Ужаснулся Гор, но призвал на помощь все свое божественное могущество и оживил мертвеца. Так воскрес Осирис. После этого Гор пошел в Египет, чтобы биться с Сетхом и прогнать его с незаконно занятого престола. А Осирис стал царем и судьей в подземном царстве. Там он судил души умерших по их делам на земле.

Испытав на себе коварство и несправедливость, Осирис старался быть очень справедливым судьей. Кто был при жизни хорошим человеком, тот теперь оставался возле Осириса. А души мерзавцев и негодяев Осирис без всякой жалости кидал свирепому чудовищу, которое тут же пожирало их…

38. ШАМПОЛЬОН ЖАН ФРАНСУА (1790–1832).

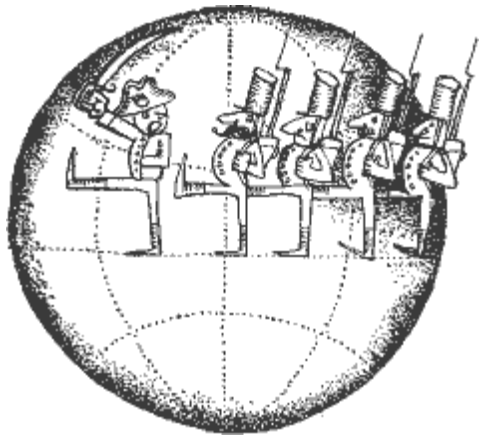
— Бывают такие бурные времена, — говорит Ленкин дед, — когда даже самый смирный человек имеет шансы заиметь героическую биографию. Только Франсуа Шампольон этими шансами не воспользовался!

Он жил в грозное, наполненное великими событиями время. За год до его рождения народ разгромил в Париже политическую тюрьму — Бастилию. Во Франции происходила революция.

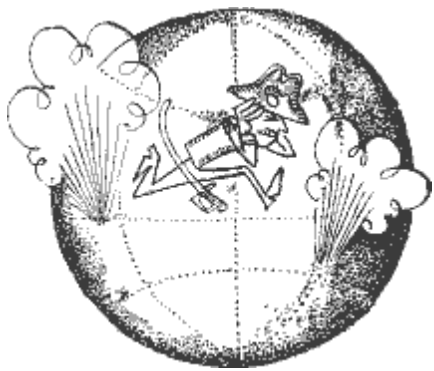
Франсуа было 3 года, когда косой нож гильотины отрубил голову королю. «СВОБОДА! РАВЕНСТВО! БРАТСТВО!» — гремело на площадях…

Но дальше пошла полная чехарда: интриги, заговоры, разлад и раздоры в рядах революционеров, казни, контрреволюционный

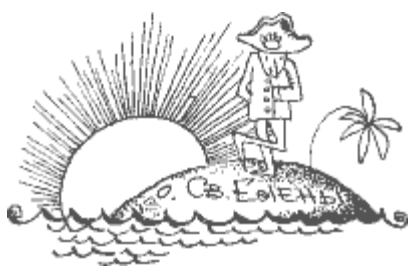
переворот. В 1804 году республиканский генерал Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором. С лозунгом: «Каждый французский солдат носит в своем ранце маршальский жезл!» — он вел свою армию завоевывать всю Европу.



И завоевывал… Пока не полез в Россию! Тут, в 1812 году, русские разбили его в пух и прах. В 1815 наполеоновская империя рухнула.



К власти снова вернулись аристократы во главе с королем. В 1830 — новая революция… Вот обстановка! Кто мечтал о подвигах и приключениях, мог иметь их сколько хотел.



Но Франсуа Шампольон не хотел. Когда другие ребята с его улицы играли в войну и революцию, он сидел над книгами. С утра до ночи он торчал в книжной лавке своего отца и в 5 лет самостоятельно выучился читать. В 11 он знал уже греческий и латинский. Его интересовала древняя история. И так как самой достоверной книгой по этому вопросу считалась в то время библия, он принялся изучать древнееврейский язык, на котором она была написана. Он хотел читать ее в подлиннике!..

Его удивительная способность к изучению языков просто в глаза бросалась. И потому знаменитый французский математик — Жозеф Фурье, когда его познакомили с одиннадцатилетним Франсуа, охотно показал ему египетские папирусы, которые привез из Каира.

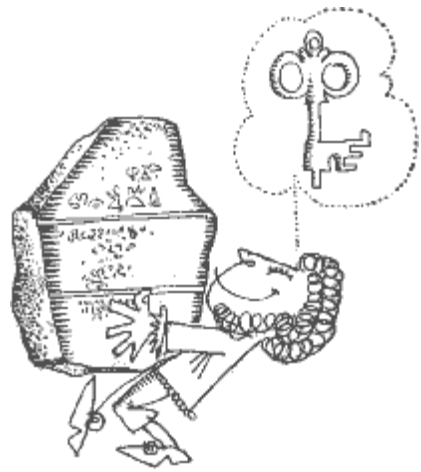
Вот только прочесть их никто не мог. Почти 2000 лет прошло

с тех пор, как вымерли последние люди, говорившие на древнеегипетском языке и владевшие этой таинственной письменностью. Тут Франсуа и попался…

— Я прочту! — сказал он Фурье.

Это не было простой похвальбой самонадеянного мальчишки. Он отдал этому всю жизнь и, в конце концов, выполнил обещание!..

Ключом в разгадке был Розеттский камень. Так назывался обломок древней базальтовой стелы, случайно найденный близ египетского города Розетты. Три несомненно одинаковых текста были высечены на нем. Первый — на греческом языке, а два других на египетском, только разными, отличающимися друг от друга, шрифтами.



Однако кто пытался расшифровать египетский текст путем простого сравнения его с греческим, заходил в тупик. Никакой закономерной связи между греческими буквами и египетскими иероглифами, казалось, не было. И Шампольон понял: прежде чем браться за Розеттский камень, надо…

Вот что оказалось надо:

Окончить лицей в Гренобле…

Переехать в Париж, поступить в Школу Восточных Языков, посещать лекции в Университете, зарыться в книги Национальной библиотеки…

Голодать, холодать, ходить в отрепьях…

Выучить арабский, персидский, халдейский и еще несколько других древних языков…

Пренебрегать здоровьем, не обращать внимания на доносы, обвинения и обиды…

Одолеть китайскую письменность…

Составить словарь и грамматику полузабытого коптского языка, на котором говорили первые египетские христиане, писавшие уже не иероглифами, а буквами греческого алфавита. В коптском языке, как оказалось, сохранились корни древнеегипетских слов…

Так, год за годом, словно полководец, осаждающий крепость врага, Шампольон обкладывал Розеттский камень. И когда пошел на приступ, он уже точно знал, ЧТО:

— в египетских надписях иероглифы могли писаться хоть слева-направо, хоть справа-налево, а если надо, то и один под другим…

— очень многие иероглифы в различных случаях могли обозначать как целое слово, так и часть его — слог, и даже один только звук — букву…

— в географических названиях и личных именах людей иероглифы должны были иметь именно буквенное значение…

— царские имена, в знак особого уважения, обводились овальной рамкой — вот так:

В первой рамке имя царя — «ПТОЛОМЕЙ», во второй имя царицы — «КЛЕОПАТРА» (так получилось при сравнении с греческим текстом). При этом гласные звуки, как правило, не писались вовсе!..

14 сентября 1822 года египетские надписи на Розеттском камне начали, наконец, переводиться. Ключ, можно сказать, повернулся в замке, и заветная дверь в неведомый мир Древнего Царства начала отворяться…

А что касается каких-нибудь необыкновенных приключений или героических подвигов, то тут рассказывать просто нечего. Несмотря на бурный век, у Франсуа была очень скромная

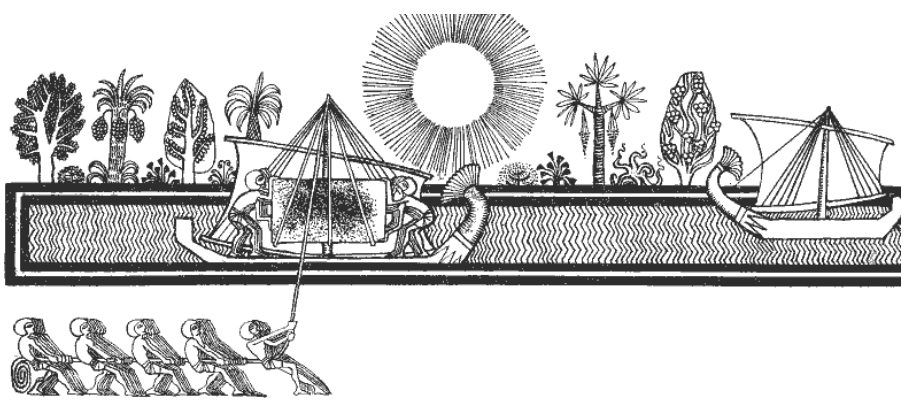
биография.

39. ПИРАМИДЫ ЕГИПТА. Сооружать пирамиды египетские фараоны начали 4700 лет назад. Основал это дело — рассчитал на папирусе и разработал всю технологию — великий математик и архитектор жрец Имхотеп. Фараон Джафар был так доволен своей будущей усыпальницей, что велел установить статую Имхотепа в храме по соседству. Обломки этой статуи найдены археологами.

Самая огромная из всех египетских пирамид — пирамида Хеопса — фараона, который царствовал чуть позже Джафара. Каждая из четырех сторон ее квадратного основания имеет в длину около четверти километра. Высота равна пятидесятиэтажному небоскребу — 147 метров. Чтобы возвести такую махину, строителям потребовалось 2 300 000 каменных блоков, весом по две тонны каждый!..

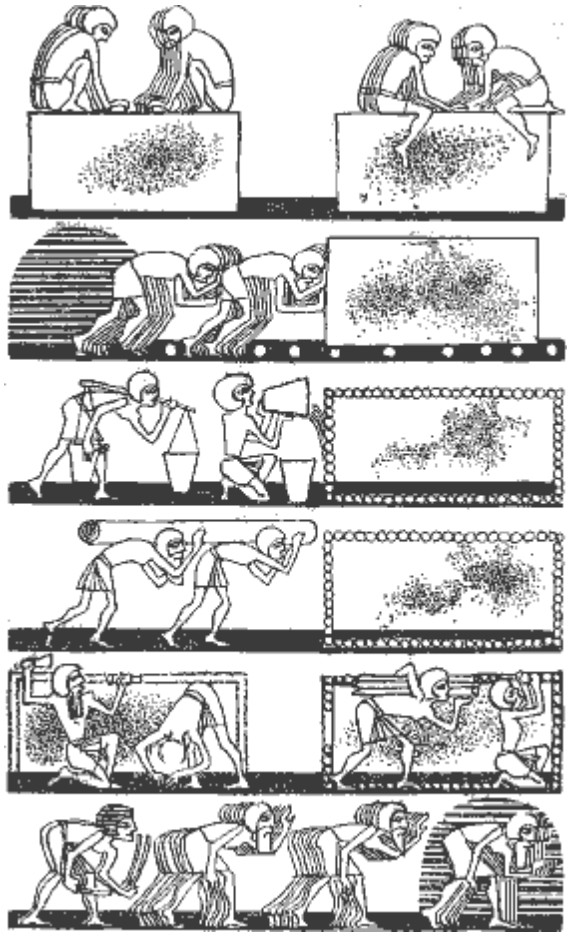
Теперь прикиньте: никаких транспортных и подъемных средств, кроме катка, салазок, блока и рычагов, еще не было. А вся добыча и обработка камня производилась каменными же орудиями. Как?

Начнем с каменоломен, которые находились на правом берегу Нила. Чтобы отколоть глыбу нужной величины и формы, по ее контурам в скале прорубались желоба. В желобах выдалбливались глубокие гнезда. В них загоняли деревянные клинья. Клинья поливали водой. Дерево разбухало и разрывало камень. Оторванную от скалы глыбу обтесывали и шлифовали до блеска. Так получались блоки. Через Нил их перевозили на лодках.



На другом берегу начиналась многокилометровая, вымощенная каменными плитами дорога, ведущая к оазису Гизэ. По этой дороге блоки тащили на деревянных салазках. В салазки

впрягались рабы.



По мере возведения пирамиды блоки надо было поднимать все выше и выше. Эту задачу решали так. Пирамиду строили ступенями. Готовая ступень засыпалась песком, так, что от ее начала до ее конца получался длинный пологий скат. По нему втаскивались блоки для следующей ступени. И так до самого верха.

Облицовывали пирамиду гранитными плитами. Их укладывали сверху вниз, постепенно скидывая песок.

Пирамида Хеопса строилась 20 лет. Каждые три месяца сменялось 100 000 рабов. Люди массами гибли от непосильного труда, болезней и зноя, калечились насмерть.

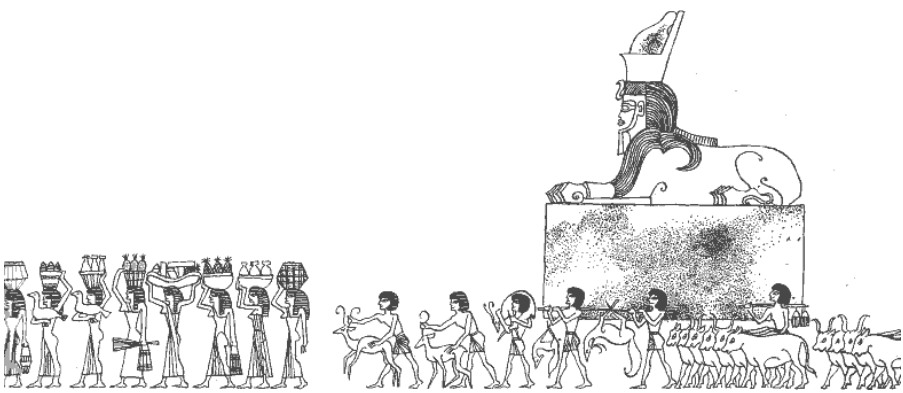
Чтобы добывать новых рабов, нужно было вести победоносные войны. Войны требовали расходов. Рабов, пока они могли работать, следовало кормить… У земледельцев и пастухов отбирали почти все, что у них было, гнали в каменоломни и на

строительство…

Закономерно, что все эти люди страшно ненавидели фараона и его приспешников. Начинались восстания. Тогда уж ни о какой жалости не могло быть и речи. Ни с той, ни с другой стороны. Но как бы жестоки ни были восставшие, подавление восстаний было еще более жестоким…

А если восстание завершалось победой, рабовладельческий строй все равно оставался — никто себе другого не представлял. Воцарялся новый фараон. Вот и все.

40. Когда фараон умирал, его бальзамировали и хоронили внутри пирамиды. Для этого в самой глубине ее была устроена специальная камера. К ней вел длинный узкий туннель с множеством ложных ответвлений, кончавшихся тупиками. Фараона хоронили с золотой маской на лице, в драгоценных украшениях, в золотом саркофаге. Вся комната до потолка заполнялась драгоценным оружием, произведениями искусства, золотой и серебряной утварью. Вход замуровывали так, что он уже не отличался от других тупиков. Рабов-строителей, которые могли бы его найти, безжалостно убивали. Наружный вход в туннель закладывали блоками и облицовывали такими же плитами, как всю остальную поверхность. От него не оставалось следа. Жрецы налагали на пирамиду страшное заклятье, которое должно было навлечь смерть на каждого, кто к ней приблизится.



Думаете, помогало? Как бы не так!.. Ловкие грабители

пирамид все равно очищали их одну за другой. Есть подозрение, что во главе этого смертельно опасного, но чертовски прибыльного занятия стоял кое-кто из жрецов и самих высокопоставленных чиновников.

Египетское царство просуществовало дольше всех государств на свете — более трех тысяч лет. За это время скончалось несколько сот фараонов. Но только одна-единственная гробница дошла до нас не ограбленной. 33 столетия в окружении несметных сокровищ пролежала в своем золотом саркофаге мумия фараона Тутанхамона, дожидаясь встречи с потомками. В 1922 году английский археолог Говард Картер разыскал эту гробницу. Не в пирамиде, — а в скрытом под землей тайнике.

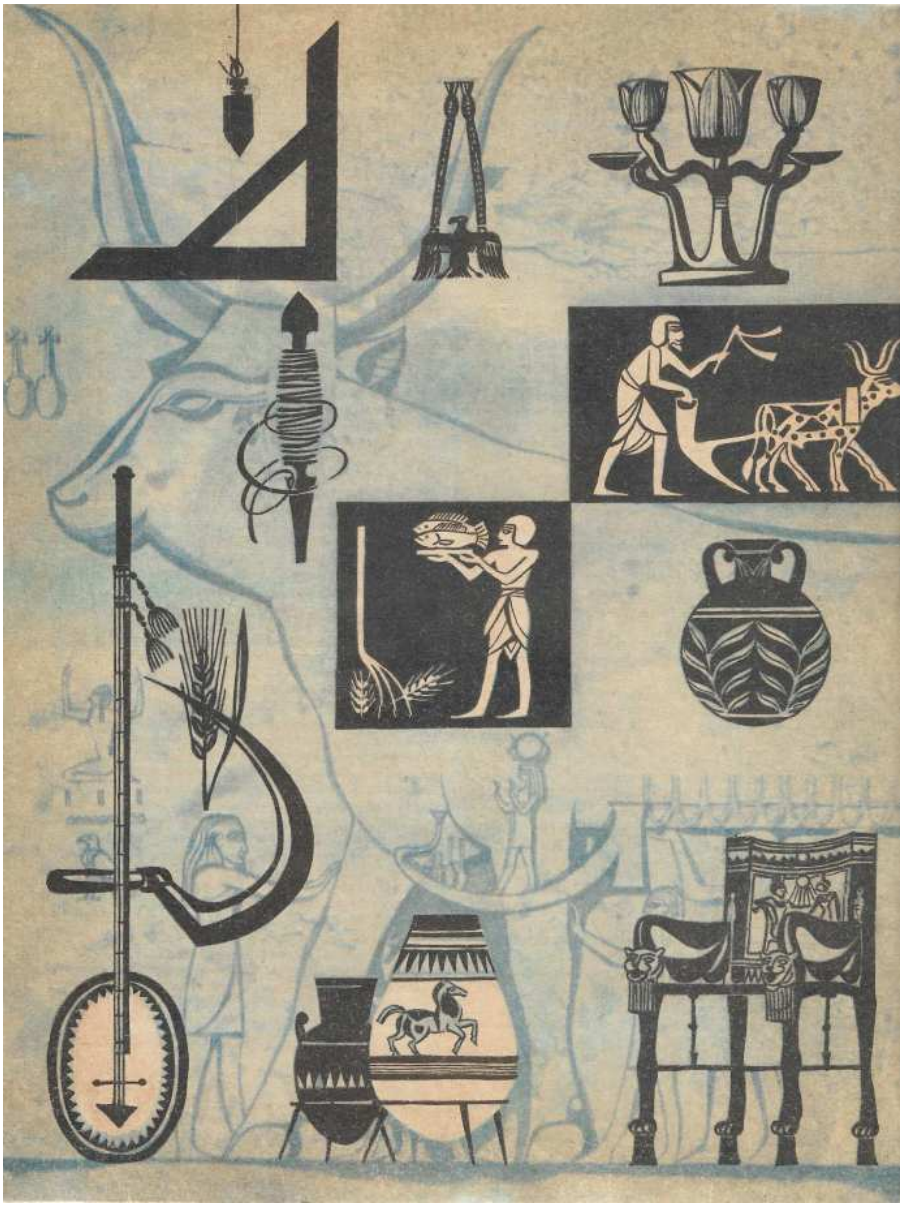
41. Человеческие жертвоприношения существовали почти у всех древних народов. Но самым жестоким и требовательным был финикийский бог Солнца, Огня и Войны — Ваал, или, как его еще называли, Молох. Огромный медный идол — чудовище с бычьей головой и разверстой пастью, внутри которой полыхал огонь, — стоял на одной из площадей финикийского города Карфагена. В эту страшную пасть карфагеняне должны были бросать самое дорогое, что имели — своих детей-первенцев. Только этой ужасной жертвой можно было утолить ненасытного Молоха, чтобы заручиться его покровительством в военных делах… Жуть берет, когда подумаешь, каким влиянием на людей пользовались жрецы этого грозного божества!

42. Месопотамия — Междуречье. А еще эту местность называют Двуречье. Это вторая из древнейших освоенных

человеком речных долин. Она находится в Передней Азии, к юго-востоку от Средиземного моря. Протекают по ней две реки — Тигр и Евфрат.

Долина Двуречья гораздо больше Нильской. В ней много разных народов — эламитяне, шумеры, амореи, аккады, ассирийцы… И сколько в ней было народов, столько в ней было царств…

В самом начале 3-го тысячелетия до нашей эры в этой долине возникло первое большое объединение — Шумеро-Аккадское царство. Очень скоро, однако, соседи разгромили его. И то, что образовалось следом за ним, тоже рухнуло. И следующее… И только в начале 2-го тысячелетия до нашей эры аморейский царь Хаммурапи создал там новое царство, которое продержалось почти 300 лет. Называется оно Древневавилонским. А столицей его был город Вавилон, стоявший на берегу Евфрата.



ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой начинается описание того, что мы видели на международной ярмарке 1762 года до нашей эры перед воротами Вавилона

— С ума сойти! — Нкале стукнула себя ладонью по шлему. — Если бы у нас хоть была вода! И какие-нибудь пирожки с мясом вместо этого дурацкого шоколада!..

— Шоколад тоже весь, — сказал я, — не огорчайся…

— А дальше что?

— Если нас не вернут — смерть от жажды или от голода. Кому что нравится.

— От жажды, — сказал Каген. — Без воды человек умирает на третий или четвертый день. Голодать можно до сорока.

Этот невеселый разговор происходил во мраке пневмокапсулы, которая опять несла нас куда-то. Теперь мы знали: Машина Времени перестала подчиняться Диспетчеру. Уже много часов подряд она действовала сама по себе, не желая возвращать нас в двадцатый век.

Страны, люди, эпохи сменялись, как в калейдоскопе. Циферблаты таймеров крутились между четвертым и вторым тысячелетием до нашей эры. На Александра Петровича жалко было смотреть. Едва только он начинал объяснять нам то, что мы видели, как вокруг снова смыкался непроглядный мрак и нас опять куда-то несло.

А время шло… Оно шло в двух различных измерениях. Таймеры показывали то, в котором мы странствовали. О настоящем же мы могли судить по нарастанию чувства жажды и голода. Когда Академиков вдруг заснул, мы убедились, что с начала наших скитаний прошло уже не менее двух настоящих суток. Описывать высадки в тех местах, где мы успели побывать после посещения оазиса Гизэ, я сейчас, пожалуй, не буду. И вовсе не потому, что там не было ничего интересного. Конечно, было! Только наша «эмвешка» не давала нам ничего как следует рассмотреть. Она рыскала во времени и пространстве — туда и сюда, словно охотничья собака, которая потеряла след. Она что-то искала. Но что?..

Был знойный летний полдень 1762 года до наступления нашей эры, когда мы вдруг увидели себя на большой пыльной площади, в самой гуще огромной людской толпы. Со всех сторон на нас обрушивался гул голосов, громкие выкрики, звон металла,

ослиный рев, конское ржание, поросячий визг, блеяние овец и мычание быков.

Острый запах дыма от горящего в очагах сухого навоза смешивался с упоительными запахами жареного мяса и рыбы, благоуханием свежего меда, пшеничных лепешек и чеснока, ароматами спелых дынь, инжира и фиников. Сладкий сок стекал по подбородкам едоков, масло капало с пальцев.

Совершенно остолбенелые, мы стояли в бурлящей вокруг нас толпе. Мы — это Нкале, Каген и я. Что же касается Академикова, то он даже не проснулся. Завалившись набок, он мирно спал у наших ног, сохраняя позу, в которой его застиг сон в кресле пневмокапсулы. Его голова возлежала на дынной корке. Прямо через него, как, впрочем, и через нас, проходили люди, шагали животные и перекатывались колеса…

— Необходимо разбудить Александра Петровича, — сказал Каген. — Хотелось бы знать, куда мы попали.

— Погоди, — откликнулась Нкале. — Вдруг нас опять выдернет и потащит. А землянину нужно выспаться.

— Кто спит, тот обедает, — добавил я. — После сна к нему возвратится бодрость.

— А если это настоящая остановка?

— Подождем… Посмотрим…

Конечно, в такой толчее мы могли видеть лишь то, что происходило поблизости или маячило над головами. Но и этого было довольно. Выставленные напоказ товары, разнообразие одежд, различный облик и многоязычная речь занятых своими делами людей — все свидетельствовало, что мы попали на какое-то грандиозное торжище.

Прямо перед нами, пересекая площадь, сквозь толпу медленно продвигался караван верблюдов. Толстый слой серой дорожной пыли покрывал усталые лица погонщиков, шерсть животных, тюки на двугорбых спинах. Караван, очевидно, прибыл издалека…

Справа от нас веселый гончар с глиняной свистулькой в зубах, потешая зевак, подбрасывал в воздух узорчатый узкогорлый кувшин и ловко ловил его у самой земли. За его спиною громоздилась целая пирамида оранжевых круглобоких горшков, а на разостланных на земле циновках были расставлены вылепленные из глины куклы, ярко раскрашенные статуэтки людей, птиц и животных.

Слева трудился цирюльник. Усадив клиента на низенькую скамеечку, он брил ему голову бронзовой бритвой. Полминуты брил, минуту точил и направлял бритву. Когда из порезов на голове клиента выступала кровь, мастер аккуратно смахивал ее

пальцем и присыпал порез щепоткой пыли, которую подбирал с земли…

Сразу позади цирюльника находился натянутый на тонкие жерди пестрый тент. Вокруг него кишела толпа нарядно одетых женщин. Громкими возгласами и звонким смехом они выражали свое восхищение синими, белыми и коричневыми тканями, которые показывал им продавец. Внезапно все они расступились. Четыре чернокожих раба пронесли вперед раззолоченные носилки с розовыми занавесками и осторожно поставили перед тентом. Еще четыре раба стали с боков. В глаза бросились выжженные на их плечах клейма и молчаливая покорность лиц. Продавец тканей угодливо склонился перед носилками. Занавески распахнулись, и мы увидели восседавшую на куче пестрых подушек толстую сильно набеленную женщину. Ее голова, шея и руки сверкали множеством драгоценных камней, золотом, жемчугом и серебром.

— Покажи все, что ты привез! — услышали мы надменный приказ. — Покажи все, что ты еще не показывал этим нищим!

— Тебе понравится, госпожа!.. — Поцеловав край занавески, продавец поспешно принялся распаковывать новый тюк.

Толпа любопытных женщин снова сомкнулась, скрыв от нас продолжение этой сцены… Зато мы увидели запряженную осликом повозку, на которой лежали тугие, наполненные вином, кожаные мешки-бурдюки, сделанные из вывернутых наизнанку козьих шкур. Вокруг повозки толпились мужчины. Некоторые брали бурдючок на троих. Другие, купив целый бурдюк, удалялись, держа его на плече или под мышкой. А тем, кто просто хотел утолить жажду, любезный хозяин сноровисто наполнял глиняные чаши янтарной струей из развязанного угла бурдюка.

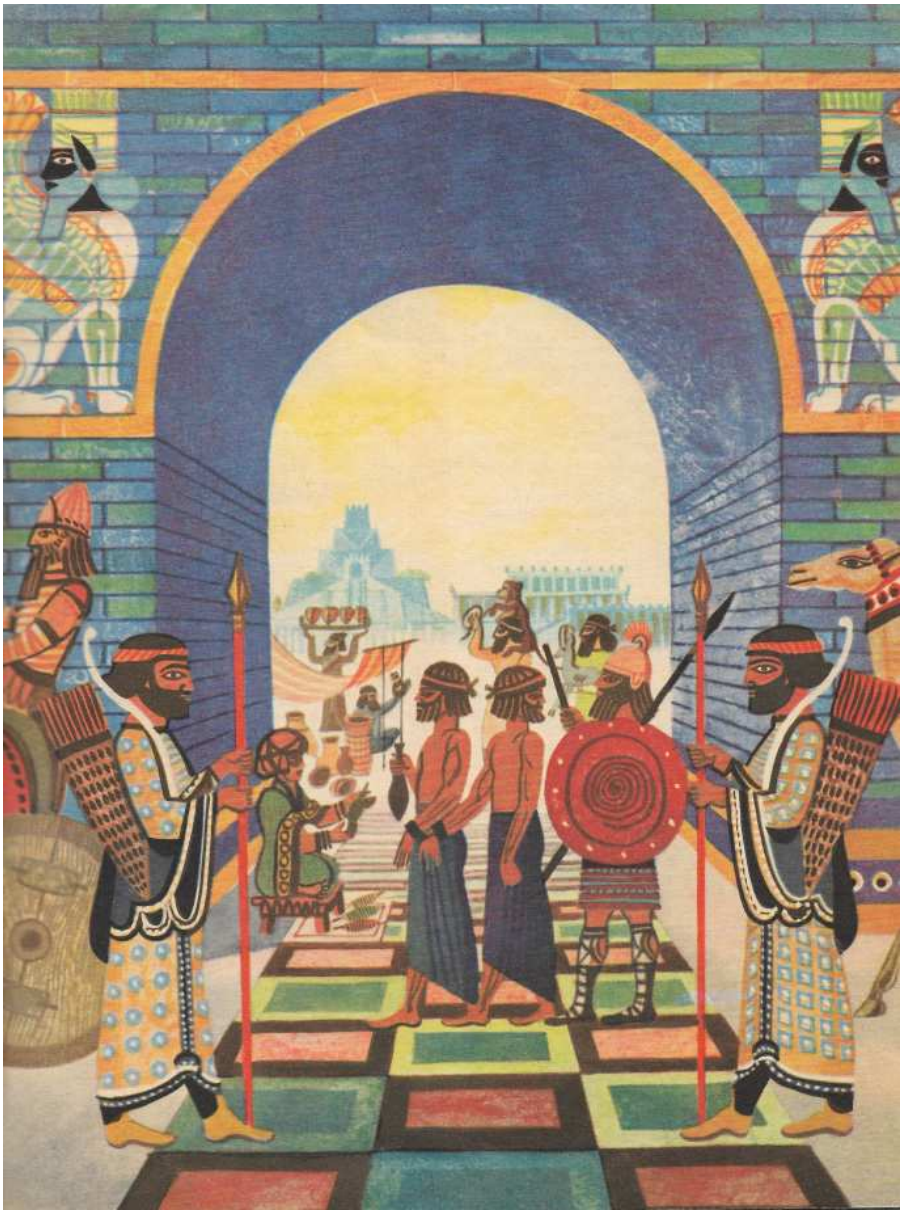
— Вино пить вредно, — облизнув пересохшие губы и сглотнув слюну, назидательно сказала Нкале. — Отвернемся от этого недостойного зрелища!

— А вот вода!.. Сладкая — Гладкая — Холодная — Благородная!.. Ай-яй-яй, какая вода!.. Свежая — Чистая — Аметистовая — Серебристая! — Стайка полуголых озорных мальчишек с влажными кувшинами в руках неслась мимо нас.

— Грязная — Заразная — Арычная и… негигиеничная!.. — с отчаянием передразнил их я.

— Эй, погоди! — Каген сделал безуспешную попытку перехватить кувшин у одного из ребят. — Н-да… В руке, как видите, ничего. Фокус-покус!..

Караван верблюдов все еще пересекал площадь. На другой ее стороне тянулся гребень крепостной стены, окружавшей город. За стеною виднелись плоские крыши многоэтажных домов и зубчатые вершины высоких квадратных башен…



Внезапно позади нас раздались крики и скрип колес. Мы оглянулись. Осел винодела, таща за собой повозку, двигался к нам. Губы его тянулись к лакомой дынной корке, на которой покоилась голова профессора. Как раз в этот момент один из выпивох дал Серому по носу. Оскорбленное животное заорало над самым ухом ученого таким ужасным голосом, что тот вскочил, как подброшенный.

— Что?.. Где?.. Долго я спал?

— Пустяки… Мы еще не узнали даже, как называется этот город.

Александр Петрович скользнул взглядом вдоль крепостной стены, внимательно посмотрел на многочисленные, вздымающиеся над нею башни, сверился со своим таймером и уверенно объявил:

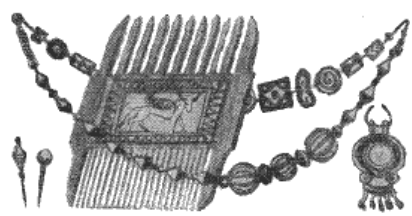
— Древний Вавилон! Время правления царя Хаммурапи… Давайте пересечем площадь и взберемся на стену. Оттуда нам будет виден весь город и все, что здесь делается.

Мы двинулись сквозь толпу. Академиков говорил:

— Настоящая международная ярмарка! Нам здорово повезло. Смотрите внимательно, и вы увидите почти все, чем живут эти люди, чем владеют и что умеют производить…

Мы миновали место, где вавилоняне вели торг скотом и зерном; постояли около зубодера, который с помощью бронзовых щипцов без всякого обезболивания извлекал больной зуб у мычащего, как буйвол, пациента; полюбовались танцем, который под звуки бубна и флейты исполняла гибкая, как лиана, смуглокожая танцовщица… В окружавшей ее толпе мы заметили весьма достойного вида вора, который с большим изяществом отвязал от пояса своего соседа кожаный кошель, тут же кому-то передал и неторопливо перешел к следующему ротозею…

Через несколько шагов Нкале задержала нас около лавки ювелира. Ничего не скажешь — бронзовые зеркала, серебряные и золотые заколки, ожерелья из цветного стекла и драгоценных камней, разнообразные застежки, причудливые печати, роскошные кубки, перстни, серьги, ручные и ножные браслеты, несмотря на свою грубоватую простоту, отличались подлинной красотой и своеобразием…



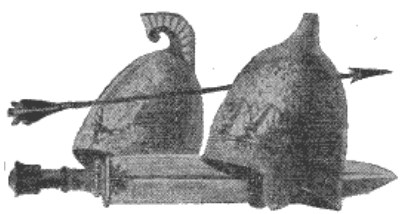
Затем мы остановились около полуобнаженного чернобородого кузнеца. Выхватив из пылающего горна раскаленную бронзовую заготовку, он бил по ней тяжелым каменным молотом, придавая ей форму серпа. Наковальней ему служил большой плоский камень… Так мы своими глазами могли убедиться, что двухтысячелетнее шествие бронзового века вовсе не означало еще окончание каменного…

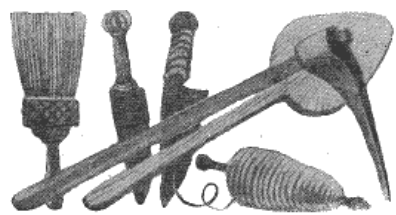
У этого кузнеца было два помощника. Судя по клеймам на их плечах, оба были рабами. Один из них с помощью целого набора кремневых резцов искусно наносил затейливые узоры на рукоять только что откованного меча. Другой продавал уже готовые изделия: бронзовые котлы, ножи, серпы, мечи, топоры, лемеха для плугов… Раб-продавец пользовался, видимо, полным доверием своего хозяина: полученные от покупателей небольшие слитки серебра, служившие здесь деньгами, он сам взвешивал на весах и опускал в сумку на своем поясе… В одежде всех этих людей еще не было никаких карманов. Их заменяли мешки и сумки.

Пошли дальше.

Шерсть… Лен… Горы сырых и обработанных кож… В мастерской кожевника — конские сбруи, пояса, сумки, сандалии, туфли… Ткацкая мастерская… Красильщики тканей… Портные… Жрецы… Стражники… Рабы, следующие по пятам за своими хозяевами с корзинами снеди на головах… Изделия из стекла… На повозках — мешки с зерном, кувшины с маслом…

Оружейный ряд — шлемы, боевые секиры, копья, мечи, кинжалы… Все из бронзы, и только кое-что, самое лучшее и дорогое, сделано из железа… Кожаные панцири, обшитые бронзовой чешуей… Луки и стрелы… (едва оттащили Кагена).





Мастерская колесника… Продавец благовоний… Паруса, канаты…

Предсказатель судьбы… (едва оттащили Нкале).

Контора ростовщика… Можно взять в долг зерно, серебро, что хочешь… Возврат — с процентами…

Брань, суета, смех — собака стащила утку… Погоня…

Иностранные гости — странствующие купцы…

Чтобы попасть сюда, некоторые из них совершили путешествие почти в тысячу километров, преодолевали пустыни и горы, отбивались от диких зверей, сражались с разбойниками… Суровые лица этих людей были так же мужественны, как лица воинов. Но если глаза воинов выражали только наглое самодовольство, то в глазах купцов мы видели пытливость и ум… Среди купцов, несомненно, были настоящие путешественники,

были разведчики и шпионы.

Караван, прибывший на ярмарку одновременно с нами, принадлежал арабам из Сирии — верблюды были пока только у них…

Армянские купцы привезли железо. Этот «металл войны», которому в будущем предстояло окончательно подрубить каменный век и сменить бронзовый, был еще величайшей редкостью… Армяне добывали его в горах Кавказа и только начинали еще вывозить в другие страны. За железо платили серебром — вес на вес…

Караван финикийцев… Этот народ, живший в маленькой стране, прижатой к восточному берегу Средиземного моря, славился своими мореплавателями и строителями кораблей. Даже египетские фараоны заказывали корабли на верфях финикийских городов — Библа, Сидона и Тира… Через Финикию проходил караванный путь из Египта в Вавилонское царство.

Глядя, как финикийцы разгружают со своих ослов тяжелые, распиленные на части стволы деревьев и тюки удивительно красивых тканей, окрашенных в яркие красно-фиолетовые тона, Академиков говорил:

— В Вавилонии нет лесов. Дерева здесь не хватает даже на колеса для боевых колесниц. Его привозят из Финикии, доставляют по Евфрату и Тигру из других стран… А вот тканей такого цвета, как эти, нет больше ни у кого — обойдите хоть весь базар! Эти ткани окрашены пурпуром — особой краской, секрет которой известен одним финикийцам. Ни за какие деньги они не скажут вам, что добывают пурпур из раковин улитки-багрянки… Вывозить из страны разрешается только уже окрашенные ткани.

Самую лучшую шерсть для этих тканей финикийцы покупают у хеттов — народа, обитающего в гористой стране между Черным и Средиземным морями. Там, на горных пастбищах, пасутся отары замечательных тонкорунных овец и огромные табуны великолепных коней. А в горах добывается серебро. Со всем этим товаром: шерстью, конями и слитками серебра — хеттские купцы и прибыли теперь на Вавилонскую ярмарку.

В облике хеттов была какая-то дикая удаль. Они были хорошо вооружены… Александр Петрович сказал нам, что сейчас в их стране происходят междуусобные войны и приближается грандиозное восстание рабов.

Потом, когда восстание будет подавлено, все хетты объединятся в одно государство. Тогда они начнут нападать на другие народы. Лет через полтораста, примерно, они вторгнутся даже в Вавилон и разграбят его…

Вскоре после этого Вавилония будет завоевана касситским

царем, который приведет свои орды с гор Загроса, из тех приблизительно мест, где в одной из пещер, под камнями и пеплом, погребены кости однорукого неандертальца… А еще позднее, около тысячи лет спустя, касситы будут разгромлены ассирийцами — северными соседями вавилонян…

— Тогда, — продолжал Александр Петрович, — эта страна войдет в состав огромного Ассирийского царства, владыки которого захватят на некоторое время даже часть Египта… Затем, еще позже, Вавилонией завладеют халдеи, за ними — персы… Это будет уже в середине первого тысячелетия до нашей эры…

Касситов на ярмарке не было. А вот ассирийцев мы встретили. Их лица были так же темны, как слитки красной меди, которую они привезли на торг. Их черные прямые бороды были заплетены в мелкие многочисленные косички и аккуратно подстрижены. Вьючными животными у них были мулы — очень выносливая помесь лошади и осла, одна из первых помесей, искусственно созданных человеком…

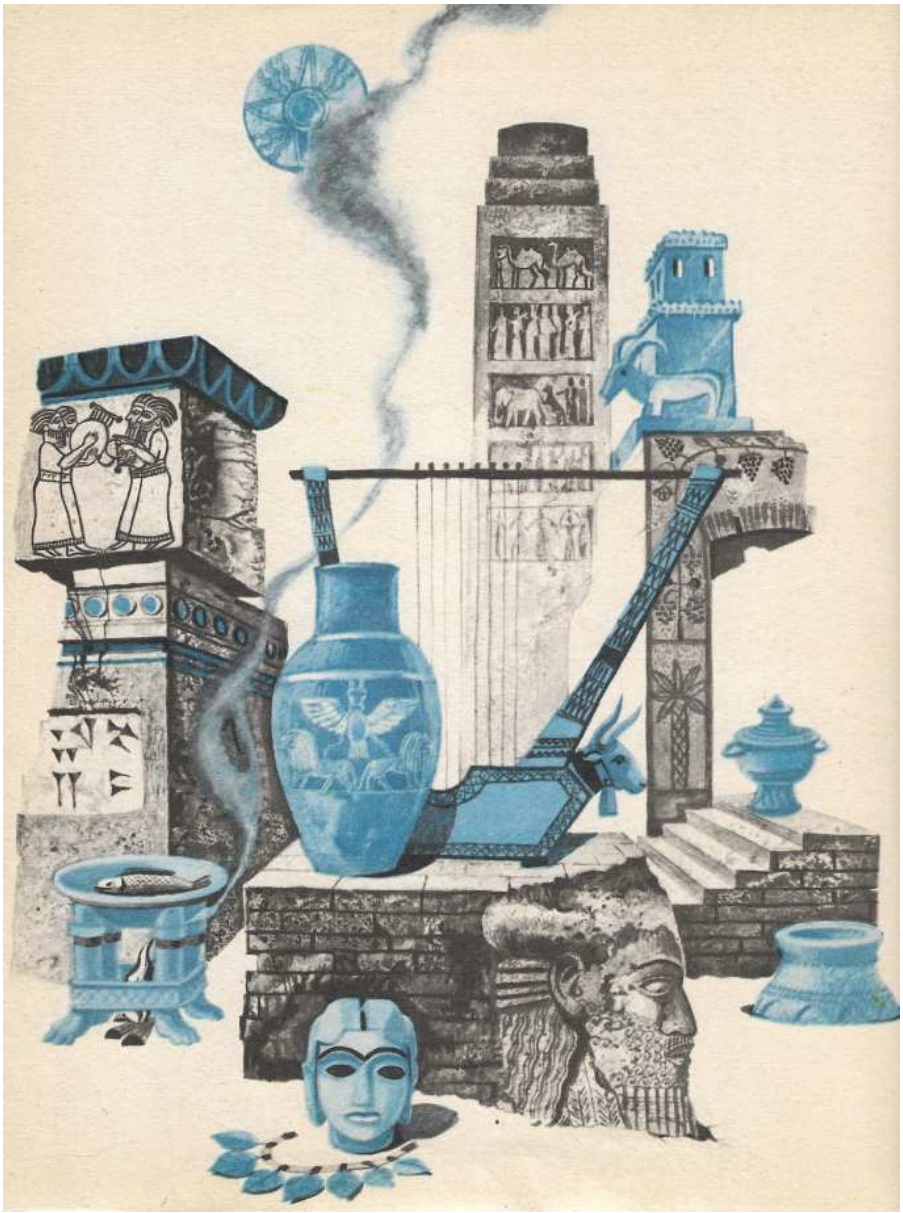
Недалеко от стены мы увидели египтян. Держались они высокомерно. Еще бы!.. За ними было самое мощное государство, во главе которого стоял божественный фараон — Царь Царей, сильнейших из сильных!.. Египетских купцов охраняла выставленная напоказ большая позолоченная статуя бога солнца Амона-Ра. Она изображала человеческую фигуру с бараньей головой и солнечным диском между рогами… А вокруг были товары — роскошные одежды, драгоценные ювелирные изделия и, самое главное, скатанный в рулоны папирус — материал, на котором можно было писать, как на бумаге. Египтяне изготовляли его из особого сорта нильской осоки, стебли которой достигают пятиметровой высоты. Ни в одной из соседних с Египтом стран папируса не было.

— Так на чем же тут пишут, когда нет папируса? — удивилась Нкале.

— Наверно, на пергаменте, — сказал я. — Пергамент делается из телячьей кожи…

— Будет делаться, — поправил меня Академиков. — Его изобретут полторы тысячи лет спустя неподалеку отсюда, в городе Пергаме. Примерно тогда же, когда китайцы изобретут бумагу, — незадолго до наступления нашей эры… А пока здесь пишут на глине…

Но дальше он объяснять не стал. Перед нами были главные городские ворота.



ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой продолжается описание Вавилонской ярмарки, происходит встреча с Кривоногим Кузнечиком и сообщаются некоторые сведения, полезные для тех, кто хочет стать разведчиком

Высокая, увенчанная двумя башнями арка прорезала толщу крепостной стены. Окованные медью створы были раскрыты. За ними раскинулся город. Широкая прямая улица вела вниз к реке. По бокам арки стояли вооруженные часовые. Они внимательно следили за всеми, кто приближался к воротам. Иногда копья скрещивались, и того, кто не понравился, заворачивали обратно.

— Пройдем?

— Минутку! — Академиков указал на невысокий устланный коврами глинобитный помост слева от арки. — Там продаются люди! Подойдем.

Полупьяные, но очень деловые воины, очевидно, только недавно вернувшиеся из какого-то победоносного похода, выталкивали на помост израненных, обнаженных пленников, избитых, плачущих женщин, перепуганных детей и подростков. Некоторые были связаны попарно, у других руки были скручены за спиной. Только перед самым помостом с них снимали веревки, и каждый выходил на него отдельно. А покупатели прохаживались между ними, щупали мускулы, смотрели, нет ли на коже опасных язв, заглядывали в рот и считали зубы…

Как раз, когда мы вплотную подошли к помосту, маленький, зверского вида воин выводил пару, которую только что развязал. Это была довольно странная пара — нигде не раненный, очень покорный на вид, даже какой-то самодовольный толстяк и несчастный кривоногий уродец — мальчишка лет двенадцати, со скрюченным телом, тупым взглядом и струпьями на щеках и вокруг рта. Едва только их развязали, толстяк брезгливо оттолкнул от себя калеку и бодро-весело побежал на помост продаваться. Мальчишка беспомощно взмахнул руками, зацепился ногой за ногу и упал…

— Ну и товар! — загоготали в толпе. — О, великий и непобедимый воин Гишкугарни, скажи нам, в каком кровопролитном бою ты добыл это сокровище и сколько заплатишь тому, кто тебя от него избавит?

— На бурдючок давай — и бери.

— А не слишком ли дешево ты его ценишь? Ведь ты, наверно,

всю дорогу, как ишак, тащил его на своей спине! Это тоже надо учесть!..

— Глупые речи! Его тащил вовсе не я, а этот толстый раб-кондитер, по имени Шу-Амурру, которого я взял в плен и теперь продаю. Эй, кто любит сладкое? Продается искусный кондитер по имени Шу-Амурру, принадлежавший жене побежденного нами…

— Кто кондитер?.. Где продается кондитер? — услышали мы вдруг уже знакомый нам женский голос. — Беру кондитера!..

Раззолоченные носилки с розовыми занавесками приближались к помосту. От множества набитых в них покупок они, несомненно, сильно потяжелели. То, что не поместилось внутри, рабы, сопровождающие носилки, несли следом на головах.

— Здесь, здесь кондитер, госпожа! — закричал коротышка-воин, сразу забыв о мальчике. — Ты только взгляни на этого красавца!..

Толстяк на помосте гордо выпятил грудь и выставил вперед плечо, отмеченное клеймом его прежней владелицы.

— Подведи!

Воин дал толстяку древком копья по шее, чтобы тот поторапливался. Впрочем, в этом не было никакой нужды — со сладчайшей улыбкой на лице кондитер уже сам скатывался по ступенькам.

— Сколько ты за него возьмешь?

— Тринадцать сиклей серебра, госпожа.

— Посмотрите на мальчика! — внезапно воскликнула Нкале.

Глаза ее были устремлены на забытого всеми калеку, который лежал на земле рядом с носилками. Полуприкрыв рукою лицо, он из-под пальцев зорко следил за всем, что происходило вокруг. Никто не обращал на него внимания И тут мы с изумлением увидели, как тело его начало медленно выпрямляться, кривые ноги вытянулись во всю длину, и вдруг, молниеносно перевернувшись на бок, он со змеиной ловкостью исчез под носилками… Только легкое колыхание свисающих до земли занавесок какую-то долю секунды свидетельствовало еще о том, что все это нам не почудилось…

Кондитер между тем был продан. Теперь все участники сделки должны были отправиться к писцу, чтобы оформить документ на покупку. Рабы подняли носилки.

— Стой! — не своим голосом вдруг завопил воин, растерянно озираясь по сторонам. — Куда девался этот проклятый раб!..

— Убежал раб!.. Раб убежал! — заволновалась охочая до всяких происшествий толпа. — Его найдут и казнят! Вот будет потеха!

— Колченогий не мог далеко уйти, — орал коротышка. — Ищите его!

— Мне некогда тебя ждать, воин! — капризно крикнула покупательница, высовываясь из носилок. — Я ведь купила твоего кондитера Шу-Амурру, а не кого-то другого, правда? И теперь я спешу домой, чтобы убедиться в его искусстве!

— Но мой другой раб — Кривоногий Кузнечик!..

— Его найдут и казнят, будь спокоен! Пусть глашатай объявит. Скажи ему и поторопись за мной.

Носилки, под которыми прицепился мальчик, двинулись сквозь толпу. Они и так были тяжелыми, а потому рабы, которые несли их вдоль помоста, не замечали добавочной тяжести. Мы шли сзади. Странный мальчик совершенно завладел нашим воображением. Кто он? Откуда?.. Попытка выдвинуть усики шлемов, чтобы узнать его мысли, кончилась полным провалом. Мысли и чувства всех находящихся рядом с нами людей, достигая нашего сознания, смешивались, наслаивались друг на друга, путались и взаимно переплетались, сливаясь в такой бред, который, наверно, не снился еще ни одному психу. Здоровый мозг не мог этого вынести. Опоздай мы на несколько секунд задвинуть усики, мы бы неминуемо сошли с ума…

Когда мы немного пришли в себя, мы увидели, что воин Гишкугарни уже присоединился к нам, а на возвышении, посреди помоста, стоит глашатай. Голова его была увенчана высокой остроконечной шапкой. Сложив рупором ладони у рта, он обращался к толпе:

— Слушайте все!.. Слушайте!.. Доблестный и славный воин по имени Гишкугарни, сын Мутум-эля, объявляет! Сбежал законно добытый им в жестоком бою, принадлежавший ему по праву мальчишка-раб, остроумно названный им Кривоногий Кузнечик, ибо мальчишка воистину колченог, причем левая его — кривая нога, примерно на четверть локтя короче правой. Коричневый лоскут на бедрах — его одежда. Тело скрючено, на лице струпья, а речь невнятна!..

И, как повелел великий царь Хаммурапи, чьи слова превосходны, чьи дела бесподобны, чья мощь не имеет равных, — пастырь, названный Энлилем, действующий по внушению царя богов — Мардука, буйный телец, забодавший врагов, озаривший светом страну Шумера и Аакада, владыка небес и земли, приведший к повиновению четыре стороны света, возвеличивший имя Вавилона, накопивший богатство и изобилие… Да воссияет справедливость его, дабы погубить беззаконных и злых, дабы сильный не притеснял слабого, дабы защищать вдов и сирот…

Отныне, как сказано в той части законов Хаммурапи, которая касается беглых рабов: «Если человек поможет бежать рабу, который принадлежит другому человеку, этого человека до́лжно убить».

«Если человек укроет в своем доме беглого раба и не выведет его на клич глашатая, этого человека должно убить».

«Если человек поймает в степи беглого раба и присвоит его себе и потом раб будет найден в его руках, этого человека должно убить».

«Если цирюльник снимет с раба клеймо хозяина, этому

цирюльнику должно отрезать пальцы»…

Глашатай все еще продолжал выкрикивать грозные законы, касающиеся беглых рабов, когда мы подошли, наконец, к писцу.

Писец сидел на коврике, скрестив ноги. Рядом с ним высилась куча сырой глины. Рабы опустили носилки. Внимательно выслушав, чего от него хотят, писец неторопливо взял комок сырой глины и, придав ей форму плоской прямоугольной лепешки, принялся составлять документ. Для этого он вооружился тонкой палочкой с узким трехгранным кончиком, который, прикасаясь к глине, оставлял на ней маленький отпечаток вроде восклицательного знака, только без точки. Из сочетаний этих отпечатков получались причудливые значки-письмена, постепенно покрывавшие поверхность плашки.

— Вот это и есть клинопись, — сказал Александр Петрович. — Ее изобрели шумеры приблизительно полторы тысячи лет назад. Сперва их письменность имела вид обычных рисунков-иероглифов, таких же примерно, как у египтян. Но рисовать по глине трудно, а выдавливать легко. И они начали выдавливать… Так, вместо иероглифа-рисунка получился иероглиф-значок, уже мало чем напоминающий животное, предмет или растение, которое он изображает… Чтобы научиться этой грамоте, человек должен запомнить более шестисот всевозможных сочетаний, образующих клинописные иероглифы, а потому профессия писца так же, как и в Египте, пользуется здесь исключительным почетом. Каждый писец — это одновременно какой-нибудь жрец или царский чиновник. Все, что написано — почти святыня!..

Действительно, большинству из тех, что были вокруг, работа писца казалась, видимо, чем-то вроде колдовства или чуда. Люди смотрели как зачарованные. И нам это было здорово интересно. Но и с носилок мы не спускали глаз…

И вот мы увидели, как снизу появилась тонкая мальчишеская рука, осторожно проникла под занавески, а затем возвратилась обратно, увлекая за собой кусок синей материи.

— Высший класс! — одобрительно воскликнул Каген, когда, минуту спустя, та же рука запихнула в носилки обрывок коричневой ткани. — С этой уликой покончено!..

— Это ж надо уметь — переодеться, лежа под носилками! — восхитилась Нкале. — По-моему, он совсем не калека!

— А ты думала!.. — начал я и тут же осекся. — Атас!..

Одетый в короткую белую тунику, рослый рыжебородый чужестранец с волосами, перехваченными проходящим через лоб узким позолоченным ремешком, стоял рядом с нами. Я приметил его еще, когда мы только подходили к помосту. Его хищный

взгляд был устремлен на нижний край свисающих до земли занавесок…

— Этот человек видел все, — с грустью сказал Александр Петрович, тоже заметивший Рыжебородого. — Он выдаст мальчика! Ничего не поделаешь…

— Негодяй!.. Следит за Кузнечиком, как кот за мышью, — чуть не плача от злости сипло сказала Нкале. — Предатель!..

— Гнусный тип!.. — Каген плюнул под ноги Рыжебородому. — И откуда он только взялся?

— Судя по одежде, — сказал Александр Петрович, — этот человек с одного из дальних островов Средиземного моря, а может быть, даже с Пелопонесского полуострова… Народы, которые там обитают, называются пока просто морскими народами. Они — предшественники древних греков. Занимаются, в основном, виноградарством, гончарством и овцеводством…

— Что-то я не вижу у этого предшественника ни горшков, ни шерсти, — ехидно заметил Каген. — Чем же он тут торгует, по-вашему?

Академиков пожал плечами.

— Есть сведения, что эти люди — отчаянные пираты и грабят все корабли, которые приближаются к их островам…

Кузнечик все еще лежал под носилками. Писец трудился над документом. Закончив пе-читать очередной клинописный знак, он поднял голову и прочел:

> «Одного раба, по имени Шу-Амурру, принадлежащего воину Гишкугарни, сыну Мутум-эля, госпожа Апхатум купила, 13 сиклей серебра в качестве полной цены раба она ему отвесила. В том, что в будущем не предъявят друг другу претензий, своим царем они поклялись. Перед Ману — торговцем, перед Варой — кабатчиком, перед Риш-Иррой — ювелиром»…

Кто еще хочет засвидетельствовать документ?

Поднялся невообразимый шум. Каждый лез вперед, желая увековечить свое имя на глиняной плашке. Толпа еще плотнее окружила писца.

— Перед Сингамилем — птицеловом!.. Перед Лизам-или — пивоваром!.. Перед Шуа — сыном Нидитту!.. — возгласы раздавались со всех сторон.

Если мальчик собирался выбраться из-под носилок, это был самый подходящий момент. Рыжебородый незнакомец, который понимал это не хуже нас, протиснулся поближе к носилкам, чтобы не упустить беглеца.

— Пропал! — громко воскликнула Нкале, когда рука

мальчика извлекла из-под занавесок кожаную сумку, туго набитую барахлом. — Прячься!.. Беги!..

Мальчик уже стоял рядом с носилками. Но он и не думал бежать.

— Ты потеряла сумку, госпожа Апхатум, — небрежно отстранив раба, учтиво проговорил он. — Ее бы могли украсть…

Госпожа Апхатум вынырнула из носилок и уставилась на мальчугана. Конечно, признать в нем несчастного Кривоногого Кузнечика не мог бы теперь никто. Мальчик как мальчик, стройный, с чистым, без единого струпика, симпатичным лицом. Глаза смелые, голос приятный, речь вежливая. Но…

— Где ты ее взял? — жадно схватив сумку, толстуха впилась подозрительным взглядом в грязные руки Кузнечика и вываляную в пыли набедренную повязку из дорогой синей ткани. — Наверно, ты сам украл мою сумку и теперь хочешь получить награду?.. Признавайся!..

— Нет, госпожа. Твоя сумка выпала из носилок. А награда мне не нужна. Я прибыл сюда с караваном и рад оказать услугу такой славной госпоже, как ты…

С достоинством поклонившись, Кривоногий Кузнечик сделал шаг назад. Но бежать ему было некуда — кольцо любопытных тесно смыкалось вокруг. Однако лесть, очевидно, подействовала на госпожу Апхатум. Убедившись, что из сумки ничего не пропало, она уже более миролюбиво потребовала:

— Если ты говоришь правду, пусть сюда придет твой отец.

— У меня нет отца, госпожа, — начал Кузнечик. — А наш караван…

Он не договорил. Островитянин шагнул вперед, и тяжелая, поросшая рыжей шерстью рука опустилась на плечо беглеца.

— Вот, где я нашел тебя, Орест! — радостно воскликнул Рыжебородый. Он повернул Кузнечика и прижал лицом к своей могучей груди так, что тот, если бы и захотел, все равно не мог бы сказать и слова. — Я боялся потерять тебя, Орест. Я искал по всему базару…

— Ты знаешь его, чужестранец? — удивленно спросила госпожа Апхатум. — Кто ты? Кто этот сорванец, который говорит, что у него нет отца?

— Орест говорит правду, госпожа. Он мой племянник. И мы, действительно, прибыли сюда с караваном из Финикии. Но мы не финикийцы. Мы — критяне. Корабль, на котором мы плыли с острова Крита в Египет, был застигнут ужасной бурей. Грозные волны разорвали его обшивку, и в днище образовалась течь. Мы откачивали воду, но она все прибывала. Надежды не было никакой. Тогда мой брат, благородный Диомед — отец Ореста,

владелец и кормчий корабля, решил бросить жребий, кого принести в жертву гневному богу морей — Посейдону, чтобы спасти всех остальных. И жребий пал на самого Диомеда. Простившись с нами и вознеся молитвы богам, он кинулся с палубы обреченного корабля в бушующую пучину. Корабль погиб. Все люди и все товары, которые были на нем, утонули. Но жертва была принесена не напрасно. Привязавшись к обломку мачты, мы с Орестом два дня и две ночи носились по кипящим волнам, моля богов о спасении… На третий день буря утихла, и волны вынесли нас на пустынный берег… — Рыжебородый отпустил мальчика и ласково погладил его голову: — Где это ты так выпачкался, Орест? — заботливо спросил он, словно забыв о своих слушателях.

— Я хотел посмотреть на животное, которое называется верблюд, и немного погладить его, — сказал мальчик. — А этот зверь, которого я никогда прежде не видел, оплевал меня и ударил ногой. Я упал в грязь…

— Омерзительное животное! — воскликнула госпожа Апхатум. — Но погоди, Орест. Я хочу знать, что с вами случилось дальше.

— Финикийские рыбаки подобрали нас, привели в сознание и доставили в город Библ, — сказал Рыжебородый. — Там я разыскал друга моего погибшего брата — богатого купца по имени Менахем, сына Гамалиеля, с которым он вел дела. Менахем приютил нас у себя в доме и под небольшие проценты дал в долг немного золота и серебра. Но возвратиться домой мы не могли — ни один корабль не отходил в то время в сторону Крита… Вот почему, госпожа, я принял предложение Менахема отправиться с принадлежащим ему караваном в вашу страну. Я хотел своими глазами увидеть великий Вавилон, город, о котором говорят, что ему нет равных в мире. И еще, если на то будет воля богов и соизволение приближенных вашего повелителя, я хотел бы удостоиться чести лицезреть его самого — божественного царя Хаммурапи, мудреца и воина, объединившего под своей властью земли между Евфратом и Тигром и давшего этой прекрасной стране удивительные законы, в которых изложены все права и обязанности каждого соответственно тому положению, которое он занимает… Имя мое — Анхиал, сын Тиндора. На Крите я владею обширными землями и богатыми виноградниками, которые возделывают принадлежащие мне рабы. В моем доме, если ты соблаговолишь когда-нибудь посетить его…

— Явный треп! — не дождавшись окончания длинной речи критянина, выложил свое мнение Каген. — Треп от начала и до конца!

— Не скажи… — Академиков покачал головой. — В отличие от глупца, умный человек никогда не станет городить одну только ложь. Чтобы лжи поверили, ее нужно вплетать тонкой нитью в канву достоверных фактов. Можешь не сомневаться, этот критянин — свой человек среди финикийцев и совершенно уверен — если потребуется, купец Менахем подтвердит все, что он здесь сказал!.. Но… Хотелось бы знать, зачем ему понадобился Кузнечик?

— Чтобы спасти! — сказала Нкале. — Он добрый.

— Допустим… Тем более, что другой версии у нас пока нет… А для чего он пригласил эту даму в свой дом? Ведь он же знает, что она никогда не поедет на Крит!.. Простая любезность?

— Он хочет, чтобы она в ответ пригласила его к себе. Ее-то дом здесь! — сказал я.

— Вот! — Академиков был доволен. — Это похоже на правду. Но зачем?

Пока мы обсуждали этот вопрос, женщина успела расплатиться с воином и писцом, получила от писца, начавшую уже подсыхать глиняную табличку и велела нести себя в город. Одного раба она вместе с кондитером отправила вперед, чтобы к ее возвращению были готовы сладкие пирожки…

Критянин и мальчик шли рядом с носилками. Морские приключения так разволновали любознательную матрону, что она беспрерывно задавала все новые и новые вопросы, один глупее другого. Критянин охотно отвечал, Кузнечик ловко ему подыгрывал.

— А ты, Орест, сообразительный паренек! — вдруг, словно забывшись, сказал по-критски Рыжебородый. — Я не ошибся в тебе.

Мы отлично поняли эту фразу. Но вот то, что ответил мальчик, хотя и звучало, как речь критянина, «эмвешка» нам передать не смогла. Мальчишка не знал, конечно, критского языка и просто нес какую-то похожую тарабарщину. Рыжебородый рассмеялся.

— Что он сказал, Анхиал? — встрепенулась госпожа Апхатум. — Насмеши меня тоже.

— Он сказал, что ты, наверно, самая красивая и умная женщина во всем Вавилоне, потому что тебе поклонились стражники, когда мы проходили под аркой городских ворот.

— А разве это не так, Анхиал? — лицо толстухи расплылось в довольной улыбке. — Но стражники — дураки. И поклонились они мне вовсе не за мою красоту и ум, а потому что я жена их начальника Магиру, сына Шамаш-Хасира, сановника царя Хаммурапи и весьма богатого человека.

— О, госпожа! — Рыжебородый склонил голову и почтительно поцеловал унизанную кольцами и браслетами руку. — Я не знал этого.

— Ого! — Академиков даже присвистнул. — Разрази меня гром, но именно это было известно ему с самого начала! Сейчас она пригласит его в гости.

Но Александр Петрович ошибся.

— Слушай, — внезапно сказала толстуха, убирая руку. — Ни ты, ни твой племянник никогда прежде здесь не бывали. Так?.. А между тем, вы оба отлично владеете языком вавилонян…

— В этом нет ничего странного, госпожа. Вот уже шесть лет, как у нас на Крите живет прославленный вавилонский астроном и математик, мудрый старец Шеп-Син, сын Варад-Титурру… Такой образованной женщине, как ты, это имя должно быть знакомо…

— Да, да… Конечно! Но… продолжай.

— Последний год, когда Шеп-Син жил в доме моего брата — несчастного Диомеда, мальчик Орест всюду сопровождал старца, внимая его мудрым речам и набираясь знаний. Я тоже часто встречался с ним…

— А почему он жил в доме твоего брата?

— О, это удивительная любовная история, госпожа. Она связана с единственной дочерью старика, красавицей Син-Нури. Но, прости меня. Вот мы пришли в город и теперь я должен отвести Ореста в баню, чтобы он вымылся. Кроме того, ему нужно купить другую одежду.

— Но в моем доме есть прекрасный бассейн с проточной водой из Евфрата. И, если вы пойдете сейчас со мною, я прикажу рабыням…

— Благодарю, госпожа… Я вынужден отказаться.

— А как же удивительная любовная история красавицы Син-Нури? Я просто умираю от любопытства! — Госпожа Апхатум так и таяла перед хитрым критянином. — И еще… Я хочу познакомить тебя с моим мужем, чтобы ты сам рассказал ему о своих приключениях. — Толстуха строила глазки и пленительно улыбалась.

— Нет, госпожа… — Анхиал указал на тень от колонки солнечных часов, сооруженных на вымощенной площадке перед роскошным дворцом, мимо которого мы проходили. — Приближается час, назначенный мною купцу Менахему. Я должен встретить его на пристани.

— Тогда приходи вечером. Вместе с Орестом… Придешь?

— Ты приказываешь, мы повинуемся.

Носилки свернули в боковую улицу, а Анхиал и мальчик пошли прямо вниз к сверкающей впереди реке, по которой

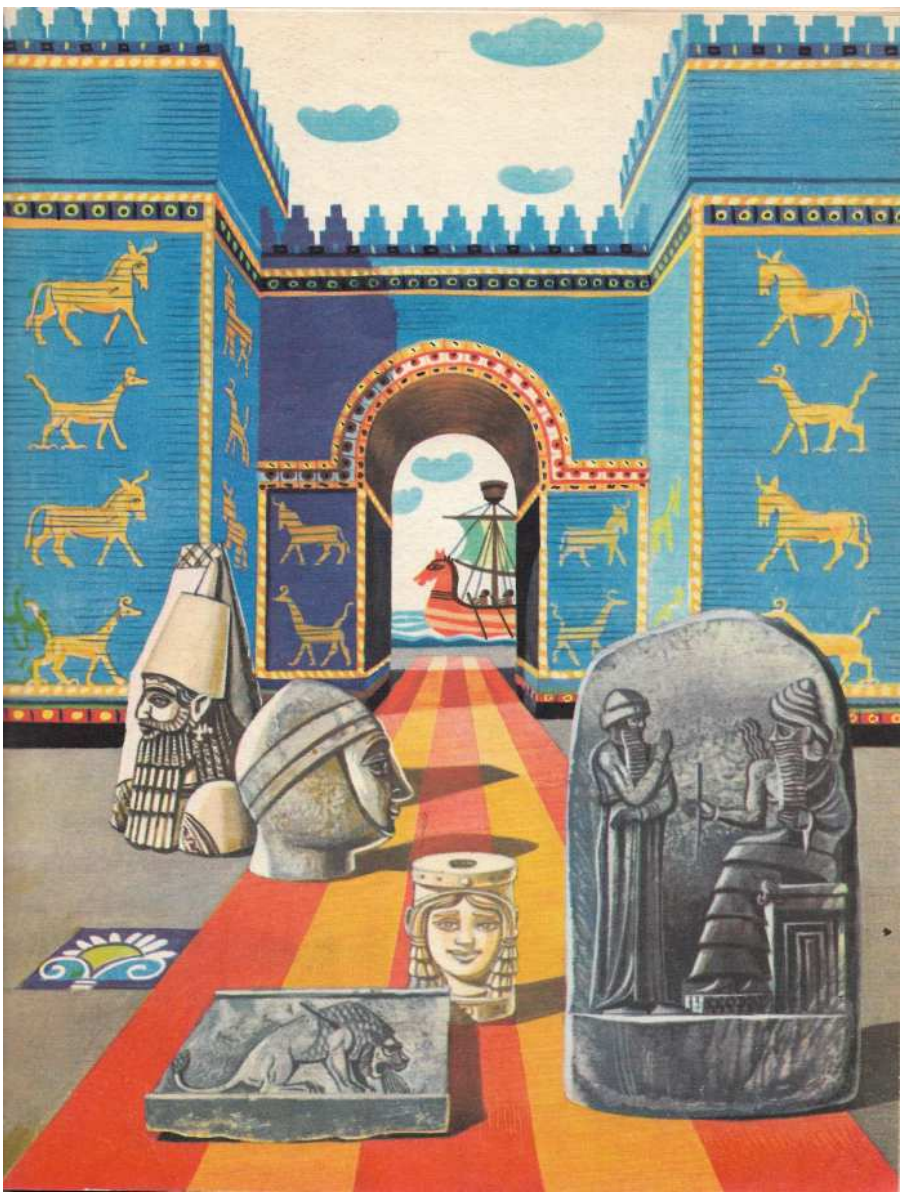
проплывали лодки и небольшие корабли с длинными веслами и разноцветными парусами. Сделав несколько шагов, Рыжебородый оглянулся. Убедившись, что поблизости никого нет, он извлек из-под складок туники коричневый лоскут и на ходу забросил его в чей-то сад.

— Гений! — с искренним восхищением сказал Каген. — Даже я не заметил, когда он вытащил из носилок это тряпье!

— Когда целовал руку, — сказала Нкале. — Я заметила…

— Куда мы идем? — спросил мальчик.

— На пристань. К купцу Менахему.



— Тебя и вправду зовут Анхиал?

— Да. А тебя?

— Орест. Сын Диомеда, — без запинки сказал Кузнечик.

— Верно!.. Но, может быть, ты случайно знаешь имя того несчастного, который сбежал от воина Гишкугарни? Мне кажется, он был из страны Элам. Может быть, ты слышал имя его отца?

— Я слышал… Мальчика звали Лесина, сын Иманиша. Его отец был врачом и учителем медицины. Его убили воины Хаммурапи. — Губы мальчика задрожали, но он сдержался. — И мать…

Анхиал дотронулся до его плеча.

— Я заменю тебе отца, который… утонул в море, — сказал он. — Ты мне нужен… Сейчас я познакомлю тебя с Менахемом и возьму у него золото, чтобы купить дорогой подарок госпоже Апхатум. Затем мы пойдем в баню.

— Зачем ты хочешь купить ей дорогой подарок?

— Чтобы ее интерес ко мне стал любовью. Я хочу, чтобы ты поселился во дворце ее мужа Магиру и…

— Ты вор? Я должен помочь обокрасть дворец?

— Если бы я хотел обокрасть дворец, я нашел бы себе других помощников. Но я не вор. Я хочу, чтобы ты подружился с сыновьями Магиру и вместе с ними посещал школу. Ты должен обещать мне, что будешь хорошо учиться, участвовать в спортивных играх и заниматься военным делом. Ты должен овладевать знаниями лучше их всех, но так, чтобы они этого не чувствовали и не испытывали к тебе зависти… Обещаешь?

— Да… Ты покинешь меня?

— Через несколько дней. Караван Менахема отправляется в далекую Индию. Я пойду с ним… Но если однажды к тебе придет человек, и покажет кузнечика, у которого не будет одной левой ноги, знай, что он пришел от меня, и говори с ним так, как говорил бы со мною…

Ясно — этот человек был разведчиком! Но чьим? Критским? Египетским? Финикийским?

Мы так увлеклись, что совершенно забыли и о жажде, и о голоде, и даже о самой эмвешке… И вдруг сумасбродная машина, будто специально дожидавшаяся момента, когда мы могли, наконец, спокойно выдвинуть усики шлемов и узнать все до последней точки, решила снова ринуться в странствие…

— Черт бы тебя подрал! — яростно крикнул в темноте… Кто бы вы думали? Каген? Ни чуть не бывало! Это крикнул сам Александр Петрович, вот кто!.. — Что это за Система, которая не дает нормально работать? — негодовал он. — Что у нас научная

экспедиция или дурацкий детективный фильм?..

— Я очень хочу пить, — негромко сказала Нкале.

Научная тетрадь № 5

43. СЕМЬ ЧУДЕС СВЕТА. Первые календари древних народов были основаны на лунных фазах. А в каждой фазе — 7 суток. Поэтому число 7 считалось тогда совершенным, священным и колдовским. Семерка была «полным комплектом» — кассетой, в которую старались вместить все, что поражало воображение и поддавалось счету. К числу таких «кассет» принадлежало и выражение «Семь чудес света», которое возникло в III веке до нашей эры.

Первое чудо было египетским — пирамиды.

Второе — вавилонским. Это — висячие сады Семирамиды.

Все остальные чудеса — с третьего по седьмое — были древнегреческими. Это — храм Артемиды в городе Эфесе и мавзолей царя Мавсола в городе Геликарнасе — оба на побережье Малой Азии, статуя Зевса в Олимпии — на Пелопонесском полуострове, колоссальное изваяние Гелиоса — бога Солнца — на острове Родосе и гигантский Александрийский маяк на острове Фаросе в Средиземном море…

Все, что не помещалось в эту семерку, но было достойно занять в ней место, называли «Восьмым чудом света». Список этих «восьмых чудес» — удивительных архитектурных сооружений и произведений искусства, увеличивался из века в век. Он пополняется и при нас…

Пирамиды были не в одном Египте. Они были и в Междуречье. Только совсем другие.

Египетские пирамиды — усыпальницы фараонов. А зиккураты Вавилонии служили подножием храма. Словно семь гигантских ступеней, уходящих в небо, вздымались ввысь семь четырехугольных, поставленных друг на друга, башен вавилонского зиккурата. На вершине седьмой башни находился храм бога Мардука. Внутри стоял золотой стол и возле него — роскошное мягкое ложе. Больше там ничего не было. Считалось, что бог Мардук является в храм только на ночь…

Семь башен зиккурата обозначали семь известных в то время небесных тел. Башня Солнца имела золотистый цвет, башня Луны — серебряный, башня Сатурна — черный, Юпитера — кирпично-коричневый, Марса — кроваво-красный, Венеры — желтый, Меркурия — синий… С башни на башню вела сужающаяся кверху дорога, спиралью охватывающая все четыре стороны зиккурата. По этой дороге поднимались к храму жрецы, чтобы наблюдать за ночным небом и вычислять движение звезд.

Вавилонские жрецы были очень учеными. Знания они держали в тайне и на этом основывали свою власть над людьми. Все их действия были похожи на сверхъестественное колдовство. Простым людям казалось, что даже затмения Солнца и Луны происходят по воле этих жрецов…

А еще эти жрецы были очень деловыми — в храмах совершались разные торговые сделки, хранились и выдавались в долг деньги, заключались договоры. При храмах были школы для детей жрецов и знати, были большие библиотеки глиняных «книг» и египетских папирусов…

Особенно прославились вавилонские жрецы — халдеи. Так прославились, что древние греки стали называть халдеем всякого звездочета, астролога, знатока тайных наук и черной магии…

Зиккурат, находившийся в центре Древнего Вавилона, имел высоту 90 метров и был виден со всех сторон. Только наши путешественники так увлеклись сперва базаром, а потом Кривоногим Кузнечиком, что не успели рассказать про зиккурат. Зато он есть на картинке…

На следующих страницах две таблицы:

1) что напридумывали люди, жившие в IV, III и II тысячелетиях до н. э., и

2) что они придумали в наше время.

ЗАДАНИЕ: в перечне, охватывающем 3000 лет до н. э., подчеркните красным карандашом все средства информации, транспорта и связи. Для сравнения сделайте то же самое в списке главнейших достижений за последние полтораста лет.

ЧТО МОГЛИ ЛЮДИ, ЖИВШИЕ В IV, III и II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э. В ДОЛИНАХ НИЛА, МЕЖДУРЕЧЬЯ И ДАЛЬШЕ…

Их одежда была соткана из льна и шерсти на специальных станках.

Их глиняная посуда изготовлялась на гончарном круге. Они вырубали в горах огромные прямоугольные блоки из камня и умели обжигать кирпич.

Они строили крепости и города, пирамиды и башни. Прорывали оросительные каналы для поливки своих полей водой из рек и искусственных водохранилищ.

Ели лепешки из ячменя и пшеницы, выжимали масло из косточек и семян растений.

Варили пиво, делали из винограда вино. Перевозили грузы на быках и ослах. Носили золотые и серебряные украшения.

Владели холодной обработкой самородной меди.

Купцы-путешественники сообщали: финикийцы изобрели

парус; в Индии изобрели колесо.

Письменность у египтян — иероглифы, у шумеров — клинопись.

Египетские астрономы рассчитывают солнечный календарь.

Изобретен горн с воздуходувными мехами, позволяющий плавить медь. Медь выплавляется из руды. Попутно — свинец и олово. Сплав меди и олова — бронза. Она крепче меди. Из бронзы — орудия труда и оружие (Египет и Междуречье).

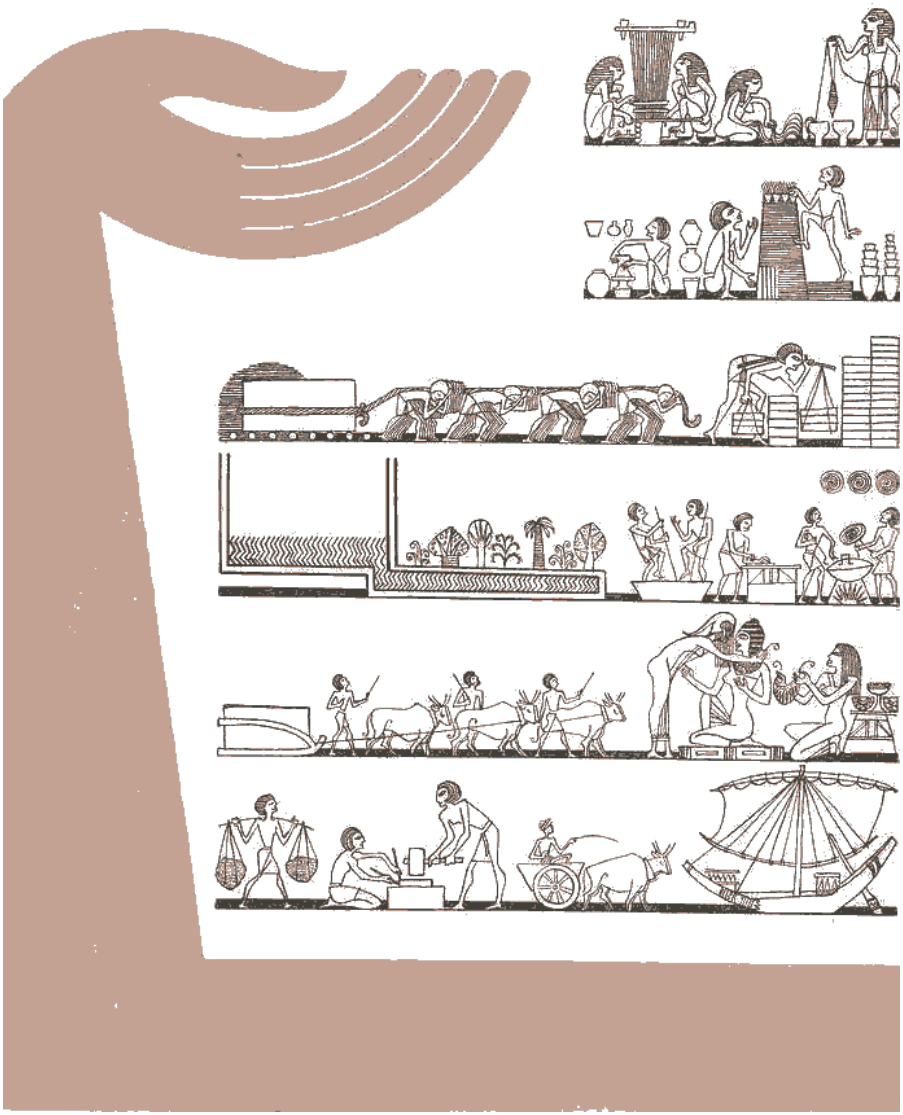
Изобретены: журавль для подъема воды (Египет); Солнечные часы (Египет, Междуречье, Индия, Китай).

Изготовление стекла (Крит, Финикия, Египет).

Грузоподъемные механизмы с блоком (Египет). Выплавка железа из руд (Закавказье, Китай, Египет). Использование коня для верховой езды и в упряжке. Создание боевых колесниц (Передняя Азия — хетты).

Одомашнивание верблюдов (Передняя Азия — сирийцы). Алфавитное письмо (Финикийцы).

ЧТО МОГЛИ ЛЮДИ, ЖИВШИЕ В IV, III и II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э. В ДОЛИНАХ НИЛА, МЕЖДУРЕЧЬЯ И ДАЛЬШЕ...



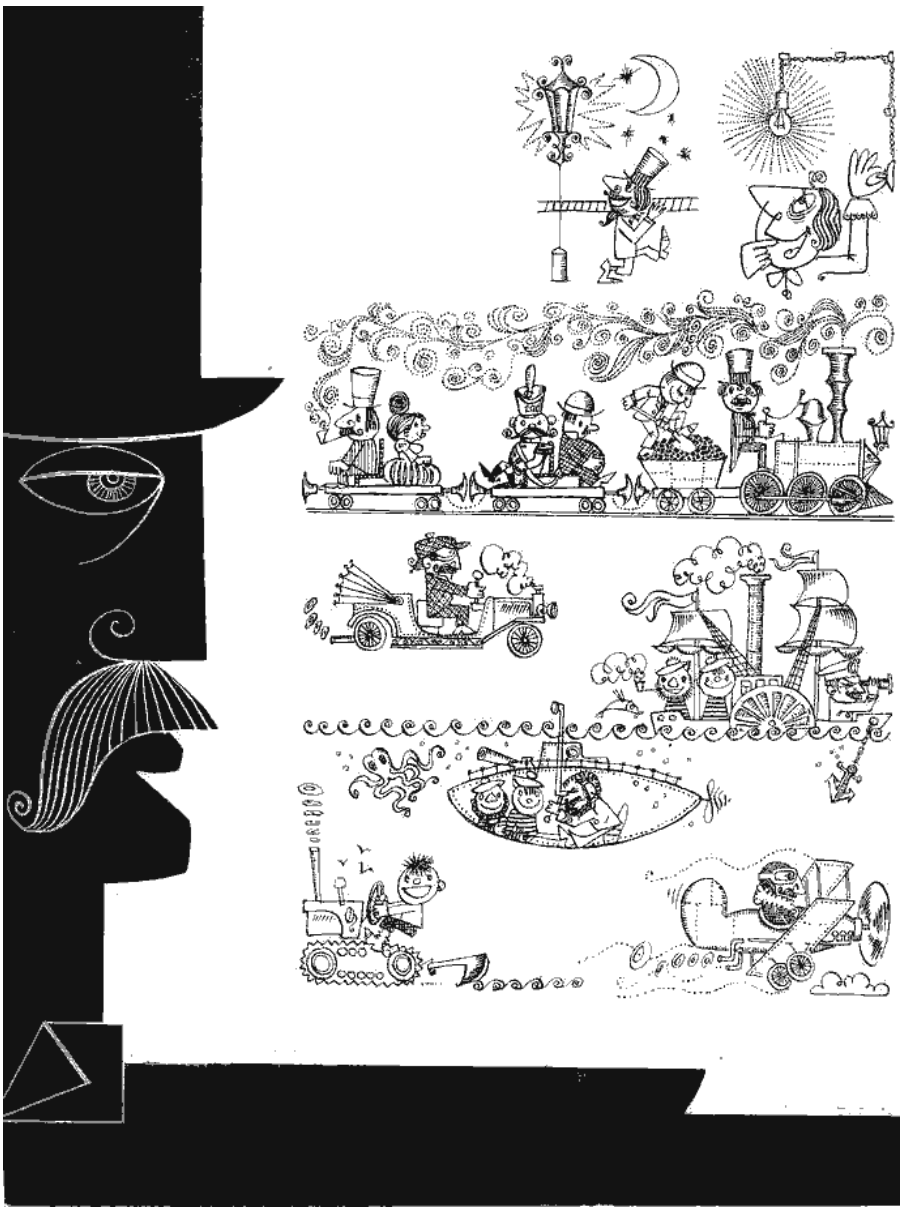
В XIX–XX ВВ. Н. Э.

Паровая турбина. Двигатель внутреннего сгорания. Динамомашина. Двигатель Дизеля. Реактивный двигатель. Атомный реактор. Быстропечатающие машины. Добыча нефти и газа. Газовый и электрический свет. Нагревательные приборы. Пароход. Паровоз. Автомобиль. Подводная лодка. Машины на

гусеничном ходу. Машины на электротяге. Аэроплан.

Атомоход. Космическая ракета. Алюминий. Редкие металлы. Пластмассы. Электрометаллургия. Телеграф. Фотография. Телефон. Фонограф. Фототелеграф. Радио. Кино. Телевидение. Магнитофон. Видеофон. Радар. Рентгеновские лучи.

Рубиновый луч — лазер. Железобетон. Взрывная промышленность. Быстродействующие счетно-вычислительные машины. Кибернетика. Управление на расстоянии.



44. ДЕНЬГИ. Смоделируем ситуацию. Накинем веревку на шею Генке, скажем, что он наш раб, и поведем на базар, чтобы сменять его, допустим, на жемчужное ожерелье для Ленки… Привели. Выбрали ожерелье у ювелира. Предлагаем Генку. А ювелир говорит: «Нет, раба мне не надо. Давайте лошадь»… Пошли с Геннадием к скотоводам. Подыскали коня. А хозяин отказывается. Ему тоже не нужен раб, ему подавай ковер!.. А

ковровщику хлеб… А хлеборобу ткани… А ткачу… В общем — вот ожерелье! Потратили целый день, меняя одно на другое, пока доставили ювелиру лошадь… А все потому, что на нашем базаре еще не существовало такого товара, за который сразу, без всяких промежуточных обменов, нам бы отдали то, за чем мы пришли. Короче говоря, не было товара, который годится всем, меняется на что угодно и называется — ДЕНЬГИ.

Чтобы нащупать этот товар, Чарли многое перепробовал. И живых овец, и бычьи кожи, и зерно, и меха… Все — не то!..

Тогда Чарли понял: товар, который способен исполнять роль денег, должен обладать совершенно особыми свойствами. Ценность этого товара должна быть не временной, а постоянной. Он не должен просить пить и есть, не должен дохнуть. Не должен портиться от хранения и перехода из рук в руки. Должен быть таким редким, чтобы малое его количество имело большую ценность. Чтобы его можно было носить с собой. Чтобы он легко делился на самые мелкие части и при этом не обесценивался. Ведь человек чаще всего покупает не дом или корабль, а буханку хлеба, пару сандалий, кувшин… Но попробуйте-ка, например, взять дорогую шкурку соболя или горностая и разделить ее на кусочки. Что получится? Ерунда, ничего не стоящие ошметки!..

Первыми настоящими деньгами, которые придумал Чарли, ученые считают очень красивые морские раковины — каури. Их часто находят при раскопках древних городов и селений. Каури просверливались и нанизывались на веревочку, как бусы. Но уж очень мало они стоили — за одного быка нужно было отсчитать 200 000 ракушек! А потому их сменил металл. Вот это уже было то, что надо! Медь, серебро и золото превратились в деньги. Только поначалу никаких монет не чеканили, а просто брали зубило, отрубали от бруска нужный кусок и взвешивали на весах. Каждый раз заново… Так обходились и в третьем и во втором тысячелетиях до нашей эры…

И все же и золото, и серебро, не говоря уж о меди, имели один существенный недостаток — тяжелый вес. Богатым купцам, которые торговали с дальними странами, было опасно и неудобно возить этот ценный груз с собой. Как ни прячь — грабители караванов его все равно отыщут. Или если кораблекрушение, например… И потому Чарли-купец и Чарли-банкир вдвоем придумали выход. Металлические деньги сдавались в банк, а взамен выдавалась расписка. По этому клочку пергамента купец мог немедленно получить золото и серебро в любом другом банке. Все банкиры были связаны между собой. Так постепенно эти расписки превратились в бумажные деньги, на которых написано, какому количеству спрятанного в банке золота и серебра они равны.

Деньгами оплачиваются не только продукты и вещи. Ими оплачиваются любые услуги, любой труд человека. Потому что в конечном счете только труд и имеет ценность.

45. Если бы меня, Витьку Бубликова, спросили: «Что такое

СВОБОДА?», я бы сказал: «Это справедливость для всех. Чтобы никому не обидно!»

Я так и сказал, когда Александр Петрович спросил.

А Ленка: «Это когда можно делать, что захочется!»

А Генка: «Это чтобы вам не капали на мозги и не принуждали. Чтобы я мог самостоятельно принимать решения и совершать поступки, когда возникают трудности, которые надо преодолеть!»

— А если тебе нужна будет помощь? Или ты ошибешься и начнешь действовать неправильно? — ехидно спросил А. П. — Кто-то ведь должен будет тебе помочь, подсказать правильное решение?

— Да… Но так, чтобы я понял и согласился.

— Прекрасно! — сказал Ленкин дед. — Вот мы и пришли к тому определению, которое дают Маркс и Ленин: СВОБОДА — ЭТО ОСОЗНАННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ!.. Нельзя представить себе такое положение, когда человек не зависел бы от законов природы и окружающих его людей. Даже египетский фараон зависел от тех, кто поддерживал его власть!

— А как же справедливость? — напомнил я.

— Пока существуют враждебные друг другу классы, никакой одинаковой справедливости для всех людей нет! — ответил А. П. — «Сытый голодного не разумеет», «Музыку заказывает тот, кто за нее платит». Для богача справедливо одно, для бедняка — другое… И, все-таки, если человек не выродок, он всегда будет стремиться к справедливости. Он любит детей, нуждается в общении с другими людьми, готов помогать тем, кто попал в беду… Совсем как наш Чарли. Вся загвоздка в том, что общество, в котором ему приходится жить, разделено на классы и основано на неравенстве. А неравенство развивает вероломство, зависть, жестокость, властолюбие, равнодушие, жадность… Появляется подхалимство, лицемерие, ненависть, эгоизм…

— фу, — сказала Ленка, — это уже не Чарли!

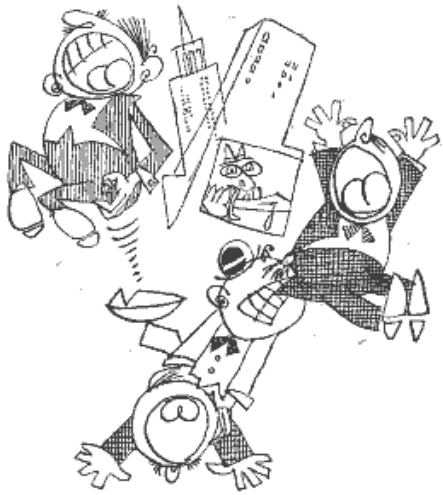
— Нет, Чарли! Но только живущий в классовом обществе и вынужденный пускать в ход все эти средства, чтобы отстоять себя. В капиталистическом обществе, в котором действует закон: «ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ВОЛК», он может добиться своего личного благополучия лишь в ущерб другим людям. Изменить это должен КОММУНИЗМ. Такое общество, в котором нет разделения на классы.

— И тогда каждый сможет делать все, что захочет? — спросила Ленка.

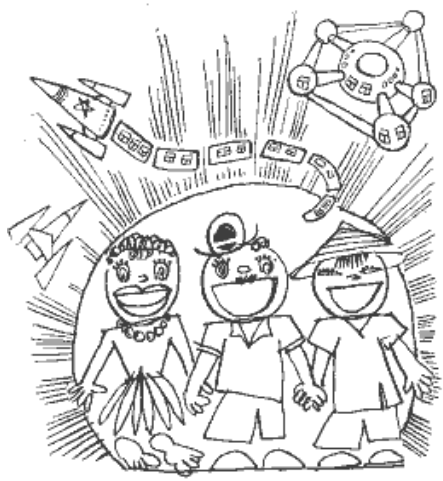
— Несомненно!.. Потому что ни один человек не захочет причинить вред другому. Не будет необходимости! Не останется

места беззаконию, страху, стяжательству, произволу, холуйству… У людей будет один закон: «ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ДРУГ, ТОВАРИЩ и БРАТ». Только тогда люди и почувствуют себя по-настоящему свободными.

„Человек человеку – волк"



Чарли сделал вывод:
два общества – две морали.



„Человек человеку – друг,
товарищ и брат"

46. ОБЗОР СОБЫТИЙ (написано А. П.). Вообразите огромный котел, в котором кипит какое-то варево. Этот котел — Междуречье во втором и первом тысячелетиях до нашей эры. Повариха — сама История. А варево — судьбы народов. Их слава и их бесславие, величие и упадок, поражения и победы…

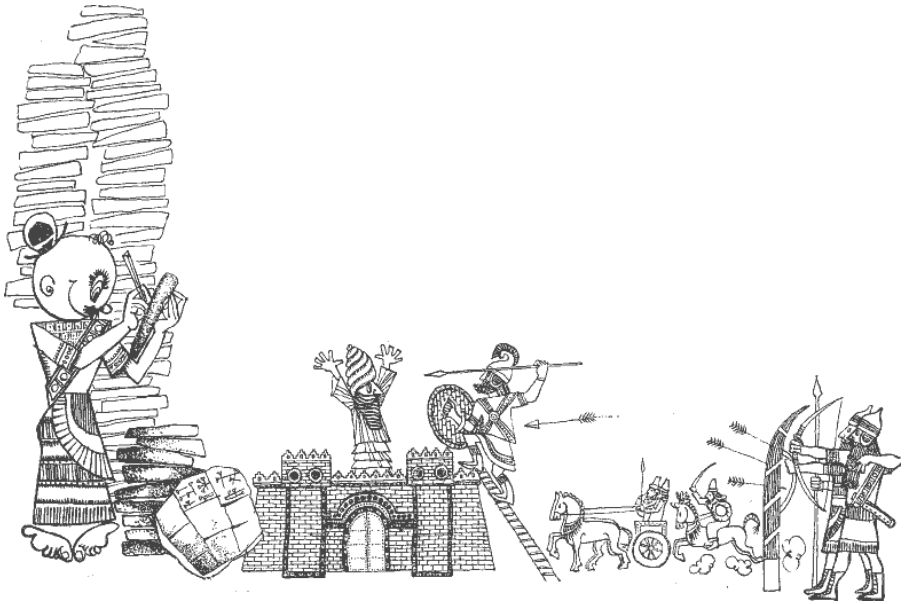
Древний Вавилон был завоеван касситами. Их вышибли ассирийцы. Но сами еще не вполне окрепли и долго удерживать Вавилонию не могли. Поэтому она их сбросила. Ее тут же захватил Элам. А у Элама вновь вырвала Ассирия.

Бурлит котел Междуречья… С Аравийского полуострова появляются амарейские и халдейские племена. Конечно, никто их не приглашал. Это — битвы… Халдеи оседают в Вавилонии. Амареи теснят ассирийцев и, где удается, создают свои небольшие царства. Одновременно в тех местах, где теперь Турция и Армения, возникает новое государство — Урарту. Оно наседает на Ассирию с севера…

Так кончается второе и наступает первое тысячелетие. Подробности опускаем. Переходим прямо к восьмому веку до нашей эры.

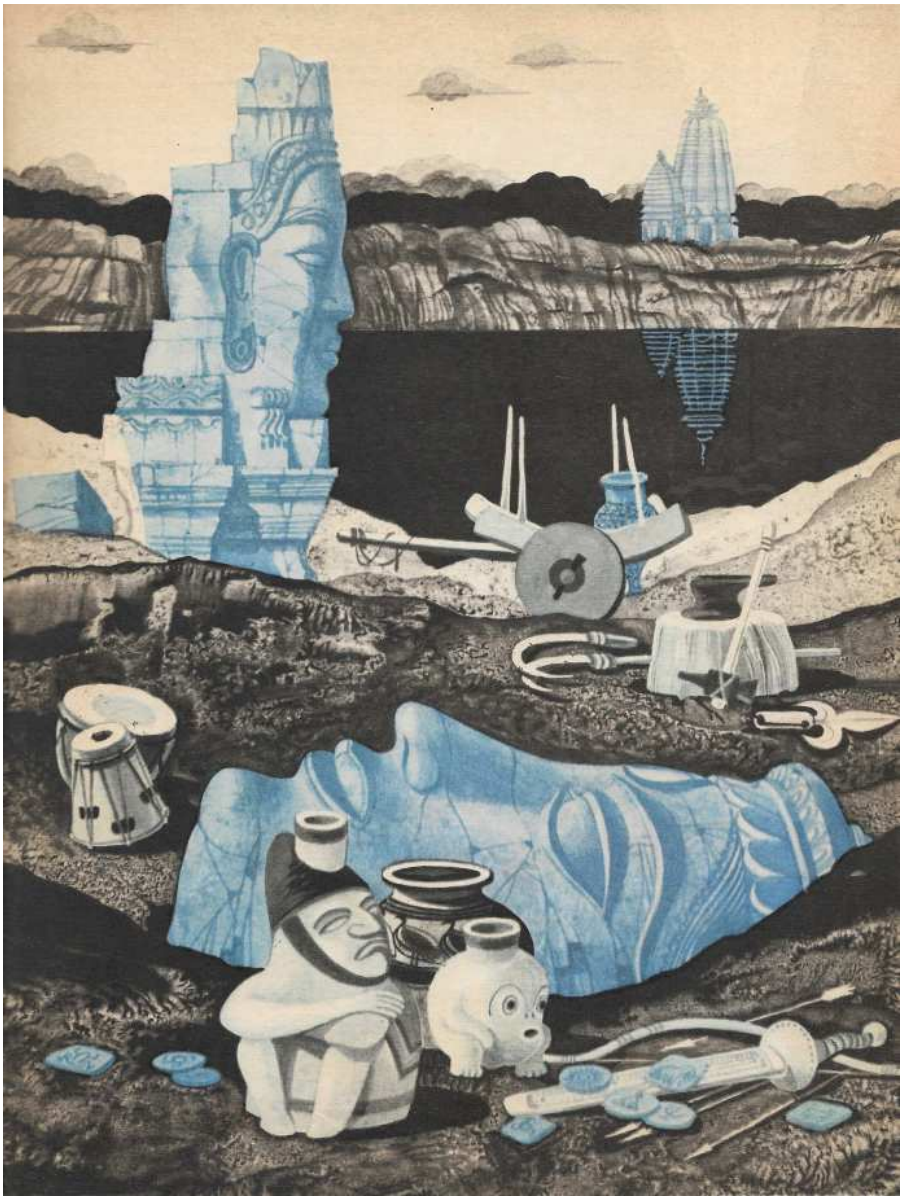
…Амареи и Урарту разбиты. Ассирия одолела их. Она — сила! Ее царь — Саргон II возглавляет огромное военное рабовладельческое государство. У него небывалая по тому времени армия — молниеносная конница, грозные боевые колесницы, хорошо обученная, закаленная в битвах пехота. У него наемные войска и саперные части. Мощная штурмовая техника — осадные машины, камнеметы, тараны. Длинные раздвижные лестницы… Наплавные мосты на надутых воздухом бурдюках… Специальные отряды рабов для прокладки дорог и строительства укреплений… Но самое главное — отличное взаимодействие всех родов войск. Вот чего никогда прежде не было! Одно за одним подчиняет себе Ассирия другие царства…

А в ее столице Ниневии днем и ночью трудятся сотни писцов. Среди них и наш Чарли! Склонившись над сырыми глиняными табличками, они записывают историю своего времени — хронику боев и походов, самовосхваления царей, повеления и законы, деловые документы, научные сведения, предания и легенды…

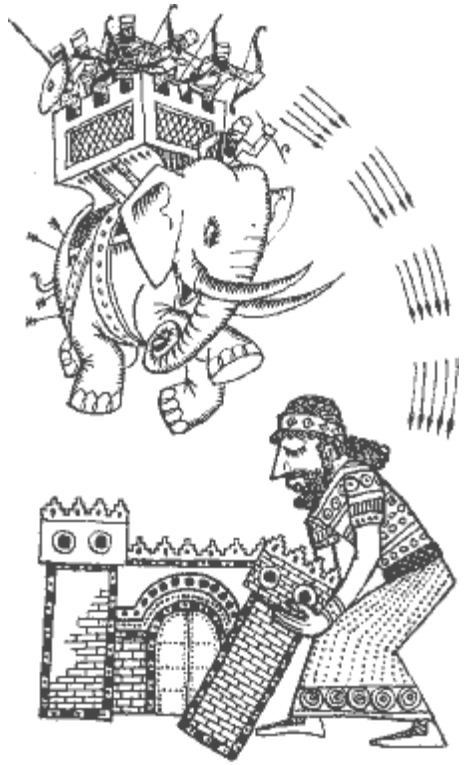


Пиши, Чарли, пиши!.. Через 300 лет ученые найдут эти глиняные таблички под развалинами Ниневии, расшифруют твою клинопись и прочтут про твою эпоху! Прочтут и о Вавилонии, которая стала одной из провинций огромного Ассирийского царства. Прочтут, что Вавилония все время бунтует. Что ее поддерживают халдеи и эламитяне. Что это очень опасно для Ассирии. Прочтут и о том, как ассирийский царь Синахериб решил уничтожить Вавилон совсем. А было это в 689 году до нашей эры.

Взяв Вавилон и перебив в нем тысячи жителей, Синахериб приказал грабить и жечь город, развалить его храмы, стены и башни, засыпать главный канал, который соединял Евфрат с Тигром и имел 60 километров длины… Расправа была завершена разрушением дамб, чтобы затопить и превратить в зловонное болото самое место, где стоял Вавилон!



Запиши, Чарли, и то, что сын Синахериба — Ассархаддон, желая обелить память своего злодея-отца, пустил версию, будто тот лишь выполнял волю главного божества вавилонян — Мардука, проклявшего город. И запиши еще, как по приказанию Ассархаддона тысячи рабов и военнопленных восстанавливали Вавилон из развалин… Но в это время Ассирия уже выдыхалась…



К востоку от нее поднималось новое государство — Мидия, созданное одним из иранских племен. В конце VII века до нашей эры мидийский царь Киаксар заключает военный союз с халдейским царем Набопаласаром, успевшим уже овладеть Вавилонией, и при его помощи расправляется с Ассирией. В 605-ом году до нашей эры они берут Ниневию и разрушают ее…

Под властью халдейских царей Вавилон достиг наивысшего своего расцвета. Но просуществовало это Нововавилонское царство совсем мало — менее 90 лет. В 538 году до нашей эры его завоевали персы. Но для них Вавилон был почти мелочью — так, попутной добычей. Происходили персы, как и мидийцы, из тех

мест, где теперь Иран…

47. ВИСЯЧИЕ САДЫ ВАВИЛОНА. Халдейский царь Навуходоносор был грозным и могущественным владыкой. Сирия и Финикия подчинялись ему. Завоевав Иудейское царство, которое находилось на севере Аравийского полуострова, Навуходоносор пригнал в Вавилон десятки тысяч еврейских военнопленных, чтобы они строили и украшали его столицу.

Но не со всеми Навуходоносор был жесток и грозен. Безумно влюбленный в мидийскую царевну, которая стала его женой, он ничего не жалел, чтобы ей нравилось в Вавилоне. Никогда прежде этот древний город не имел таких неприступных, увенчанных прекрасными башнями крепостных стен, таких великолепных дворцов и храмов, которые были сооружены в нем в VI веке до нашей эры по велению Навуходоносора. В царском дворце собирались прославленные ученые и философы, купцы-путешественники из разных стран, художники и поэты, певцы, танцовщицы, музыканты… Жрецы совершали торжественные богослужения… Самые искусные ювелиры создавали из золота и драгоценных камней украшения для царевны…

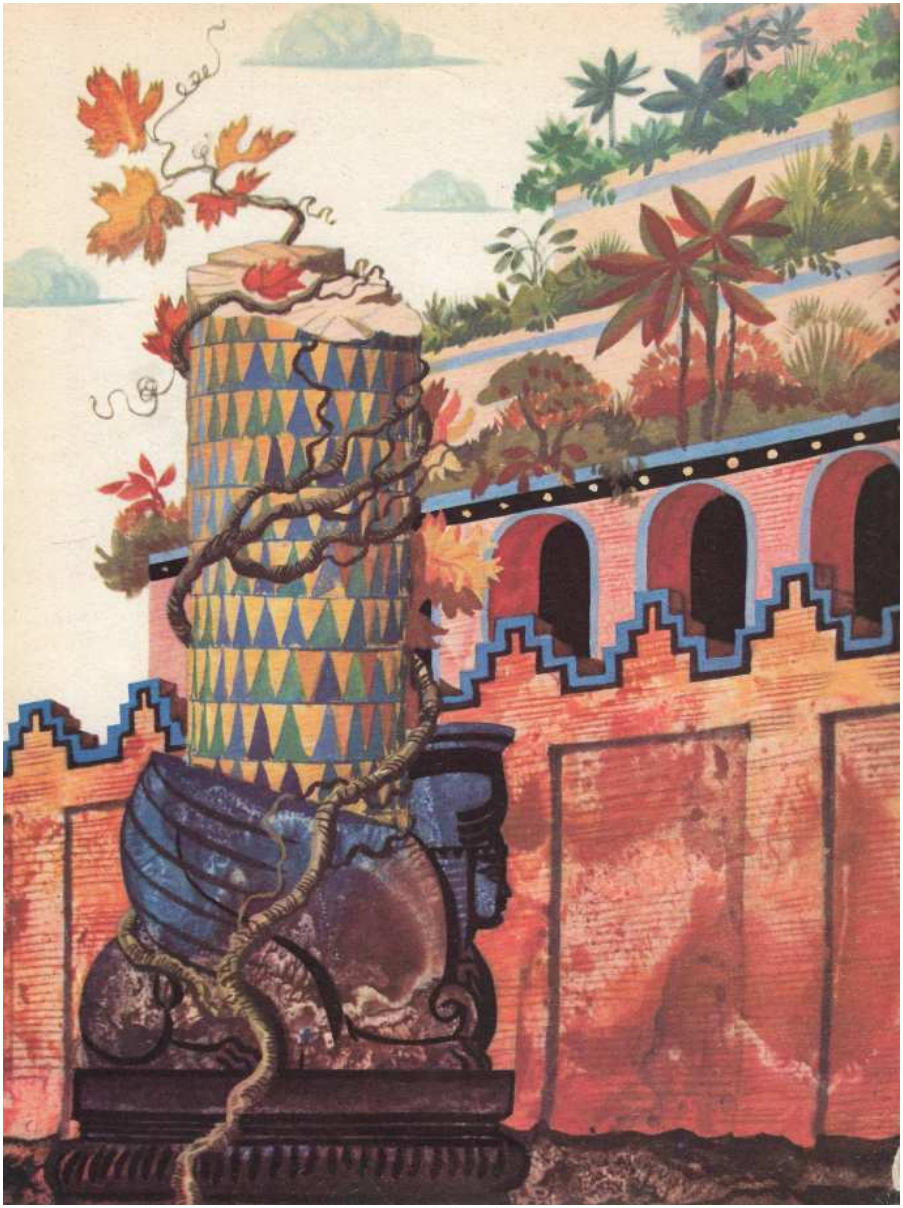
Только одного не хватало в этом прекрасном равнинном городе — в нем почти не было зелени. А мидийская царевна, выросшая в гористой стране, любила цветы и деревья. И потому, чтобы доставить радость царевне, Навуходоносор решил соорудить рядом с дворцом настоящий лесной храм. Такого никто еще никогда не видел… Четыре яруса гигантских каменных колонн вздымались один над другим, держа на своих сводах огромные террасы с настланной на них землей. Колонны были так высоки, что верхние террасы не затемняли нижних, там свободно могли расти самые большие привезенные из Мидии деревья. А воду подавали рабы, которые днем и ночью вращали огромные, установленные на берегу Евфрата, водоподъемные колеса с кожаными ведрами — черпаками.

Этот удивительный, уходящий в высоту сквозной сад, производил такое потрясающее впечатление, что люди из дальних стран специально ездили в Вавилон посмотреть на чудо…

Халдеев разбили персы. Персов разбил Александр Македонский. Все дальше и дальше в стороне от главных дорог оказывался Вавилон, и постепенно слава его миновала. И знаменитые висячие сады — второе чудо света — погибли, когда за ними перестали ухаживать. В конце первого тысячелетия до нашей эры они обвалились — наводнение подмыло фундамент, на котором стояли колонны…

А Семирамида была ассирийской принцессой и никакого

отношения к вавилонской царице и ее садам не имеет, хотя их и называют иногда «садами Семирамиды». Тут какая-то путаница…



ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой упоминаются персы, а затем описываются долины Инда и Ганга и приводятся некоторые образцы удивительных обычаев и верований древних индийцев, но ни слова не говорится о йогах и заклинателях змей…

Не стану распространяться — худо нам было. Попробуйте не пить, не есть пару дней — сами поймете. Сухость во рту, вялость мускулов, перед глазами — калейдоскоп. Но сознание продолжало работать.

— Ладно, — сказал я, — не будем об этом. Что за страна Элам, из которой мальчик?

— Одно из древних пограничных с Вавилонией государств, — сонным голосом, как справочник, ответил Александр Петрович. — Ее юго-восточный сосед…

— И все?

— В третьем тысячелетии до нашей эры эламитяне завоевали южную часть Двуречья. Около середины второго их изгнал Хаммурапи. Перед началом первого они попытались отвоевать потерянное, но без особенного успеха. В седьмом веке до нашей эры их наголову разбил ассирийский царь Ашшурбанипал… А еще сто лет спустя Элам стал частью гигантского Персидского царства, которое простиралось от Памирских гор до верхних порогов Нила и от северных берегов Черного моря до Индийского океана… Это царство поглотило Среднеазиатские государства: Ассирию, Египет, часть Индии и… много еще! Персидские цари — Кир… Камбис… Дарий… Хррр… Хррр…

— Что — Хррр? — не понял Каген. — Хррр первый и Хррр второй?

— Чушь, — сказал я. — Хррр — это он спит.

— Кто, я? — спохватился Александр Петрович. — Нет, я не сплю… Кир, когда завоевывал Малую Азию, убил Лидийского царя — знаменитого Креза… Лидийское царство образовалось в конце второго тысячелетия до нашей эры, там, где до того было государство хеттов… О несметных богатствах Креза говорили во всем мире. И теперь, когда хотят сказать, что человек несусветно богат, говорят — Крез! Вот Кир и завладел этим богатством… А Камбис — сын Кира убил последнего египетского фараона — Псаметиха третьего… Между прочим, отправляясь в Египет, Камбис подослал убийцу к своему младшему брату, чтобы тот не

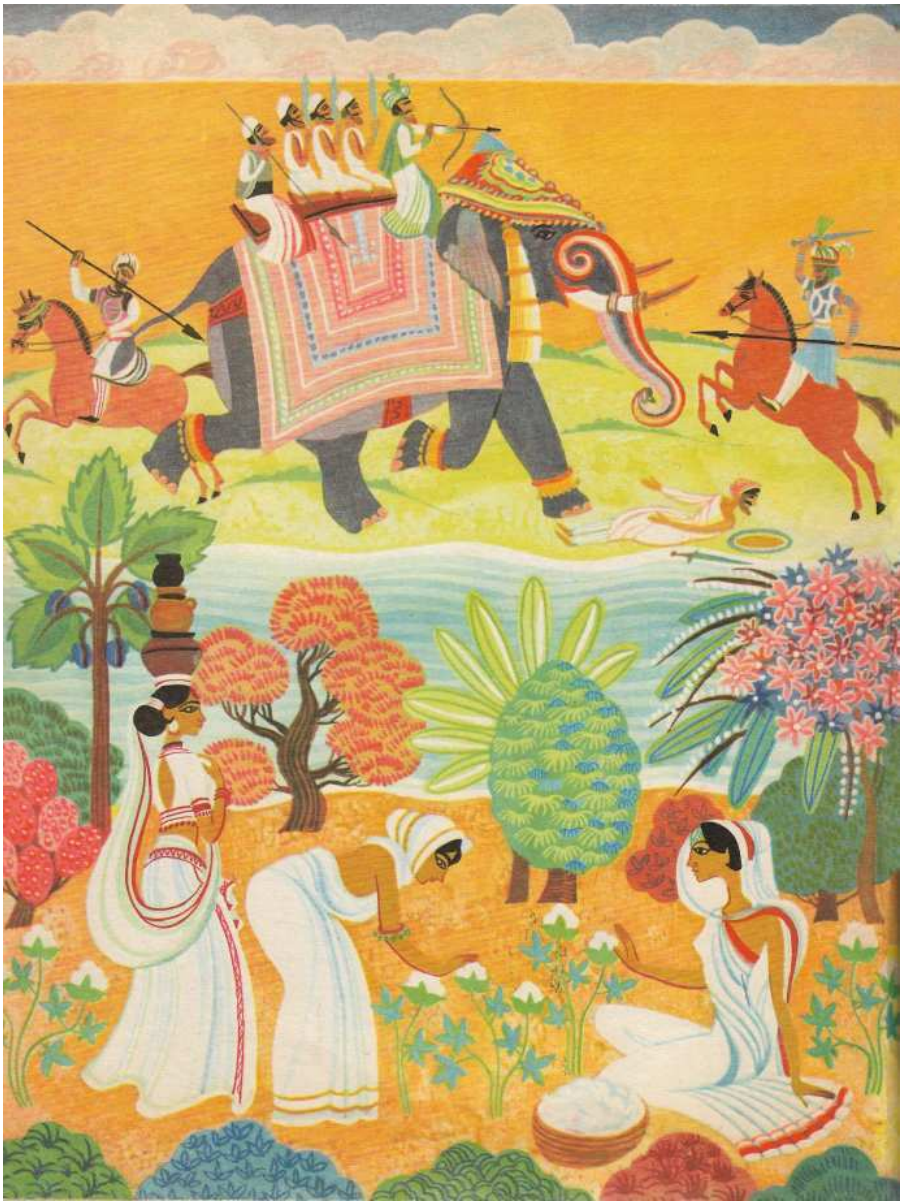
овладел троном во время его отсутствия. Это, однако, не помогло. Тут же нашелся самозванец из числа магов-жрецов, который объявил себя царевичем. Камбис, когда узнал, заторопился обратно, но по дороге умер. А самозванца убил Дарий и завладел престолом… Со своими противниками Дарий расправлялся так: отсекал нос и уши, вырывал язык, выкалывал глаза и в таком виде выставлял напоказ перед дворцом… А через несколько дней несчастного сажали на кол… Власть Дария в завоеванных странах поддерживали его наместники — сатрапы. Они грабили подчиненные им народы и расправлялись со своими врагами по примеру Дария. Не удивительно, что все это царствование прошло в непрерывном усмирении разных восстаний… В своих завоевательных походах Дарий добрался даже до скифов — полудиких кочевников, обитавших в Причерноморских степях нашей страны, там, где сейчас Украина… Ну, скифы ему устроили встречу — он едва унес ноги!.. Все это было в конце шестого — начале пятого веков до нашей эры…

На этом усилие, которое Александр Петрович сделал над собой, иссякло, и он снова заснул.

— А может, теперь эмвешка все-таки отвезет нас домой? — нерешительно сказала Нкале.

— Протри глаза…

Мы стояли на краю хлопкового поля. Странное зрелище!.. На поле как ни в чем не бывало трудились люди. Не поднимая глаз от кустов хлопчатника, они обирали с ветвей пушистые белые хлопья, наполняя ими свои корзины. Их темные, почти черные руки двигались с удивительной быстротой… А на противоположном берегу широкой мутной реки кипела кровопролитная битва. В облаках клубящейся пыли сшибались вооруженные копьями и мечами всадники, взлетали тучи стрел, сцеплялись колесами налетающие друг на друга колесницы. Огромные боевые слоны с десантниками на спинах, задрав хоботы и выставив вперед окованные бронзой окровавленные клыки, словно живые танки, врывались в ряды дерущихся, производя чудовищные опустошения. Крики и стоны людей, лязг оружия, конский храп, рев и топот слонов…



Но работавшим в поле людям до всего этого не было никакого дела. И только три человека: седой старик с выкрашенной в красный цвет бородой и двое детей, мальчик и девочка, — все трое в чистых белых одеждах, сидя на берегу под пальмой, спокойно наблюдали битву.

Мы разбудили Александра Петровича. Первым делом он посмотрел на таймер, затем окинул взглядом разделенную рекой картину войны и мира.

— Конец второго тысячелетия до нашей эры, — сказал он. —

Индия. Долина Инда… Только у индийских властителей — раджей — есть сейчас боевые слоны, только индийские земледельцы умеют пока выращивать хлопок… Только у индийцев существует закон, по которому крестьяне не смеют брать в руки оружие и не имеют никакого отношения к военным делам, а раджи, когда дерутся между собой, не имеют права топтать обработанную землю и опустошать возделанные поля… Мудрый закон, я бы сказал!

Мы подошли к старику и детям. У них шел урок.

— Когда великий бог-созидатель Брахма создал Вселенную, — говорил старик, — он решил сотворить людей, чтобы они охраняли Землю и способствовали ее процветанию. Из своих алых уст он создал жрецов — брахманов, которым поручил изучение священных книг, предсказание важнейших событий и принесение жертв за себя и за других людей. И так как он создал брахманов из лучшей части своего тела, он доверил им говорить от своего имени. И что понравится брахманам, надо им отдавать не жалея… Повтори!

Старик отдал приказание только мальчику. Мальчик повторил слово в слово. Старик продолжал:

— Из своих могучих рук Брахма сотворил воинов, чтобы они служили царю и охраняли его подданных… Из своих бедер он создал крестьян, ремесленников ростовщиков и торговцев… Наконец, из своих испачканных пылью и грязью стоп он создал слуг и рабов. Они называются шудры и произведены на свет лишь для того, чтобы обслуживать всех других… Повтори!

Выслушав мальчика, старик поднял палец:

— Из четырех частей своего тела Брахма создал четыре рода людей — четыре касты, каждую для чего-нибудь. И человек не может перейти при жизни из одной касты в другую нигде, никогда и ни при каких условиях. Для чего он предназначен, то и должен выполнять всю жизнь… Страшная кара уготована тому, кто посмеет уклониться от своих обязанностей… Когда он умрет, душа его переселится в тело человека низшей касты или воплотится в какое-нибудь мерзкое животное — в гиену или свинью. Зато душа праведника найдет свое воплощение в теле человека более высокой касты… Повтори!

Мальчик повторил. Девочка слушала, широко раскрыв глаза и беззвучно шевеля губами. Старик погладил ее по голове, похвалил мальчика и сказал:

— Смешав воедино вечные частицы главных божеств с частицами Света, Огня, Солнца, Луны и Воздуха, сотворил Брахма царя, чтобы он охранял порядок этого мира. Если бы царь не наказывал неустанно тех, кто должен быть наказан, мир был бы

потрясен в своих основах и низшие взошли бы на место высших. Как пиявка, пчела и теленок едят свою пищу, так царь должен взимать налог со своих подданных… Когда царь сражается, он не обращается в бегство… Сражаясь с врагом, он не пользуется никаким вероломным оружием — ни ядовитыми стрелами, ни стрелами с зазубренными наконечниками, ни стрелами с наконечниками, раскаленными на огне… Он не убивает того, кто сдается в плен и, если враг упал с колесницы, он не вонзает копье в упавшего. Ни спящего, ни безоружного, ни тяжелораненого, ни больного не убивает царь, а дарует пощаду… Повтори!

Пока мальчик повторял, мы смотрели на битву. Увы!.. Даже с этого берега было видно, как там добивали раненых и потерпевший поражение раджа, словно заяц, улепетывал на своем слоне с поля боя, чтобы укрыться за кирпичными стенами видневшегося вдали города…

Закончив повторение, мальчик указал глазами на противоположный берег.

— Почему ты говоришь одно, а там происходит другое? — спросил он.

— Потому что некоторые раджи плохо учат свои уроки, — грустно ответил старик. — Но это ничего не значит… Настоящий человек всегда должен следовать законам чести и добродетели, а не поступать, как трусливый и злой шакал.

— Я тоже хочу что-нибудь повторить, — попросила девочка. — Скажи и мне.

Старик повернулся к ней, потеребил свою красную бороду и наставительно произнес:

— Женщину, которая совсем не рожает детей, муж может покинуть на восьмой год. Женщину, которая рожает только девочек, можно покинуть через одиннадцать лет. Но со сварливой женой можно развестись немедленно!.. Так записано в священных законах Ману. Повтори.

— Безобразие! — фыркнула Нкале. — Чему он учит ребенка!

Последние слова прозвучали уже в темноте — мы снова неслись куда-то…

— Поняли? — спросил Каген. — Нил — Междуречье — Инд… Далее — везде. Вот на чем она свихнулась, наша эмвешка!..

— Если ты прав, — сказал Александр Петрович, — осталось не так уж много. Долина Ганга и долина Хуанхэ.

— После чего из-под колпака будут извлечены наши высохшие, как мумии, хорошо сохранившиеся тела…

— Я слышал, что некоторым пророкам иногда здорово попадало, — сказал я. — Их побивали камнями.

— За ложные предсказания?

— За лишнюю болтовню!

— Не надо, мальчики, — сказала Нкале. — Пока мы живы, будем вести себя как настоящие исследователи. Как Ливингстон, как Седов или Роберт Скотт!.. Между прочим, вы заметили — во время высадок, когда происходит что-нибудь интересное, жажда мучит гораздо меньше… Заметили?

Догадка Кагена о пяти долинах очень заинтересовала нас. Теперь мы с нетерпением ждали следующей остановки — будет ли это Ганг?..

Во всяком случае, это была речная долина. С первого взгляда можно было увидеть, что осваивать ее приходилось труднее других. Тропические заросли начинались у самой воды и простирались по берегам на всем пространстве, которое мог охватить взор. Чтобы высвободить под посевы даже малую пядь этой земли, ее нужно было отвоевывать у джунглей — вырубать вековые деревья, выжигать кустарник. Буйная тропическая растительность беспрерывно вела ответное наступление на обработанные поля. К тростниковым хижинам небольшой деревни, возле которой мы оказались, вплотную подступали оплетенные лианами дебри…

Таймеры показывали 1226 год до нашей эры. Вечерело… Косые лучи заходящего солнца окрашивали в оранжевый цвет мутно-бурую гладь реки. Возвращающиеся с полей женщины несли на головах большие плоские корзины, наполненные свежими овощами. Мальчишки гнали на водопой могучих буйволов и одногорбых быков — зебу… Мужчины заканчивали работу в джунглях. У этих людей были уже настоящие железные топоры, которыми они рубили деревья. Над каждым деревом одновременно трудились три-четыре человека. Когда дерево было подрублено, к нему подводили работягу-слона, и он валил его, упираясь лбом или наваливаясь плечом на ствол. Другие слоны оттаскивали очищенные от ветвей бревна к реке и сталкивали их в воду, чтобы люди могли сплавлять их вниз по течению… На соседнем участке дымно выгорал кустарник… К берегу причаливали рыбачьи лодки…

— Ганг… Ганг… — закивал Александр Петрович, когда мы разбудили его. — Священная река… Индийцы считают, что она течет по небу, по земле и под землей… — Выдав нам эту скромную информацию, он тут же заснул опять.

— Хорошо землянину! — с завистью сказала Нкале. — Когда он спит, он почти не расходует энергию и не испытывает никаких мук. А мы…

С того места, где мы стояли, мы могли наблюдать за всем происходящим только из отдаления. Конечно, вблизи было бы

интереснее. Но оставить Александра Петровича и пойти в деревню мы не решались — вздумай эмвешка снова пуститься в путь, неизвестно — сумеет ли она собрать нас, если мы разбредемся. А взять спящего с собой мы не могли — не было уже сил поднять его на руки. Вот и приходилось сидеть рядом с ним, издали наблюдая, как в деревне зажигаются костры, женщины готовят ужин, мужчины собираются группами и обсуждают свои дела…

Разговаривать не хотелось… «Странно, — думал я, — почему это, когда человек погибает от жажды и во рту сухо, как будто там поработала промокашка, язык не сморщивается, а распухает!.. Или это только так кажется?.. Вот если бы мы тоже могли заснуть! Нет, для этого мы еще недостаточно ослабели»… И тут у меня постепенно начала зарождаться какая-то мысль, которую я пока не мог сформулировать и оформить. Я только чувствовал, что это очень важная мысль и от нее, возможно, зависит наша судьба… Но сколько я ни напрягал сознание, сообразить ничего не мог…

Всходила луна. В джунглях просыпались ночные птицы и звери. В деревне происходили какие-то сборы…

— А мы с вами — круглые дураки, братцы! — внезапно встрепенулся Каген. — Совершенно забыли о локализаторах. Пора нам в деревню…

— Без Александра Петровича?

— Зачем?.. Одним пальцем я нажму кнопку на своем шлеме, другим — на его. Просто как пылесос! Ну?..

Мы успели как раз вовремя. Под большим деревом посредине площади собралась почти вся деревня. Несколько десятков мужчин и женщин готовились отправиться в далекий путь. Переговариваясь между собой, они ждали только, чтобы к ним присоединились два погонщика на слонах. У многих в руках были горящие факелы, каждый имел узелок или сумку с продуктами… Прислушавшись к разговорам, мы поняли, что они собираются в столицу на праздник. О, это был совершенно необыкновенный, прямо-таки редчайший праздник, поводом для которого послужило вот какое событие…

Более года назад в здешнем царстве скончался мудрейший и величайший старец, некий Бхишма — прославленный полководец, друг и учитель раджи. Его добродетели были так велики, что сама смерть не смела его торопить, а терпеливо дожидалась, пока он сам пожелает отпустить свою душу на небо. Ну, он отпустил и умер. Тогда тело его подняли с ложа из стрел, на котором оно лежало, облачили в шелка, увенчали гирляндами из цветов и возложили на погребальный костер. Этот костер

пылал несколько суток… Раджа был безутешен. Кроме того, ему хотелось, помимо тех добрых и великих дел, которые он совершил за свое царствование, совершить еще одно — самое доброе и великое, чтобы его собственная душа, когда он умрет, наверняка уже переселилась в тело другого раджи, а не в тело какого-нибудь чудака из низшей касты… И потому в память об умершем этот раджа решил совершить очень редкий древний обряд, носящий название «жертвоприношение коня», или — на их языке — «Ашвамедху». Только самые богатые и могущественные раджи, уверенные в своей силе и непобедимости, могли позволить себе такое.

Все началось с того, что из царской конюшни перед несметной толпой народа был выведен самый лучший и самый любимый вороной конь раджи. Облаченный в алые шелковые одежды, с перекинутой через плечо шкурой черной антилопы и гирляндой цветов на шее, раджа подошел к коню, снял с него недоуздок и отпустил вороного на волю…

Теперь в течение целого года конь мог идти, куда ему вздумается и бродить, где захочет. Никто не смел становиться у него на пути.

Конь мотнул головой и пошел… А следом за ним двинулся хорошо вооруженный военный отряд во главе с военачальником, ехавшим на боевой колеснице, запряженной четверкой белых коней. Ни днем, ни ночью они не теряли вороного из виду, неотступно следуя за ним повсюду. И, куда бы ни шел вольный конь, все цари, по землям которых он проходил, должны были подчиняться отпустившему его радже… А если кто колебался, то его принуждали силой… Тут, однако, у меня есть подозрение, что коня все-таки направляли, чтобы он шел, куда нужно!..

Через многие земли прошел за год вороной конь, и все цари подчинились. Но год миновал, и недолгая воля кончилась. Вороного поймали и привели в столицу. Завтра на празднике его принесут в жертву…

Деревня опустела. Праздничная процессия со слонами и факелами скрылась в ночной темноте под сенью джунглей. Мы были одни на площади. Александр Петрович бредил во сне. Мы попробовали его разбудить, но он был, как кукла, только бормотал что-то, не открывая глаз.

— К дьяволу! — облизнув пересохшие губы, с трудом проговорила Нкале. — Умирать — так с музыкой! Хочу на праздник…

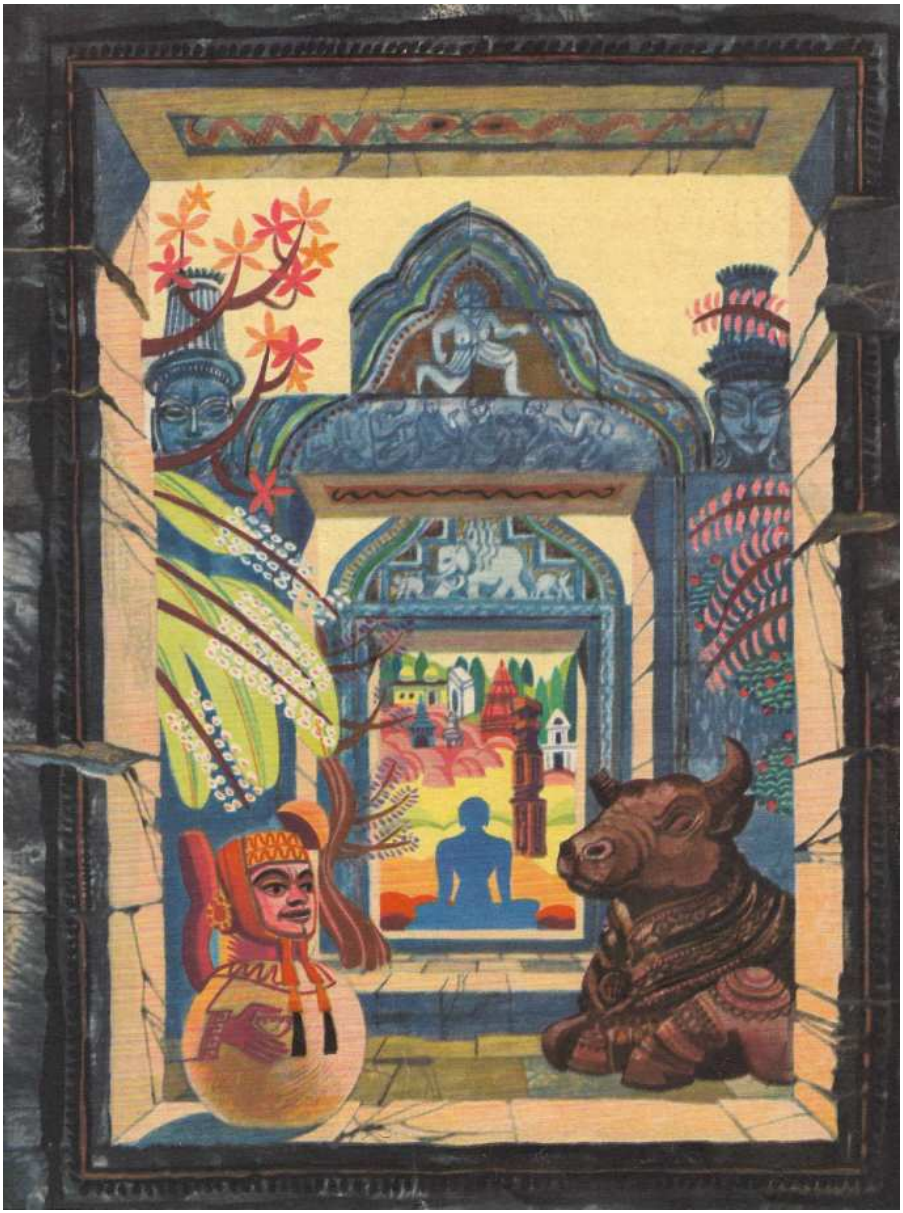
Это было самое лучшее, что мы могли сделать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

которая страдает недостаточно подробным описанием жертвоприношения коня, но зато именно в ней Тъкави открывает тайну странного поведения эмвешки

Чтобы видеть празднество, лучшего места, чем на крепостной стене, которой была обнесена столица, мы сами бы не нашли. Надо отдать должное локализаторам — точку зрения они умели выбрать дай бог!.. Воины, охранявшие стену, переговаривались рядом с нами, и это помогало нам разбираться во всем происходящем, хотя, конечно, и не так хорошо, как если бы объяснения давал Александр Петрович. Но наш профессор продолжал сладко спать, и мы не хотели его тревожить.

Светало… Улицы города были еще пустынны. Во внутренних двориках и на плоских крышах домов просыпались спасающиеся от духоты горожане. Лучи восходящего солнца золотили покрытые замысловатой резьбой каменные стены, карнизы и причудливые купола великолепных храмов. Прогуливающиеся в садах павлины распускали ослепительные веера своих самоцветных хвостов…



Перейдя на противоположную сторону стены, мы увидели, что снаружи ее окружал заполненный водою широкий ров, за которым простирались зеленеющие поля. Тысячи выходящих из джунглей людей постепенно заполняли дороги, ведущие в город. Но, прежде чем продолжать путь, все они сворачивали в сторону и направлялись к берегам Ганга. Там, не снимая с себя одежд, они медленно и торжественно входили на несколько минут в мутные воды священной реки — кто по пояс, а кто и по горло, — чтобы она омыла их от грехов…

Все это нам было хорошо видно… И праздник Жертвоприношения Коня, который начался, когда солнце поднялось к зениту, мы тоже видели. Видели, как сначала были принесены в жертву несколько сотен свиней и баранов… Видели, как вслед за тем ударом боевого топора между глаз был повержен на землю великолепный, ни в чем не повинный конь, заплативший жизнью за год свободы и за то, что помог радже расширить границы его царства… Видели, как раджа раздавал золото и драгоценности брахманам, а они, уже от его имени, кидали в толпу медяки… Видели, наконец, и грандиозный пир, который начался после того, как с жертвоприношениями было покончено… Но описать все это подробно я, к сожалению, никак не могу и, наверно, это большая потеря для историков!.. Что поделаешь — наше состояние с каждой минутой становилось все хуже и хуже, так что к началу празднества мы почти ничего уже не соображали.

По моим расчетам это были третьи сутки без воды и пищи. В ушах стоял звон, все виделось, как в тумане, мысли путались… Чтобы повернуть голову или поднять руку, нужно было напрягать все силы. Движения сделались такими медленными, как в кино, когда снимают специально для того, чтобы посмотреть, кто первый из бегунов сорвал ленточку финиша…

А самое главное — думал-то я о другом… Мысль, которую я никак не мог ухватить за хвост, все время вертелась у меня в голове. Постепенно она оформилась, и теперь я, кажется, уже знал, что нам нужно делать, чтобы вернуться в XX век. Только я не спешил ее выкладывать — слишком уж просто все получалось!.. Скажу, обнадежу, а потом, если что не так, наступит разочарование и станет еще хуже… Снова и снова я обдумывал свою идею, поворачивал так и этак, придумывал доводы, начисто отвергающие ее, но чем больше я думал, тем яснее мне становилось, что это был единственный путь. Все сходилось… Нет, снять шлемы мы не могли. Обрыв связи с Системой мгновенно бы нас угробил. Идея заключалась в другом…

— Слушайте, — издалека начал я, — как по-вашему, почему все-таки наша эмвешка носится по этим древним долинам и никак не желает возвращаться?

— Ясно, — сказал Каген, — потому что Система вышла из подчинения и самозапрограммировалась на пять долин!

— А если нет? Что если она вовсе не вышла из подчинения, а самопрограммируется исключительно ради нас?

— Как это?

— Подожди, ответь еще на один вопрос: кто мы для нее? Обыкновенные пассажиры?

— Нет, конечно… Мы — часть Системы… Ее глаза и уши, если желаешь. Но что из этого?

Вместо ответа я повернулся к Александру Петровичу и начал смотреть на спящего. Как ни странно, Нкале поняла, о чем я думаю, раньше, чем Каген…

— Они забыли, что мы никогда не спим! — воскликнула она. — Да? Система рассчитана на земных людей?.. И должна сама возвращаться, когда…

Теперь понял и Каген.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, когда мы потеряем сознание, она вернется. Но мы не можем потерять сознание одновременно, а она будет путешествовать до последнего… Один из нас вернется живым… Вот и все… В лучшем случае — двое…

— А если ее обмануть?.. Что делает человек, когда он глохнет и слепнет? Идет к доктору!.. Зажмурим глаза, заткнем уши, перестанем воспринимать все, что делается вокруг, и тогда она, может быть, возвратится к Главному… Она же перестанет получать информацию.

Каген глубоко задумался. Мы с Нкале терпеливо ждали его решения. Наконец он сказал:

— Может быть, я просто плохо соображаю, но, похоже — ты прав. Проверим на опыте… Попытаемся… Сколько мы будем притворяться?

— Пять минут, — предложил я. — Пока не сосчитаем до трехсот. Согласны?

Каген кивнул.

— Три… Два… Один!.. — сказала Нкале.

Плотно зажмурив глаза и заткнув пальцами уши, я начал считать в уме. Когда я дошел до семи, я снова почувствовал себя в кресле пневмокапсулы. Эмвешка набирала скорость. Я продолжал считать… 196… 197… 198… Ход начал замедляться… 234… 235… 236… Стоп! Кажется, можно было раскрыть глаза. Но мы условились — до трехсот… 298… 299… 300!..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой, продолжая перемещение во времени и пространстве, мы достигаем Поднебесной империи и становимся свидетелями жуткой трагедии в тронном зале…

Двухголовые… Четверорукие…

То, что я увидел, раскрыв глаза, не имело ничего общего с Залом Ожидания. Но об этом — потом…

Рядом похрапывал Александр Петрович. Ему, кажется, было немного лучше — он не бредил. Около него, охватив колени руками, сидел Каген. На лице у него можно было прочесть: «Я так и знал»!.. Глаза Нкале были подозрительно крепко зажмурены, уши плотно зажаты пальцами.

— По-моему, она подглядывала, — сказал я Кагену. — Опыт не удался по ее вине.

Он покачал головой.

— Конечно, она подглядывала. Но опыт с самого начала был обречен на провал. Раз мы не спали — мы продолжали думать и чувствовать. Система получала информацию.

Нкале приоткрыла правый глаз, затем левый.

— Ничего не вышло? — наивно удивилась она. — Наверно, мы слишком поторопились, мальчики. А я считала медленно, медленно…

— Верим, — подтвердил Каген. — Это Тькави поторопился. Начнем сначала. Приготовились. Три… Два… Один!..

Нкале быстро зажмурилась и прижала к ушам ладони. В другое время я бы расхохотался. Но сейчас мне было не до этого. Да и Каген сразу же пожалел о своей шутке. Он потянул Нкале за руку и, когда она раскрыла глаза, объяснил, в чем дело.

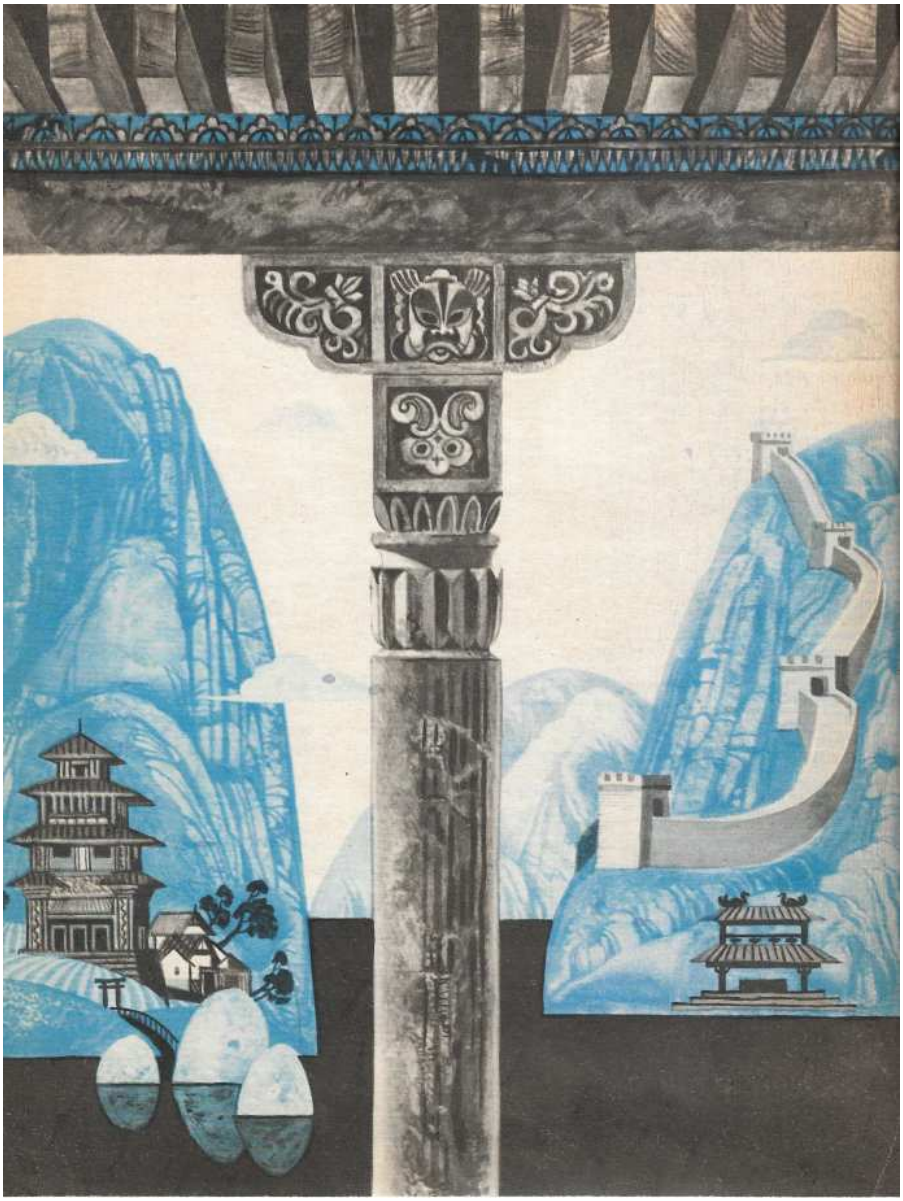
— Значит, придумаем еще что-нибудь! — ничуть не обидевшись, как могла бодрее, сказала Нкале. — Где мы? Когда?

— Большой скачок, — сказал я. — На моем таймере уже третий век до нашей эры. И — опять речная долина… На реке — джонки…

— Хуанхэ! — сказал Каген.

У него уже не было ни охоты, ни сил, чтобы встать на ноги. Он просто указал глазами на север от реки, туда, где у самого горизонта, взбираясь на холмы и сбегая в лощины, тянулась бесконечная каменная стена с коренастыми сторожевыми

башнями через каждые несколько сот метров. Мы без слов поняли, что он имел в виду. О Великой Китайской Стене нам еще в оазисе Гизе говорил Александр Петрович. Правда, выстроили ее на целых две с половиной тысячи лет позже, чем пирамиды. Но зато она была куда более грандиозным сооружением и служила для дела. Сотни лет она охраняла северо-западные границы Поднебесной империи от набегов кочевых гуннских племен — самого страшного врага китайцев. На всем протяжении этой стены стояли военные гарнизоны. Длина ее почти 4000 километров, высота — нигде не ниже трех- или четырехэтажного дома, а ширина поверху такая, что там, как по шоссейной дороге, могли проходить войсковые колонны, скакать всадники и раскатывать боевые колесницы. Более двухсот лет положили китайские правители на то, чтобы соорудить этот каменный заслон для своего государства, сгоняя на строительство крестьян, каторжников и рабов со всей страны…



— Покупайте рыбные палочки!.. — внезапно завопил Александр Петрович. — Это выгодно вам и государству! Пейте томатный сок… — Вскочив на ноги, он судорожно принялся сдирать с себя шлем…

Хорошо, что в своем бреду он плохо владел руками, иначе всем нам тут же наступил бы конец. Но Каген не растерялся. Без всяких церемоний он дернул Александра Петровича за ногу. Ученый потерял равновесие и упал. Мы мигом ухватили его за руки и держали их так, пока он не перестал вырываться.

Постепенно его безумный взор стал более осмысленным, он успокоился и удивленно сказал:

— Почему мы здесь?.. Разве еще не конец?

Мы объяснили, как обстоят дела, и для поддержания духа начали расспрашивать о Древнем Китае. Но он ответил только на один вопрос — сказал, что мы попали как раз в то время, когда правитель одного из китайских княжеств — ван по имени Цин Ши — после многолетних интриг и невероятно жестоких войн подчинил себе всех других ванов, назвался хуанди, что означает — император, и создал Китайскую империю. Это произошло за 220 лет до нашей эры…

А затем на Александра Петровича опять нашло. С диким криком: «Да здравствует создатель Поднебесной империи!» — он снова попытался сорвать с себя шлем. Однако на этот раз удерживать его нам пришлось недолго — через минуту он выбился из сил и погрузился в беспамятство.

— Не будем здесь оставаться, — сказала Нкале. — Чтобы не чокнуться прежде времени, нам необходимо находиться среди людей и следить за какими-нибудь событиями. Перекинемся во дворец к этому… императору!

Перекинулись…

Золотые драконы извивались на обтянутых тяжелым шелком стенах тронного зала дворца. По углам дымились треножники с благовониями. У дверей, словно каменные истуканы, застыли вооруженные воины. А в самом центре зала, на роскошном троне из слоновой кости, золота и серебра, с ног до головы затянутый в черный шелк восседал император… Узкое худое лицо. Жестокий неподвижный взгляд…

Мы оказались в зале в самый разгар работы — Цин Ши хуанди выслушивал донесения своих чиновников-мандаринов и отдавал им распоряжения. Сидящий у подножия трона писец записывал его повеления черной тушью на белом шелковом полотне. Длинный рулон этого полотна был намотан на две палочки, вроде тех, к которым прикрепляются игрушечные флажки. С правой палочкой писец разматывал чистый шелк, а на левую наматывал написанное. Писал же он тонкой кисточкой, рисуя вычурные иероглифы поперек полотнища сверху вниз так, что они выстраивались в вертикальные строчки.

Ждущие своей очереди чиновники безмолвно толпились в самом дальнем конце зала, около входных дверей, позади стражи. Тот, которого вызывали, проходил сквозь стражу и, склонившись почти до земли, раболепно приближался к трону. Не разгибаясь и не поднимая головы, стоя примерно в десяти шагах от трона, он докладывал свое дело и, выслушав приказ, пятился задом обратно. Стража расступалась, чиновник становился на свое место. Вызывался следующий…

Так мы выслушали доклады о строительстве дамб на реке

Янцзы, о расчистке старых и проведении новых оросительных каналов, о неурожае риса и страшном голоде в провинции Гуандунь, где люди начали поедать друг друга, о нападениях гуннов, о кровопролитном усмирении крестьянских восстаний в различных частях страны, о бунте рабов и каторжников, строящих Великую Стену, о новых налогах на железо и соль, о развитии шелководства, о строительстве почтовых дорог… Можно сказать, за те несколько часов, которые мы провели в этом зале и были еще в состоянии что-то соображать, мы здорово вошли в курс дел китайского императора. Но самого интересного дела мы, наверно, так никогда бы и не услышали, если бы не потрясающее открытие, которое внезапно сделала Нкале…

Не помню, говорил ли я, что все мы четверо, попав в этот зал, оказались лежащими на ковре, перед подножием трона. Как раз на том пространстве, которое отделяло Цин Ши от тех, кто ему докладывал. И вот Нкале исчезла. Только что она была здесь — и вдруг пропала. Сперва мы решили, что она просто зашла за трон, пока мы слушали доклад о почтовых дорогах. Но когда мы позвали ее и не получили никакого ответа, а затем не нашли ее и за троном, страшная догадка осенила нас. Да, эмвешка окончательно повредилась — она унесла Нкале без нас. Мы разделены и обречены на гибель… И тут вдруг мы услышали ее голос:

— Спокойно, мальчики! Слушайте меня внимательно… Я — гений!

— Рехнулась! — сказал Каген. — Сейчас же признавайся, куда ты спряталась, и выходи!

— Нет! Сначала вы должны согласиться с тем, что я — гений!

— Не надо спорить с безумной, — сказал я Кагену. — Хорошо, Нкале, ты — гений. Иди сюда.

— Нет, пусть Каген тоже признает!

Но Каген молчал. Внезапно он подскочил к трону и, схватив императора за лежащую на подлокотнике правую руку, начал тянуть ее вниз. Мне стало жутко. Неужели и Каген?!. Ведь мы уже столько раз убеждались, что все, за исключением нас самих, в этом мире минувшего было для нас бестелесным. Мы могли видеть и слышать, но взять ничего не могли. А Каген держал императора за руку и тянул так, словно тот оказывал ему сопротивление. Или я тоже сходил с ума?!.

— Помоги же мне! — рассердился Каген. — Я не могу с ней справиться!

Он тянул изо всех сил, и тут я увидел, что правая рука Цин Ши хуанди начала раздваиваться… Одна — большая — так и продолжала покоиться на подлокотнике трона, а другая —

меньшая — была в руках Кагена, и он за нее тянул. Я кинулся вперед, и вдвоем мы стащили Нкале с трона, на котором сидел император. Усики ее шлема были выдвинуты.

— Ну и что? — сказала она, когда мы отпустили ее руку. — Все равно вам придется признать, что у Нкале светлая голова. Чтобы победить жажду и голод, нужно только совместить себя с тем, кому не хочется ни пить, ни есть… Вот и все!

— Но как ты додумалась?

— А никак. Просто мне захотелось посидеть на троне.

— И теперь тебе не хочется пить?

— Хочется. Даже еще сильней. Но когда я сидела там, мне не хотелось. Перед тем как идти сюда, император попил и поел.

— Самообман, — сказал я. — Сколько можно так… совмещаться?

— Пусть даже пять минут!.. Но продержаться это поможет, — возразил Каген. — Признаю твою гениальность, Нкале! Пусть каждый выберет себе человека. А на трон посадим Александра Петровича.

Втроем мы перетащили ученого на трон, совместили его позу с позой Цин Ши хуанди и выдвинули усики шлема. После этого Каген и Нкале совершенно так же совместили себя с застывшими по бокам трона телохранителями, а я опустился к его подножию и слился с писцом…

Удивительно!.. Чувство жажды и голода мгновенно исчезло. Просто как не бывало… Мысли писца проникли в мое сознание и сосредоточились на человеке, который сейчас подходил к императору. Ли Сын!.. Страшная зависть, страх и ненависть обуревали писца. Если бы он мог убить или оклеветать этого проклятого царедворца, он бы сделал это немедленно. Но Ли Сын был недосягаем. Хитрый карьерист, политический деятель и философ, он пользовался безграничным доверием императора и был его главным советником… Цин Ши нарочно оставил разговор с Ли Сыном под самый конец приема и вызвал его последним, когда все другие чиновники покинули зал…

Пожилой, хилый на вид человек, с желтым лисьим лицом, почти не сгибаясь, подошел к трону и остановился всего в двух шагах от императора. Но заговорил он только после того, как, повинуясь одному лишь движению бровей Цин Ши, стоящая у дверей стража удалилась и за нею закрылась дверь… Писец опустил глаза, чтобы не выдать своего волнения.

— Говори! — негромко приказал император.

— Ваше Величество повелели мне, и я написал… — Ли Сын поклонился и поднял к глазам шелковый свиток. —

«Минуло время, когда Поднебесная была разъединена и повсюду царила смута. Каждый правитель действовал себе в угоду и следовал тому учению, которое ему нравилось. Ныне Ваше Величество объединили империю, установили единый трон, и стало ясно — где белое, а где черное. Но различные учения еще продолжают существовать, и те, кто сожалеет о прошлом, распространяют их. Исходя из этих учений, они критикуют указы Вашего Величества и обсуждают их в переулках. Они считают заслугой иметь различные мнения и думать иначе, чем император. Это следует запретить»…

— Ты имеешь в виду учение Конфуция?

— Да!.. Этот философ жил почти три века назад и, хотя говорил: «Пусть отец будет отцом, сын — сыном, а государь — государем», он имел в виду совершенно другое. Он считал, если кому-то покажется, что ты плохой государь и как человек не соответствуешь этому званию, тебя можно свергнуть — вот что! Это учение — ужасная крамола, которая должна быть истреблена. И те, кто распространяет эту крамолу, должны быть истреблены…

Сердце писца сжалось от страха, а на спине выступил холодный пот. И он сам и его друзья были последователями Конфуция. Закон, которого добивался Ли Сын, означал гибель для них, для их семей и единомышленников… Писец еще ниже опустил голову… «Негодяй! — думал он про себя по-китайски, — карьерист!.. Мерзавец!.. Убийца!.. Казнить людей только за то, что они мыслят!..»

— Продолжай, — сказал Цин Ши.

— «Крамолу следует искоренить… Изъять все литературные сочинения: «Книгу песен», «Книгу истории» и изречения всех философов. Сжечь!.. Казнить либо клеймить лицо и ссылать на каторжные работы — строить Стену и рыть каналы — каждого, кто через 30 дней после объявления приказа не изъял этих книг»…

— Да будет так! — минуту подумав, сказал Цин Ши. — Ты можешь назвать тех, кого необходимо казнить?

— Если Ваше Величество мне прикажет… Для блага империи!

Цин Ши сделал знак писцу, чтобы он записывал. Ли Сын начал называть имена. Он произносил их так тихо, что даже телохранители не могли расслышать, кого он называл. В глазах писца потемнело — имена его ближайших друзей следовали одно за другим. Он все время ждал, что сейчас Ли Сын назовет и его…

— Остановитесь!.. Что вы делаете!.. — Александр Петрович наполовину высунулся из императора и с негодованием размахивал руками.

Это было невообразимое зрелище — раздвоенный человек на троне. Две головы, четыре руки и одно туловище! Один молчал и был каменно неподвижен. Другой прямо-таки бесновался…

— Дураки!.. Идиоты!.. — кричал он, стараясь привлечь к себе внимание императора. — Что вы делаете, Цин Ши?!. Разоряете страну… Лишаете крестьян земли и превращаете их в рабов!.. Собираетесь уничтожить лучших писателей и философов!.. О, вы — безумец! Знаете, чем это кончится? Через пять или шесть лет великое крестьянское восстание разнесет на части созданную вами империю!..

Наверно, он еще не вполне проснулся, иначе бы сообразил, что никто, кроме нас, не может его услышать. А нас он не видел — каждый был с кем-нибудь совмещен. Когда Александр Петрович вдруг замолк и начал озираться по сторонам, не понимая куда мы делись, я встал, чтобы показаться ему на глаза. Кажется, он понял, потому что кивнул мне и, не проронив больше ни слова, бессильно откинулся на спинку трона. Теперь там снова сидел один человек.

Ли Сын продолжал называть имена. Мне захотелось узнать — кто же он в действительности: подлый доносчик и карьерист или на самом деле верит, что истребление книг и ученых полезно для государства. Я шагнул вперед и совместился с Ли Сыном… Он верил! Он искренне хотел укрепить власть императора и создать новые законы, такие, чтобы…

Не знаю уж, какие еще законы он собирался создать. Перед моим лицом мелькнули измазанные тушью руки, и хилое тело царедворца с хриплым криком повалилось к моим ногам. Писец душил Ли Сына за горло. Ли Сын мычал и судорожно бился в его руках. Лицо его из желтого становилось лиловым… В следующий момент копье одного из телохранителей пронзило писца насквозь. Тяжело дыша, Ли Сын поднялся с пола. Телохранитель выдернул копье из спины распростертого на ковре писца, и хлынувшая из раны кровь залила белый шелк свитка, размотанный на полу. Ли Сын поднял свиток и, сокрушенно покачав головой, стал стряхивать с него капли крови.

В продолжении всей этой сцены Цин Ши даже не пошевельнулся. Ни один мускул не дрогнул на его лице… Теперь он сказал:

— Посмотри, всех ли кого ты назвал, записала эта собака?

Ли Сын поднес свиток к глазам. Несколько строк в нем были густо замазаны тушью.

Дальше шли строки, которые были написаны уже после того, как я покинул тело писца.

— Ну? — спросил император.

— Он проклинает Ваше Величество, — мгновенье поколебавшись, сказал Ли Сын. — А дальше — прощальное письмо его матери, жене и детям…

И тут, впервые за все время, улыбка появилась на лице императора.

— Хорошо, — сказал он, вставая с трона. — Письмо будет им вручено… перед казнью. А список имен… Ты сам составишь его!

В сопровождении телохранителей они вышли из зала через дверь, находящуюся позади трона. А через переднюю дверь в зал уже снова вступила стража и вошли слуги, чтобы унести труп.

Мы как обалделые смотрели друг на друга. Александр Петрович медленно встал с трона и направился к Нкале, лицо которой было белее снега. Если бы он не поддержал ее, она бы упала на пол.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

которая достаточно коротка, чтобы: не наскучить, хоти в ней и говорится о таких давно минувших вещах, как самодержавная власть и деспотическое правление

Труп унесли. Слуги привели собак, и они вылизали кровь с ковра. Курильницы перестали дымиться — их накрыли железными колпаками. Собак увели. Зал опустел…

Нервное возбуждение, которое поддерживало нас в течение последнего часа, постепенно проходило, унося с собою остаток сил. Нкале была в голодном обмороке. Академиков держал ее голову у себя на коленях. Каген мрачно молчал.

— Чего я вовсе не могу понять, — сказал я, — это вот чего. Писец считал Ли Сына мерзавцем, карьеристом и подлым доносчиком. Но сам Ли Сын, как я убедился, был уверен, что поступает правильно и то, чего он добивается, полезно для государства. По его мнению, только так и следовало поступать… Для блага империи!..

— Выходит, — сказал Каген, — если кто-то думает иначе, чем ты, и ты не можешь убедить его в своей правоте — давай казнить?.. И если в твоих книгах написано не то, что в других книгах, эти, другие, книги надо изъять и сжечь?!.

— Ради великой цели! — кивнул Александр Петрович, но в его голосе звучала насмешка. — Ради великой цели Цин Ши за один раз перебил 400 000 военнопленных. Ради нее он неуклонно казнил всех побежденных им правителей со всеми их родственниками и потомками. Ради нее же разорял и обращал в рабство крестьян, а неугодных философов обрекал на смерть…

— Что же это за цель такая? — поинтересовался я.

— Если бы вы спросили самого Цин Ши, он бы вам ответил: «В силе и богатстве империи, в авторитете правителя, единстве народа, процветании наук, искусств и ремесел, в искоренении несправедливости»… И любой другой император в любой другой стране ответил бы вам примерно так же.

— Преступники и лицемеры! — презрительно сказал Каген. — Вот они кто!..

— С нашей точки зрения — безусловно. С их — нет… Мы посетили пять древнейших речных долин, в которых возникли первые на Земле государства. И всюду — на огромном пространстве от Нила до Индийского и Тихого океанов, несмотря на все различия, видели одно и то же: рабовладельческий строй, а

во главе — фараон, царь, раджа, император… Никуда не денешься! Некоторая часть человечества на пути своего развития должна была пройти через это…

— Почему?

— Очевидно, потому, что огромные массы людей, скопившиеся в речных долинах, нуждались в объединении, чтобы совместно строить оросительные каналы, бороться с наводнениями, отражать нападения тех, кто пытался бы завоевать их земли и присвоить себе плоды их трудов… Человек, который осуществлял это объединение, становился главой государства. Постепенно он начинал пользоваться неограниченной властью и превращался в деспота… Его правление делалось деспотией. Неограниченная власть возвышала его над всеми, позволяла ему считать себя божеством или, по меньшей мере, гением. Различные приспешники — жрецы, полководцы и чиновники — ради своей выгоды, поддерживали его в этом. Они внушали всем, что он непогрешим в своих суждениях, знает и понимает все на свете лучше кого бы то ни было, имеет право распоряжаться имуществом, жизнью и смертью других людей, ибо только ему известно, что для кого хорошо, а что — плохо. В конце концов выходило, что хорошо и правильно только то, что было выгодно и полезно тем, кто стоял у власти…

— И люди это терпели?

— До поры до времени… Если перечислить всех правителей, которые в свое время были свергнуты, умерщвлены и прокляты, получится оч-чень приличный список…

— Но ведь были же среди правителей и хорошие люди! — воскликнул я. — Просто не может быть, чтобы не было!

— Конечно, были!.. Только худо им приходилось. Чаще всего их тут же лишали власти.

— Кто?

— Враги… Завистники… Интриганы… Другие правители…

Академиков боролся со сном. Обморок Нкале продолжался. Золототканые драконы на стенах начали причудливо извиваться. Над железными колпаками укрепленных на треногах курильниц поплыл голубоватый дымок. Трон заколебался — он исчезал на глазах…

— Александр Петрович!

— А?

— Сейчас, наверно, поедем. Как вы думаете, куда?

Мрак пневмокапсулы снова окутал нас.

— Хорошо бы домой, на базу…

Но циферблаты таймеров вращались в обратном направлении — мы опять удалились от нашей эры.

— Пошли на второй заход, — определил Каген. — Может, опять попадем в Вавилон и увидим Кузнечика!

Воцарилось непродолжительное молчание. Я думал, Александр Петрович опять заснул. Но вот из темноты снова зазвучал его голос.

— Сомневаюсь, — сказал Академиков. — Скорее всего нас вынесло слишком далеко вперед. Пока эмвешка несла нас с Запада на Восток, пересекая первое тысячелетие до нашей эры, в районах Средиземного моря и Передней Азии происходили события, потрясавшие всё обитавшее там человечество. Новые народы выходили на сцену мировой истории. Возникали и распадались царства… Смешивались культуры… Всплывали новые имена, разражались грандиозные битвы… Достигали невиданного расцвета и обращались в прах великолепные города… Создавались новые государства — такие, как древняя Греция, Карфаген, Рим… Хотя и рабовладельческие, но совершенно непохожие на те, которые мы видели до сих пор! Я думаю, мы высадимся в одном из них…

Однако, когда эмвешка снова высадила нас, это не было ни одно из названных им государств. И вообще, мы оказались не на суше, а в море! Ну, конечно, не в самом море, а на корабле. Но корабль этот принадлежал древнегреческому городу Милету. Так что в какой-то мере Александр Петрович все-таки угадал!

Научная тетрадь № 6

48. СЛОВАРЬ ЦАРЕДВОРЦА.

ЦАРЬ — государь, король, хан, шах, самодержец, раджа, фараон, монарх, император… Единовластный правитель, обладающий достаточной военной силой и другими средствами, чтобы держать в повиновении население своей страны и тех стран, которые ему удается завоевать. Обычно царская власть передается по наследству — от отца к старшему сыну. Не менее обычно — царя убивают. В таком случае новым царем чаще всего делается тот, кто организовал это убийство. Такой способ смены царя называется ДВОРЦОВЫМ ПЕРЕВОРОТОМ.

ДИНАСТИЯ — несколько последовательно сменяющих друг друга царей, принадлежащих к одной фамилии, к одному царскому роду.

«ГОСУДАРСТВО — ЭТО Я!» — разъяснение, которое дал своим подданным король Людовик XIV, правивший Францией 300 лет назад. Границы государства проходят там, где кончается власть одного царя и начинается власть другого.

ЧИНОВНИК — служащий какого-нибудь государственного учреждения. Чем выше должность, которую занимает чиновник, тем выше у него звание — чин. Самые высокопоставленные чиновники, чтобы подчеркнуть свое превосходство над мелкотой, именуют себя САНОВНИКАМИ. Сановники имеют уже не чин, а сан. ВЕЛЬМОЖА — самый высокопоставленный сановник, человек, который «может велеть» другим. Советчик, блюститель интересов и исполнитель воли царя. В отличие от остального обслуживающего персонала вельможа называется не придворным, а царедворцем.

КАРЬЕРА — служебный успех. Каждый чиновник всегда старается выслужиться перед начальством, чтобы получить более высокую должность, а с нею больше власти, почестей и доходов. Это называется ДЕЛАТЬ КАРЬЕРУ. Чтобы сделать карьеру,

чиновники интригуют друг против друга — низшие подкапываются под высших, стараются скинуть их и пролезть на освободившиеся места. Тут все средства хороши — донос, предательство, клевета, подлог, взятка… Ну, а высшие чиновники, понимая эту опасность, стараются, конечно, держать в подчинении низших и не давать им ходу.

ЗАКОН — государственное постановление, которое должен исполнять каждый человек ради общей пользы и для блага своей страны. Но в жизни это не всегда так бывает. Потому что законы издаются правителями, охраняются ИХ армией, ИХ полицией, ИХ судьями и чиновниками. Они же первые и нарушают эти законы, когда это им выгодно. И хотя нарушение закона — ПРЕСТУПЛЕНИЕ, никто их за это не наказывает: власть-то у них в руках!..

Старинная пословица говорит: «Закон, что дышло, — куда повернул, туда и вышло!» Чтобы законы действительно исполнялись, вся власть должна быть в руках народа.

ДЕМАГОГИЯ — всякие красивые слова и несбыточные обещания, с помощью которых разные бессовестные карьеристы задуривают доверчивых людей. «Благо народа! — кричат они. — Высшая справедливость! Бескорыстие!.. Прогресс!.. Отечество!.. Честь!..»

И когда все эти замечательные слова оказываются на поверку сплошным враньем, тогда и говорят: «Демагогия!..»

49. Помните про Средиземное море? Как предсказывал А. П., так и вышло!..

Уже с третьего тысячелетия до нашей эры у морских народов, которые там обитали, пошла развиваться собственная европейская культура. И тут на первое место вырвался остров Крит. Потому-то мы и придумали, что разведчик Анхиал должен быть родом с этого острова.

Все торговые морские пути между Египтом, Европой и Передней Азией пересекались на Крите. Критяне были в курсе всех дел и достижений других народов. Они первые, уже в начале второго тысячелетия до нашей эры, переняли и усовершенствовали буквенную письменность, которую изобрели финикийцы. Все олово, которое вывозилось с Пиренейского полуострова, дальше Крита не шло. Тут его задерживали, сплавляли с медью, которую привозили с острова Кипра и превращали в бронзу. А это был самый дефицитный товар. В бронзе нуждались все. Из нее делали и оружие, и орудия для труда. И значит, если вам нужна была бронза, вы должны были покупать ее у критян. На этом Крит здорово богател. И у него был отличный морской флот. Боевые корабли утверждали превосходство критян над соседними народами, а торговые странствовали по всему Средиземноморью, распространяя критскую культуру на другие острова и европейское побережье…

Древние греки считали, что их главный бог — громовержец Зевс родился на Крите.

Эгейское море
Ионическое море
Адриатическое море
Тирренское море
Апеннинский п-ов
Сицилия

50. Три больших полуострова европейского материка выдаются с севера в Средиземное море. На Пиренейском полуострове теперь Испания и Португалия. На Аппенинском — Италия. На Балканском, который ближе всех к Криту — Греция.

Весь Балканский полуостров словно изрублен шашкой: глубокие заливы Ионического, Средиземного и Эгейского морей рассекают его на множество дополнительных полуостровов. Самый большой из них — Пелопоннес, который соединяется с другим полуостровом — Аттикой — узеньким перешейком.

Главными городами Пелопонесского полуострова уже в глубокой древности были Микены, Спарта, Тиринф, Олимпия, Аргос…

А главным городом Аттики были Афины. Микены и Тиринф поначалу подчинялись Криту. Но древней Греции тогда еще не было.

51. Народы, обитавшие в третьем тысячелетии до нашей эры на Балканском полуострове, обладали уже довольно высокой культурой. Они разводили коз, овец и быков, выращивали оливы и виноград, сеяли пшеницу, ячмень и бобы, строили города… Но вот военной организации у них, очевидно, еще не было. Иначе как объяснить, что воинственные, но гораздо менее культурные греческие племена, которые вторглись на Балканы с севера — из придунайских степей, почти без потерь и за короткий срок овладели всем полуостровом! Произошло это в самом конце 3-го тысячелетия до нашей эры.

Как всякие завоеватели, пришельцы грабили города и истребляли побежденных. Но в то же время смешивались с ними и перенимали их культуру. Так на Средиземном море, от Балкан до Малой Азии, включая и остров Крит, возникла Древняя Греция. Это был союз различных греческих племен, каждое из которых сохраняло свою независимость и было, можно сказать, отдельным маленьким царством.

Всех европейских и островных греков того времени принято называть ахейцами, или данайцами. Потому что так по именам племен — то ахеянами, а то данайцами — называет их гениальный Гомер в своих поэмах «Илиаде» и «Одиссее». Эти поэмы — как исторические романы в стихах. В первой из них — в «Илиаде» — рассказывается о том, как в 13-ом веке до нашей эры ахеяне воевали против троянцев — одного из огречившихся уже народов Малой Азии…

52. ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА. История Троянской войны — как

фильм. Если бы мне пришлось писать для него сценарий, я бы попробовал так…

Эпизод I. «ЯБЛОКО РАЗДОРА»

На Олимпе, в гостях у Зевса, весело пируют боги. За кустами, бормоча проклятья, притаилась Эрида — богиня склок. Ее не позвали на пир — боялись, что всех перессорит. Теперь она отомстит. Она берет золотое яблоко, пишет на нем — «ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ» и…

…Золотое яблоко катится по пиршественному столу. Оно останавливается возле руки Зевса. Все видят надпись.

Три богини — Гера, Афина и Афродита ждут: кому из них Зевс вручит яблоко. Но Зевс не хочет обид. Он хитрый. Он говорит:

— Ты, Гера, — моя жена. Ты, Афина, и ты, Афродита, — мои дочери. Пусть вас рассудит юный Парис — сын троянского царя Приама. Летите к нему!

Эпизод 2. «СУД ПАРИСА»

Гера, Афина и Афродита опускаются перед Парисом. Каждая жадно смотрит на яблоко, которое Парис держит в руке. «ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ»! Но кому же?.. Богини идут на подкуп.

Гера: «Присуди яблоко мне, и я сделаю тебя великим правителем!»

Афина: «Мудрость, доблесть и славу хочешь?»

Афродита: «Любовь самой прекрасной женщины на Земле — вот что тебе нужно, Парис! Любовь Елены — жены Менелая, царя Спарты!»

В полном восторге Парис отдает яблоко Афродите. Гнев на лицах Афины и Геры. Страшная зависть. «Сочтемся!» — улетая, шепчут они.

Эпизод 3. «Пророчество КАССАНДРЫ»

Парис снаряжает корабль. Узнав, что Парис хочет украсть Елену, пророчица Кассандра, сестра Париса, заклинает брата: «Откажись! Ты погубишь Трою!..»

Парис презрительно пожимает плечами… (Это просто анекдот какой-то: хотя пророчества Кассандры всегда сбываются, никто ей, бедняге, не верит!).

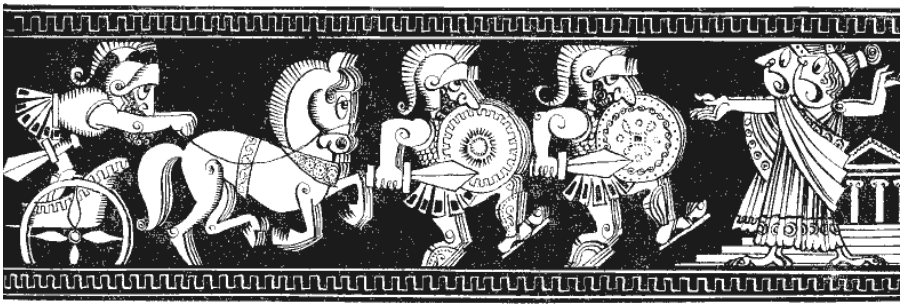
Эпизоды 4–6. «ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНЫ»

Менелай радушно принимает Париса в своем дворце. За его спиной Парис договаривается с Еленой. Доверчивый Менелай покидает их и уезжает на Крит. Прихватив сокровища Менелая, Парис увозит Елену в Трою.

Эпизоды 7-12. «ГОТОВИТСЯ ВОЙНА»

Менелай клянется отомстить Парису. Он уговаривает своего брата Агамемнона — царя Микен идти походом на Трою. Вдвоем они подбивают к войне других царей и героев. Хитроумный Одиссей, царь Итаки, не хочет покидать молодую жену с новорожденным сыном. Но… соглашается!.. Богиня Фетида переодевает своего сына, героя Ахилла, в женское платье и прячет его от вербовщиков… Бесполезно!.. Каждому ясно: ограбив и опозорив Менелая, Парис нанес обиду всем грекам на континенте. Гера и Афина разжигают в них жажду мести, обещают поддержку… Огромная армия под предводительством

Агамемнона грузится на корабли. Все жаждут подвигов.



Эпизоды 13–25. «ДОЛГИЙ ПУТЬ В ТРОЮ»

Удивительные и страшные события… Грозные предзнаменования… Ужасное жертвоприношение… Чудеса… Приключения на островах…

Эпизод 26. «ВЫСАДКА»

Корабли Агамемнона у берегов Малой Азии. Вдали на холме — несокрушимые стены Трои. Пора начинать высадку десанта. Но тут — заминка… Всем известно пророчество: «Умрет тот, кто первый ступит ногой на троянскую землю». Никому неохота быть первым. Общее замешательство… И вдруг какой-то человек смело прыгает с корабля на берег… Это — Одиссей. Теперь не страшно — все видят: он уже на троянской земле. Но лишь на ближних кораблях успели заметить, как перед прыжком он бросил себе под ноги свой щит. Стоит Одиссей на щите и ждет. А с дальнего корабля уже прыгает тот, над которым должно свершиться пророчество… Так и есть — копье впивается в его грудь!..

Эпизоды 27-101. «С ПЕРЕМЕННЫМ УСПЕХОМ»

Ахейцы сражались, как львы. Троянцы дрались, как тигры. Ахейцам помогали Афина и Гера. Троянцам — Афродита и Аполлон. В зависимости от того, кто из богов проявлял больше активности, побеждали то одни, то другие. И так — девять лет!

На десятый год война уперлась в тупик. Многие из ахейцев уже хотели домой: «Сколько можно?!.» Заключить мир и возвратиться советовал также мудрец Паламед, которого все любили и уважали. Но Одиссей был с теми, кто считал возвращение без победы позором. Паламед стоял ему поперек дороги.

Эпизод 102. «МНЕ ЖАЛЬ ТЕБЯ, ИСТИНА!»

Одиссей решает: «Необходимо убрать Паламеда!..»

Ночь… В своем шатре Одиссей пишет письмо Паламеду. Письмо будто бы от Приама. Оно уличает Паламеда в измене делу ахейцев. Подложное письмо Паламеду должен доставить троянский пленник… А вслед за ним Одиссей посылает своих разведчиков. У них приказ: человека убить, труп обыскать!.. Выслеживают и убивают… Найденное на трупе письмо вручается Агамемнону. Агамемнон велит арестовать Паламеда.

Рассвет… Одиссей подбрасывает мешок с золотом в шатер Паламеда.

Утро… Суд… Паламед отрицает вину. Одиссей предлагает обыскать шатер Паламеда. Обыск… Мешок с золотом. Паламед осужден!

Казнь… Паламеда забивают камнями… Умирая, Паламед кричит: «О, Истина, ты убита раньше меня! Мне жаль тебя, Истина!..»

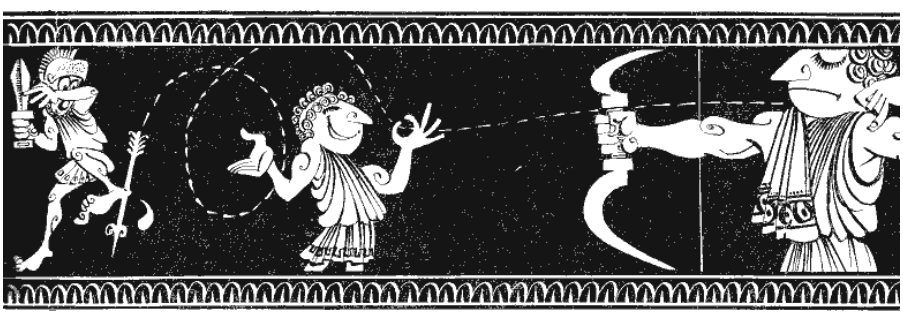
Эти слова бессмертны. Многие еще будут кричать их после него.

Эпизоды 103–164. «ВО ИМЯ ДРУГА»

То ахейцы теснят троянцев, то троянцы их. Гибнут герои. Агамемнон оскорбляет Ахилла. Ахилл уводит своих воинов от стен Трои. Но тут старший сын Приама — главный герой троянцев Гектор убивает Патрокла, друга Ахилла. Забыв ссору с Агамемноном, Ахилл вновь возвращается в бой, чтобы убить Гектора. Убивает… Предсказано: «После смерти Гектора должен погибнуть Ахилл». Но он идет на это, чтобы отомстить за друга.

Эпизод 165. «АХИЛЛЕСОВА ПЯТА»

Ахилл считается неуязвимым. Когда он родился, мать окунула его в воды подземной реки. От этого кожа его стала стреломечекопьенепроницаемой, как броня на танке. И только пятка, за которую Фетида держала его вниз головой, окуная в реку, осталась не заколдованной. Теперь это слабое место должно сработать. Знает это Ахилл, но увлеченный боем, рвется вперед… И тут мы видим Париса. Этот красавчик, хотя и похитил Елену, особой доблестью не отличался и в драку лез не охотно. Но на этот раз подоспел. Натягивает лук Парис и пускает в Ахилла отравленную стрелу. Мимо летит стрела, но вдруг, на виду у всех, начинает менять траекторию. Это Аполлон, который помогает троянцам, поворачивает ее на лету. Скоординированная стрела впивается в не защищенную колдовством пятку героя. Вырывает стрелу Ахилл… Но — поздно! Чернеют губы Ахилла, клонится голова… Смерть…



Эпизоды 166–198. «БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ»

Смерть Гектора ослабила троянцев. Смерть Ахилла ослабила ахейцев. А дальше что? Все больше и больше героев находит свой конец под стенами Трои. Уже и Парис убит, а толку все нет. Атаки… Контратаки… Болезни косят армию Агамемнона… Неужели так и возвращаться — ни с чем? Но ведь предсказано, что Троя должна погибнуть! А что если?.. Крупно — глаза Одиссея. Он что-то задумал.

Эпизод 199. «ТРОЯНСКИЙ КОНЬ»

Объят пожаром лагерь ахейцев. Они сами подожгли его. Грузятся на корабли, уходят в море… Охваченные радостью троянцы врываются в покинутый лагерь. Ничего не осталось. Только огромный деревянный конь высится над пепелищем. Странная статуя! Никто ее прежде не видел. Откуда она? Дар богов?.. Творение искусных рук человека?.. Что она должна означать?!.

Затаив дыхание прислушиваются Одиссей и его товарищи, спрятавшиеся внутри коня, к спорам троянцев. Слышат: одни требуют сжечь статую или сбросить в море. Тогда — смерть… Другие предлагают — втащить в город и поставить на главной площади перед храмом. Тогда — есть надежда! Трюк с конем — выдумка Одиссея.

А троянцы продолжают спорить.

— Не верьте данайцам, дары приносящим! — убеждает своих сограждан Лаокоон — жрец Аполлона. — Бросить в море надо коня!..

Все больше голосов присоединяется к голосу Лаокоона. Все меньше остается надежды у Одиссея… И тут вдруг из моря выплывают два огромных зубастых змея с красными гребнями на головах, обвиваются вокруг Лаокоона и двух его сыновей, душат в кольцах, загрызают насмерть… Потрясенные смотрят троянцы, как уползают совершившие свое дело змеи, подосланные Афиной… Теперь все убеждены — коня надо перетащить к подножью храма…

Приближается полночь… На главной площади Трои стоит огромный деревянный конь. Вокруг валяются перепившиеся на радостях защитники города… В полной тишине раздается негромкий шорох. Это открывается потайной люк в брюхе коня. Одиссей с товарищами выходят наружу. Крадутся к воротам, умерщвляют стражу. Открывают ворота…

Огромный костер озаряет ночь. Это условный сигнал кораблям, которые укрылись за ближайшим островом. Возвращаются к берегу корабли. Мчатся к Трое ахейцы на помощь Одиссею, который ведет бой у открытых ворот… Теперь — все!.. Резня… Грабеж… Рушатся охваченные пожаром здания… Рушится дворец Приама… Победители приканчивают мужчин. Женщин и детей забирают в плен.

По залитой кровью, освещенной пожаром улице Менелай ведет к своему кораблю Елену. Он по-прежнему любит ее — так велит Афродита… А до войны с персами еще 800 лет.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

которая возвращает нас в пятый век до нашей эры и знакомит с древними греками. После небольшой лекции события начинают раскручиваться с кинематографической быстротой

Два человека в коротких синих хитонах стояли на носу корабля, рядом с нами. Старший из них — атлетического телосложения мужчина, лет сорока на вид, с проседью в черных вьющихся волосах и золотой серьгой в мочке правого уха, тревожно следил за суетой кружащих над морем чаек. Из-под его легкого, накинутого поверх хитона шерстяного плаща, виднелась рукоять заткнутой за пояс плети… Другой был почти юноша, с бронзовым от загара еще безусым и безбородым лицом. На поясе у него висел короткий широкий меч. Положив на борт обнаженные до плеч руки, он беззаботно наблюдал за играющими в волнах дельфинами…

— Отвлекись, Атрид! — Старший тронул юношу за плечо. В его голосе звучала тревога. — С того дня, как «Геракл» покинул гавань Милета, чайки впервые прилетели к нам с левой стороны. Они появились слева, и я не вижу ни одной, которая перелетела бы на правую сторону… Это дурное предзнаменование!

— Слева идет сардина, — спокойно возразил юноша. — Видишь, дельфины тоже охотятся.

— Вижу… Но почему боги сделали так, что сардина идет слева, а не справа от нас?

— Мы слишком близко от берега. Если бы рыба шла так, как ты говоришь, отец, дельфины загнали бы весь косяк в бухту.

— Пожалуй, ты прав, Атрид. Но когда ты повидаешь с мое и сам станешь кормчим, ты поймешь: всему можно найти объяснение… только не воле богов!.. Пожелай боги иное, этот косяк мог бы пройти здесь в другое время. Раньше или позже нас… Взгляни!.. Нам не избежать несчастья!..

Прямо перед носом «Геракла» на волнах покачивался мертвый дельфин.

— Мистика! — Каген пожал плечами. — Если так рассуждать, все на свете — какая-нибудь «дурная примета»!

— Особенно, если для тревоги есть и другие, должно быть, более веские основания, — задумчиво сказал Александр Петрович, взглянув на таймер. — Во всяком случае, мы знаем теперь, что находимся на древне-греческом корабле, который

идет из Милета… А беспокойство кормчего нетрудно понять… «Геракл» непозволительно перегружен!

А. П. указал на палубу, на которой теснились утомленные долгим плаванием пассажиры — мужчины, женщины, дети… Сквозь большое квадратное отверстие в средней части палубного настила мы видели, что и под ним, внутри корабля, тоже находились люди и грузы… Можно было не сомневаться: если бы нам пришлось просить кормчего взять нас на борт, он бы наверняка отказал. Хорошо, что мы не занимали никакого места и могли проходить там, где никто другой не прошел бы!

Свежий морской ветер, надувающий огромный, похожий на крыло четырехугольный парус «Геракла», приятно обдувал наши тела. Мельчайшая водяная пыль, взлетающая из-под носа быстро бегущего корабля, холодила нам лица и руки. И хотя кожа на них по-прежнему оставалась сухой, мы почувствовали некоторое облегчение. Нкале очнулась от обморока. Лицо ученого оживилось… Стало быть, наш час еще не пробил! Отсрочка давала нам возможность осмотреться, пройтись по палубе, прислушаться к разговорам…

Но начинать надо было с другого. Мы ведь ничего, ну абсолютно ни крошечки не знали о Древней Греции!

— Я буду краток, — сказал Александр Петрович.

— Максимально, — сказал Каген.

— Перехожу к делу!.. Если вы думаете, что Древняя Греция — какое-то одно единое государство, вы ошибаетесь! Древняя Греция — это великое множество крохотных, очень дорожащих своей независимостью государств, каждое из которых состоит обычно всего только из одного города и прилежащих к нему селений. Назову главнейшие… В южной части Европы — на Балканском полуострове — это Афины и Спарта… Среди островов, образующих архипелаг между Балканами и Малой Азией, крупнейший из них — Крит. Более тысячи лет назад, находясь в Вавилоне, мы познакомились с одним из тогдашних жителей этого острова — критянином Анхиалом, помните?

Еще бы!.. Разве мы могли забыть Кузнечика и Анхиала!..

— А Милет? — напомнила Нкале. — Где это?

— Милет, — сказал Александр Петрович, — один из главнейших городов-государств на западном берегу Малоазийского полуострова. Говорят, что именно в этом городе жил и создал свои бессмертные поэмы величайший поэт древности слепец Гомер… — Академиков на секунду задумался, затем продолжал: — В понятие древней Греции входят также многочисленные, совершенно самостоятельные города-колонии, основанные греческими переселенцами вдоль всех южных берегов

Европы и по всему Черноморскому побережью, включая Крым и Кавказ… Я думаю, что как раз в одну из таких колоний и направляются сейчас наши спутники…

Нкале открыла рот, чтобы что-то спросить, но Академиков остановил ее.

— Все древние греки, — продолжал он, — где бы они не жили, называют себя эллинами. Они говорят на одном языке, давно уже владеют настоящей буквенной письменностью, верят в

одних и тех же богов. И государственное устройство у них приблизительно одинаковое… Во главе каждого города-государства стоит избранный всем народом племенной вождь — басилевс, или, если хотите, царь-полководец. А порой их бывает даже два сразу. Ни одному из этих царей никогда и не снились такие богатства и такая власть, какими обладали правители огромных восточных деспотий. Объяснение: в маленьком государстве, даже нападая на своих соседей, никаких особенных богатств не награбишь и, я думаю, это еще важнее — все, что ты делаешь, у всех на виду! И скинуть такого царя, если он вздумает вдруг непомерно притеснять свой народ или окажется плохим полководцем, не так уж трудно. Достаточно, чтобы Совет Старейшин вынес соответствующее решение, а Общенародное Собрание, которое ежемесячно происходит на главной городской площади, этот приговор утвердило… Ну, тут, конечно, бывают и разногласия. И дело порою доходит до кулаков. Потому что Совет Старейшин состоит обычно из родовой знати — аристократов, а в Общенародном Собрании участвуют все свободные граждане: простые земледельцы, ремесленники, корабельщики, торговцы, воины, рыбаки… Все они называются одним словом — демос. Демос — означает народ. И потому государство, в котором народ добился права диктовать свою волю правителям, называется демократическим…

— А женщины в этих собраниях тоже участвуют? — спросила Нкале.

— Ни в коем случае! Ни женщины, ни рабы!..

— Две минуты! — как можно вежливее сказал Каген. — Я насыщен знаниями!.. Но теперь, пока морской воздух не перестал действовать и силы снова не оставили нас, давайте пройдемся по кораблю. Перейдем к практическим занятиям!

Предложение Кагена было тем более правильным, что кормчий и юноша Атрид, которых мы считали уже своими знакомыми, успели за это время покинуть нос корабля и перейти на корму.

«Геракл» имел метров двадцать в длину и около пяти в самом широком месте — посередине. Вдоль его бортов, по семь человек с каждой стороны, прикованные цепями к низким скамьям сидели полуобнаженные гребцы — рабы. На спинах некоторых из них виднелись следы от ударов плети. Попутный ветер подарил этим измученным людям благодатную передышку. Вытащив из воды и закрепив в уключинах длинные весла, они отдыхали. Кто молча вглядывался в скользящий справа от нас гористый берег, кто тихо переговаривался с соседом. Седой старый гребец, мимо которого мы проходили, затянул песню:

Тень, что падает от меня, в палубе след протерла.
Весла к моим приросли рукам, пот разъедает цепи.
Дом далеко.
Постарела жена…
Но мальчики стали мужами.
Я трижды бежал. Я сто раз был бит…
Пора, сыновья! Пора вам!..

— Замолчи, раб! — гневно крикнул богато одетый средних лет пассажир, с рыхлым надменным лицом и сильными, но изнеженными, руками. — Это бунтовская песня!

Я трижды бежал… Я сто раз был бит…
Пора, сыновья! Пора вам!

Старик повторил последние слова песни, словно не слыша окрика.

— Ах так! — Кулак богатого пассажира взметнулся над стариком.

— Не горячись, Кнемон! — Черные пальцы поднявшегося позади старика гребца-негра охватили запястье занесенной для удара руки. — Старик — не твой раб, Кнемон. И здесь не Милет. Здесь — море.

Насмешливо улыбаясь, могучий негр мягко опустил руку злобного пассажира.

— Ты посмел коснуться аристократа, пес?! — Лицо Кнемона побледнело от ненависти. — Ну погоди же, ты за это поплатишься! Я откуплю тебя у кормчего, раб, и клянусь Милетом…

— А я убью тебя, Кнемон, — все с той же улыбкой, спокойно сказал негр. — Иди, откупай… Но не клянись тем, чего нет. Ты же знаешь, что Милета больше не существует.

Он отбросил руку Кнемона и неторопливо опустился на свое место.

Ошеломленные, мы повернулись к Александру Петровичу:

— Что он говорит? Почему Милета не существует?

— Он говорит правду, — сказал Академиков. — Во второй половине шестого века до нашей эры персидский царь Кир

завоевал Малую Азию и подчинил себе почти все греческие города на ее побережье. В том числе и Милет… Около трех десятилетий спустя, уже при Дарии, Милет поднял восстание малоазийских греков против персидского владычества. На помощь восставшим пришли только Афины. Они послали к Милету два десятка своих кораблей. Этого было слишком мало. А все другие греческие города-государства по разным причинам восстания не поддержали… И вот результат!.. Взгляните, наши таймеры показывают 494 год до нашей эры. Милета больше не существует! Несколько месяцев назад Дарий стер его с лица земли… Сжег и разрушил до основания! А все жители, кто остался в живых, были угнаны в плен или проданы в рабство…

— А все эти люди? — Нкале обвела рукой палубу «Геракла».

— Несомненно, беженцы!.. Потому-то я и высказал предположение, что они направляются в одну из колоний… Скорее всего, в Пантикапею. Эта черноморская колония в районе Керченского пролива была основана два или три века назад выходцами из Милета…

Кнемон между тем был уже на корме. По всем признакам он жаловался кормчему на своих оскорбителей. Он показывал в их сторону, тыкал пальцем в торчащую за поясом кормчего плеть,

хватал за плащ и побуждал немедленно идти к нарушителям дисциплины. Кормчий внимательно слушал го, сочувственно покачивая головой, но и не думал трогаться с места. Презрительная улыбка, блуждающая на губах полуотвернувшегося от них Атрида, свидетельствовала, что этот Кнемон не пользуется его симпатиями. Мы направились к ним…

После всего, что А. П. рассказал нам о Древней Греции и о гибели Милета, я с особенным вниманием присматривался к людям, мимо которых мы теперь проходили. Больше всего здесь было детей и женщин. Но были и мужчины. У многих из них на коже виднелись шрамы от ожогов и ран. Судя по одежде и украшениям, тут были и богатые люди, и бедняки — все вперемешку. Улыбки можно было заметить только на лицах детей. Лица взрослых были озабочены и печальны. И ничего странного: потерявшие своих близких, лишившиеся, наверно, всего имущества, видевшие гибель родного города и не знающие, что их ждет впереди, — чему они могли радоваться?!. И в тоже время — это бросалось в глаза — ни на одном из этих лиц не было и следа униженности или покорности. В любом из них было больше чувства собственного достоинства, внутреннего благородства и какой-то особенной независимости, чем на лицах тех, например, высокопоставленных чиновников, которые чуть не на коленях подползали к трону его величества императора Цин Ши… Чувствовалось, что эти люди действительно свободны!

Женщины ухаживали за детьми, что-то шили или вязали. Мужчины тихо разговаривали между собой. Некоторые закусывали — ели чеснок и хлеб, макая его в оливковое масло, и запивали разбавленным водою вином… О, черт! — лучше бы я этого не видел! Нестерпимое ощущение жажды и голода снова стиснуло мне желудок и подкатило комком к горлу. Наверно, то же самое почувствовали и мои товарищи: не сговариваясь, мы ускорили шаг и чуть не бегом выскочили на корму, где Кнемон все еще продолжал уговаривать кормчего. Кормчий, однако, не поддавался.

— Нет, Кнемон, не проси, — говорил он. — Выслушай мои доводы. Как я могу продать тебе самого лучшего своего гребца, если мне некого посадить на его место? Ведь ты же, несмотря на всю справедливость своего гнева, не сядешь вместо него на весла?

Кнемон высокомерно вскинул голову:

— Разумеется, нет! Но я предлагаю деньги.

— Деньги? — усмехнулся кормчий. — Деньги — прекрасная вещь, но только при определенных условиях. Ради них ты в свое время примирился с персами и согласился стать их казначеем в Милетском порту. Ради них же ты изменил Дарию и

присоединился к восставшим. Благодаря этому у тебя на руках осталось все то золото и серебро, которое ты должен был сдать персам. Ничего не скажешь — ты поступил хитро. Дарий даже назначил огромный выкуп за твою голову… Но что толку?.. Здесь — море! Сейчас мне один гребец дороже всех твоих денег!.. И, кроме того, учти! — отказываясь продать тебе нубийца, я спасаю тебя, Кнемон. Потому что если он сказал, что убьет тебя, он убьет… Без всякого выкупа. Просто задушит!.. Боги не простили бы мне этого.

Кормчий говорил очень сдержанно и по виду благожелательно. Не к чему было придраться. И все же в его словах чувствовалась издевка, а глаза были устремлены мимо Кнемона, в морскую даль, где слева от нас продолжали кружиться чайки. Они волновали его гораздо больше, чем все заботы Кнемона. Кнемон, однако, не отступал.

— Хорошо, — сказал он. — Но согласись, Нубиец должен понести наказание. Он посмел схватить меня за руку. За каждый полновесный удар твоей плети по его спине я заплачу тебе. За каждое его ухо.

— Невозможно, Кнемон! Ведь ты собирался избить моего раба. Моего, понимаешь? Нубиец помешал тебе? Да!.. Но он защищал мои интересы. Как же я могу наказывать раба за то, что он предан мне?..

— Рыбачья лодка, отец! — внезапно окликнул кормчего Атрид, который, делая вид, что совершенно не интересуется разговором, все время смотрел в сторону берега. — Два человека!..

Все повернулись на зов юноши. Впереди, примерно в четверти мили от нас, недалеко от берега покачивалась на волнах маленькая рыбачья лодка. Двое рыбаков выбирали рыбу из установленных на мелководье сетей.

— Вот решение нашего спора, Эргин! — обрадованно воскликнул Кнемон, повернувшись к кормчему. — Тебе нужны гребцы?.. Покупаю обоих и отдаю за одного Нубийца. Нужно только заманить их сюда. Будто мы хотим купить рыбу.

Глаза кормчего сверкнули пиратским блеском. С точки зрения этого свободного грека, купца и морехода, пара беззащитных чужаков была вполне законной добычей. Но он не спешил с ответом. Взгляд его медленно переходил с работающих у берега рыбаков на парящих над морем чаек. И вдруг мы увидели, как несколько птиц в погоне за рыбой перелетели направо от корабля. За ними еще несколько. Еще и еще… Через минуту уже не меньше половины всей стаи кружило по правую сторону «Геракла».

— Доброе предзнаменование! — сверкнув зубами, облегченно сказал кормчий. — Их надо, конечно, взять!.. Но мне не нужна твоя помощь, Кнемон. И Нубийца ты не получишь!..

С этого момента события на «Геракле» пошли с кинематографической быстротой. Весть о том, что кормчий собирается захватить рыбаков, мгновенно разнеслась по кораблю и вызвала всеобщее одобрение. Почти все, кто находился на палубе, скопились у правого борта. Рулевой направил «Геракла» ближе к берегу, и, как только расстояние между кораблем и рыбаками сократилось до того, что можно было вступить в переговоры, матросы начали убирать парус. «Геракл» остановился.

Тут с первых же слов выяснилось, что рыбаки не очень-то понимают по-гречески, а на корабле никто не знает их языка. Пришлось объясняться с помощью жестов. В конце концов рыбаки поняли, заулыбались и направили свою лодку к «Гераклу». Они не почувствовали западни. Немного дальше по берегу, в небольшой скалистой бухточке, находился рыбацкий поселок с людьми и лодками. Поэтому рыбаки считали себя в безопасности.

Атрид приготовил длинную веревку с большим бронзовым крюком на конце. Позади юноши, прячась за спинами толпящихся у борта людей, стояли трое вооруженных луками матросов, готовых выдвинуться вперед и взять рыбаков на прицел, как только Атрид зацепит лодку.

И вдруг, когда лодка была уже менее чем в ста метрах от нас и все было готово для завершения вероломного замысла, старый гребец вскочил с места и, вспрыгнув на скамью, закричал рыбакам на их языке.

— Назад!.. Назад, или будете захвачены в рабство!..

Услышав родную речь и увидев, как плеть кормчего обвилась вокруг голых ног старика, рыбаки мгновенно повернули к поселку.

Старик опустился на скамью. Он не ждал пощады и не желал оправдываться. Несколько секунд он и кормчий смотрели в глаза друг другу, а затем кормчий отвернулся.

— Сто ударов! — приказал он надсмотрщику.

Двое дюжих матросов повалили старика лицом вниз, на скамью, к которой он был прикован. Все, кто были вокруг, поспешно расступились, освобождая место надсмотрщику, выступившему вперед, с длинным сыромятным бичом в руках. Один только Нубиец, прикованный позади старого гребца, с состраданием смотрел на него.

— Ну зачем ты это сделал, Старик? — шептал он. — Пусть бы кормчий взял этих людей, нам было бы легче…

— Если тебе доведется встретить моих сыновей, Нубиец, скажи им…

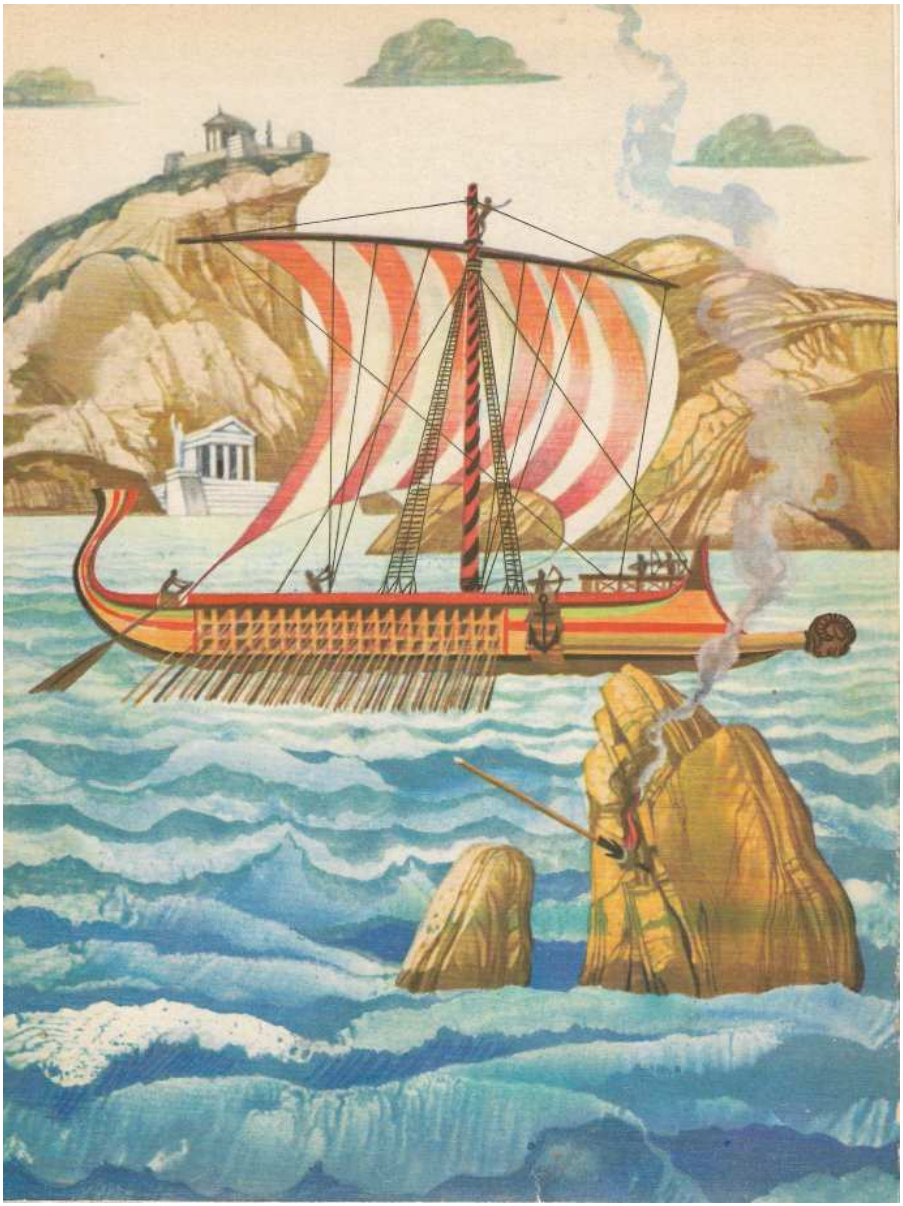
Старик не договорил. Бич надсмотрщика просвистел в воздухе, и мы с ужасом отвернулись от гнусного зрелища, которое должно было сейчас разыграться… Но удара не последовало…

Первыми заметили персидский военный корабль и подняли тревогу гребцы, сидящие на своих скамьях лицом к корме.

— Оглянись, кормчий!.. — голос Нубийца разнесся над палубой, как гром колокола. — Перс гонится за «Гераклом»!..

Огромный двухмачтовый корабль с раздутыми, словно рвущимися в высь парусами мчался к нам. С каждой стороны его было по три ряда расположенных друг над другом весел. Словно лучи бесчисленных прожекторов, они вспыхивали на солнце, когда гребцы поднимали их над водой. На носу корабля вместо бушприта выступал громадный медный таран в виде бараньей головы с закрученными рогами…

Разумеется, с того расстояния, которое отделяло нас от персов — между нами было еще около двух миль, — мы не могли ничего еще рассмотреть. Все эти и другие подробности о персидской трireме, как называли греки чужой корабль, мы узнали из разговоров пассажиров, пока возвращались на корму вслед за кормчим.



Научная тетрадь № 7

53. РАССУЖДЕНИЕ О ТАЙНЕ. (Написано Александром Петровичем). Вы спрашиваете: что такое тайна? Почему все скрытое, запретное, непонятное нас так волнует? Почему нам всегда хочется раскрыть секрет, докопаться до истины, узнать разгадку?..

Отправимся в самую давнюю давность — к первой молекуле живого белка. Почему она не погибла? Ответ один: в основу всего живого заложена программа самосохранения. Это свойство заставляет живую молекулу с самого начала сопротивляться всему, что может ее погубить, и стремиться ко всему, что ей полезно. Как она это определяет? По раздражению!.. Все, что касается живой молекулы, служит для нее раздражителем — то есть сигналом.

Механическое прикосновение, влажность, химическое воздействие, перемена температуры, электромагнитные волны, свет, запахи, звуки — все это сигналы, которые раздражают живую клетку. Чтобы правильно на них отвечать — реагировать, она должна эти сигналы непрерывно оценивать. Иначе говоря, подвергать расшифровке! В зависимости от этой оценки — «да», «хорошо», «приятно» или «нет», «нехорошо», «противно» — она отвечает на сигнал, действует. Простейший пример: под микроскопом видно, как амеба стремится к свету и «убегает» от соли.

Это свойство — воспринимать и расшифровывать сигналы — охраняет живую клетку даже тогда, когда се другие признаки жизни полностью замирают. Оно всегда начеку! Например, бактерия, которая образовала спору, может прождать тысячи лет, пока благоприятный сигнал не возвратит ее к нормальной жизни. Другой пример: семена растений начинают прорастать, только получив сигнал: «влажно, тепло»…

Только правильно понятый, правильно расшифрованный

сигнал может обеспечить живому существу его безопасность и благополучие. Всякий непонятый или понятый неправильно сигнал грозит гибелью.

Сам по себе сигнал — всего лишь намек на что-то. А это и есть тайна! Расшифруй сигнал и получишь информацию — знание. Необходимое условие получения правильной информации — накопление опыта расшифровки.

Чем совершеннее живое существо, тем разнообразнее сигналы, которые оно способно воспринимать и расшифровывать. Вся нервная система и ее главная часть — головной мозг — только для того и развились. Получение сигналов, расшифровка их и управление ответными действиями — работа нервной системы и головного мозга. Они производят ее даже, когда животное спит.

И тут возникает новое обстоятельство. В процессе борьбы за существование у животного появляется способность не только получать, перерабатывать и передавать информацию, но также и утаивать ее и давать ложную информацию, когда это ему полезно… Вы чувствуете, мы приближаемся к детективу!

24
27
28
30

Вот, скрываясь между кочками, в траве кормится заяц. То, что он сейчас здесь и занят кормежкой — это его, заячья, тайна. А лиса между тем уже вынюхала его и подкрадывается к нему с подветренной стороны, чтобы ветер не донес до него ее, лисий, запах… Вот кошка подбирается к компании воробьев. Она не прячется от них, но делает вид, что смотрит в другую сторону. Если воробьи хотят уцелеть, они должны сообразить: обман!.. Вот по зеленой веточке ползет маленькая зеленая гусеница. Чуть что — и она уже застыла на месте, вытянувшись торчком, неотличимая от зеленого стебелька. Ложная информация! Но та птица, которой нужно накормить своих птенцов, должна эту ложь раскрыть. Иначе птенцы погибнут от голода. И она раскрывает!.. Не только ради себя, но и ради птенцов — заметьте это! И так же поступает вожак стада антилоп, который стоит на страже, пока другие пасутся…

А человек? Его головной мозг достиг своего совершенства в постоянном общении с другими людьми. Он понимает — опасность, грозящая другим людям, — его опасность. И потому инстинкт самосохранения велит ему разгадывать тайны уже не для одного себя, своих детей и знакомых. Его беспокоят тайны, которые касаются даже незнакомых ему людей!.. Не в этом ли причина того, что, даже читая книгу, мы начинаем волноваться и искать выход, когда перед нами возникает тайна и герой попадает вдруг в трудное положение!..

Чем дальше, тем больше самых различных знаний надо иметь для расшифровки все новых и новых тайн. Пока нервные клетки накопляют знания и производят расшифровку — они живут. Лиши их этого — они погибнут!.. Вот почему наши серые клетки охотно хватаются даже за такие дела, как всякие замысловатые игры, загадки, кроссворды, ребусы, детективные истории… Они тренируются. Начинается с этого, а кончается разгадкой таких волнующих воображение тайн, как тайна происхождения жизни, тайна атомного ядра, тайны других миров! Серые клетки живут этой работой. А в основе их деятельности — все тот же инстинкт самосохранения, запрограммированный в каждой живой молекуле!

И теперь вам должно быть ясно, почему, узнав какую-нибудь тайну, мы тут же стремимся, рассказать другим о своем открытии. Ведь если бы мы не передавали добытую нами информацию друг другу, жизнь не могла бы развиваться нормально — каждому приходилось бы всякий раз начинать сначала, заново попадать впросак. Потому-то нам и бывает порой так трудно держать язык за зубами. Например, не подсказывать в

школе!.. А теперь пораскиньте умом и попробуйте сами объяснить, что означает пословица: «Любопытство не порок, а простое свинство!»

54. Придумал!.. отличным примером, к чему ведет неправильно понятный сигнал, могут служить ночные мотыльки, которые летят из темноты на огонь. Они летят на огонь, порхают вокруг и падают с опаленными крыльями… Что-то у них не так срабатывает!

Наверно, далекие-предалекие предки этих мотыльков жили при дневном свете и резвились на солнышке. Потом, по каким-то причинам, они перестроились на ночной образ жизни. А влечение к свету так и осталось. И теперь их потомки любое пламя принимают за солнечный свет! И платятся за эту ошибку жизнью… А еще, возможно, у них сбито и температурное чувство. Но проверить это я не могу.

55. Открылась выставка ювелирных изделий.

— Пойдем! — предложила Ленка.

А Генка сказал:

— Подумаешь, украшения! Кому это нужно?!

— Мне это нужно, — сказал А. П. — Если хотите знать, то, по моему мнению, вся современная металлургия возникла из ювелирного дела!.. Ведь с чего началось? С того, что наш Чарли когда-то и где-то нашел золотой или серебряный самородок. Невиданный материал красиво блестел и от ударов не ломался, а гнулся и плющился. И Чарли сделал из него, предположим, бляшку себе на шею, а может, пуговку или серьгу. Ничего другого он и не мог сделать — слишком уж мало этого металла у него было. Зато в процессе работы он научился его ковать и чеканить, скручивать и вытягивать, плавить и отливать в форму… С этого и пошла металлургия!.. Но и ювелирное искусство осталось. И если бы я мог, то сочинил бы гимн ювелирам. Пошли на выставку!..

56. Древние греки называли свои города-государства — «ПОЛИС».

Город, основавший колонию, получал название «МЕТРОПОЛИЯ» — материнский город, отечество. Но город-колония тоже назывался полисом — государством. Он ни от кого не зависел. Не то, что теперешние колонии!..

От слова полис происходит слово ПОЛИТИКА. Оно означает — учение о государстве, о его внутренних и международных делах. Люди, которые занимаются государственными делами, называются политическими деятелями, или политиками.

57. ЗЕВС ОЛИМПИЙСКИЙ. Чтобы воцариться на Олимпе и стать главным среди богов, Зевс должен был свергнуть своего отца Кроноса. Битва между ними произошла якобы в долине реки Алфея, на северо-западе Пелопонесского полуострова. Как известно, Зевс победил. Позднее, в честь его победы, на том месте, где они сражались, был выстроен великолепный храм, а вокруг храма раскинулся городок — Олимпия. Городок был маленький, но слава его не умерла в веках. Начиная с 776 года до нашей эры там проводились знаменитые, посвященные Зевсу, Олимпийские игры. По легенде первым их участником был сам Геракл…

Олимпийские игры проводились летом, один раз в каждые 4 года. Ничто не могло этому помешать. Даже если была война, греческие государства, которые в ней участвовали, заключали перемирие на все время Олимпийских игр. Из всех частей страны, с островов и из отдаленных городов-колоний собирались в Олимпию атлеты, чтобы принять участие в спортивных соревнованиях. 40 000 болельщиков, прибывших со всех концов Греции, заполняли трибуны огромного стадиона. И не было большего греха и позора, чем попытаться сжульничать или проявить вероломство, добиваясь победы. Такой человек обесчестил бы город, который его послал.

День за днем упорно соревновались атлеты. Бег сменялся борьбой, кулачный бой — пятиборьем. Завершались соревнования массовой гонкой четырехконных колесниц… А потом наступал день присуждения наград. Победителей увенчивали оливковыми венками, облачали в пурпурные плащи чемпионов. Их мраморные статуи устанавливались под колоннами храма. А в самом храме раздвигался огромный занавес, открывая гигантскую статую Зевса, восседающего на троне. «Афинянин Фидий, сын Хармида, создал меня» — было высечено на ее подножии. Эта статуя не имела равных. Высота ее была 17 метров. Лицо, руки и стопы были сделаны из полированной слоновой кости. А плащ — из чеканного золота. Статуя была так велика, что голова ее находилась под самым потолком храма. Никаких окон в храме не было — свет проникал только сквозь двери. И вот, чтобы высветить в темноте лицо Громовержца, Фидий придумал научный трюк. В центре храма он сделал бассейн. Когда его до краев залили маслом, он стал, как лежащее на полу большое зеркало. И сноп света, падающий через открытую дверь снаружи, отражаясь от этой поверхности, направлялся вверх — к лицу божества, словно луч прожектора…

— Великое несчастье умереть, не увидев подобного чуда! —

говорили греки…

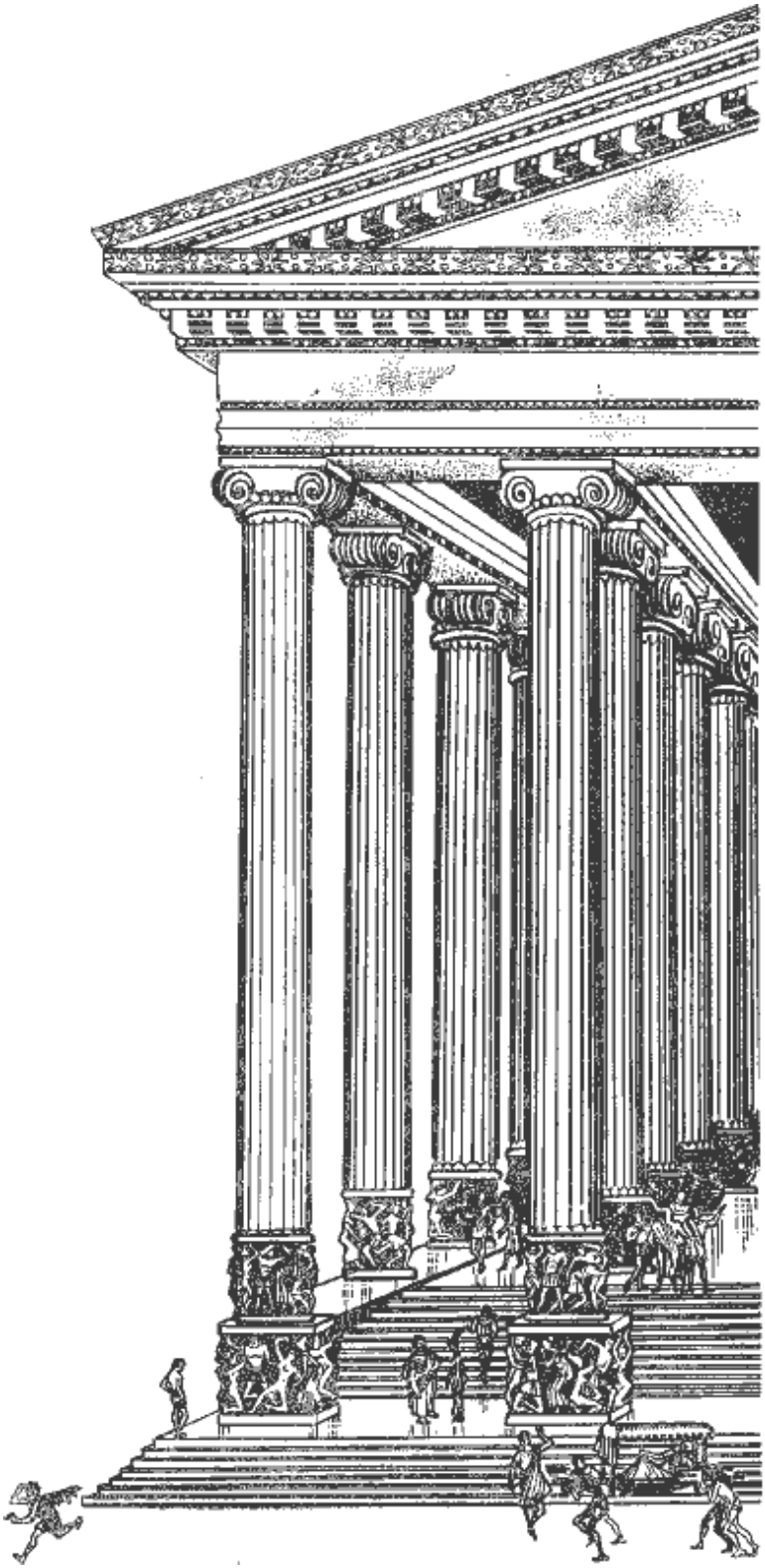
Но мы с вами его никогда не увидим. Через тысячу лет после того, как статуя была создана, один Византийский император вывез ее из Олимпии в Константинополь. Там она и сгорела вместе с его дворцом, в пятом веке уже нашей эры. Ничего не осталось. Только среди золы и пепла пожарища долго еще находили застывшие слитки золота. Но грош им цена была, этим слиткам, по сравнению с безвозвратно погибшим творением Фидия, одного из самых гениальных скульпторов древности.

58. ХРАМ АРТЕМИДЫ. Древне-греческие торговые города-государства на побережье Малой Азии были очень богатыми. Свое богатство они старались выразить постройкой великолепных храмов. В этом они соревновались. Но в то же время, когда какой-нибудь город затевал сооружение особенно прекрасного храма,

все другие ему помогали.

В этих храмах не только молились и совершали жертвоприношения. В них собирались, как в клубы. На их ступенях ученые и философы беседовали со своими учениками. Под их колоннами искали убежище беглые рабы и преступники — никто не смел тронуть того, кто отдавал себя под защиту божества. В храмах хранились выдающиеся произведения живописи и скульптуры. Храмовые жрецы принимали на хранение золото и серебро и под проценты выдавали займы… Так что, помимо всего прочего, эти храмы были еще чем-то вроде музеев и банков.

Все это относится и к знаменитому храму Артемиды-охотницы — богини плодородия, покровительницы малоазийского города Эфеса. Строительство его началось в 6 веке до нашей эры. Критский архитектор Хейрократ специально переселился в Эфес ради этого дела. После смерти Хейрократа постройку продолжал его сын — Метаген, а заканчивали уже совсем чужие. В этом нет ничего странного — храм строился 120 лет. О том, как он выглядел, можно судить по тому хотя бы, что крыша его опиралась на 127 стройных, похожих на стволы корабельных сосен, колонн, высеченных из снежно-белого мрамора. Высота их достигала восемнадцати метров…



Храм Артемиды Эфесской по праву вошел в список семи чудес света. Но это не все… В 356-м году до нашей эры с ним произошла страшная вещь…

Человека, который его сжег, звали Герострат. Чудовищное тщеславие всю жизнь владело этим подонком. Прославить свое имя какими-нибудь достойными делами у него ума не хватило. Вот он и решил сжечь храм Артемиды, чтобы о нем заговорили. Он так и признался на суде, жалкий завистник!.. Случай этот, однако, очень поучительный. Он наглядно показывает, как опасны разные тщеславные личности со своими непомерными претензиями…

Герострата, конечно, казнили. А храм отстроили еще лучше прежнего. Вся Древняя Греция собирала на это средства…

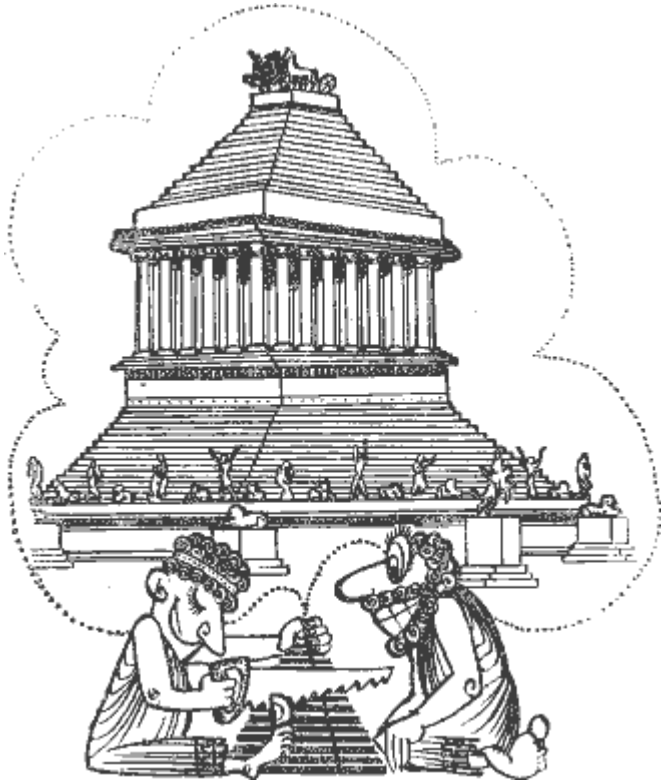
Ни персы, ни Александр Македонский, ни древние римляне, военные пути которых проходили через Эфес, не причинили вреда этому храму. Даже варвары-готы, когда вторглись в Малую Азию, не тронули самого храма, а только разграбили хранящиеся в нем богатства. И все же в начале нашей эры он был разрушен. А сделали это христианские фанатики, которые считали самым богоугодным делом громить языческие святилища во славу своего Иисуса Христа… Ну, чем они лучше Герострата после этого?

59. ГЕЛИКАРНАССКИЙ МАВЗОЛЕЙ. 2300 лет назад, в малоазийском греческом городе Геликарнасе, был царь Мавсол. Перед смертью он задумал соорудить себе храм-гробницу. Для этого он нанял самых лучших архитекторов и скульпторов того времени. И предоставил в их распоряжение сколько надо рабов…

Архитекторы Пифей и Сатир придумали очень оригинальное решение. Они как бы распилили египетскую пирамиду поперек, подняли верхнюю часть и встроили между нею и основанием беломраморный греческий храм с колоннами. Великолепные статуи рычащих львов и мчащихся всадников со всех четырех сторон украшали ступенчатое подножие этого удивительного сооружения. Выше, там где начиналось основание храма, его обрамлял широкий, сделанный из полупрозрачного мрамора скульптурный пояс — фриз с изображениями битв, охоты и спортивных соревнований. За колоннами, в центре храма, стояли две человеческие фигуры — трехметровое изваяние самого Мавсола и, чуть поменьше, его жены — Артемисии. А на вершине — на высоте 13-этажного дома — четверка бешеных коней несла никем не управляемую колесницу. Эта квадрига без колесничего символизировала смерть царя…

По имени Мавсола его усыпальница и была названа

«мавзолеем».



В XV веке нашей эры христианские рыцари — крестоносцы, овладевшие Геликарнасом, разрушили и город, и мавзолей. Из добытых таким способом камней они выстроили военную крепость… Несколько обломков статуй, конская голова от квадриги да отдельные плиты бесценного фриза — вот почти все, что удалось извлечь археологам из полуразвалившихся стен этой крепости и разыскать на мусорной свалке. Но главное — это остатки двух центральных статуй. Статую Мавсола, изваянную Пифеем, собрали из обломков почти целиком, только без рук. А от статуи Артемисии, созданной Скопасом, нашли одну лишь голову. Нос отбит, губы обколоты… И все же это лицо прекрасно!..

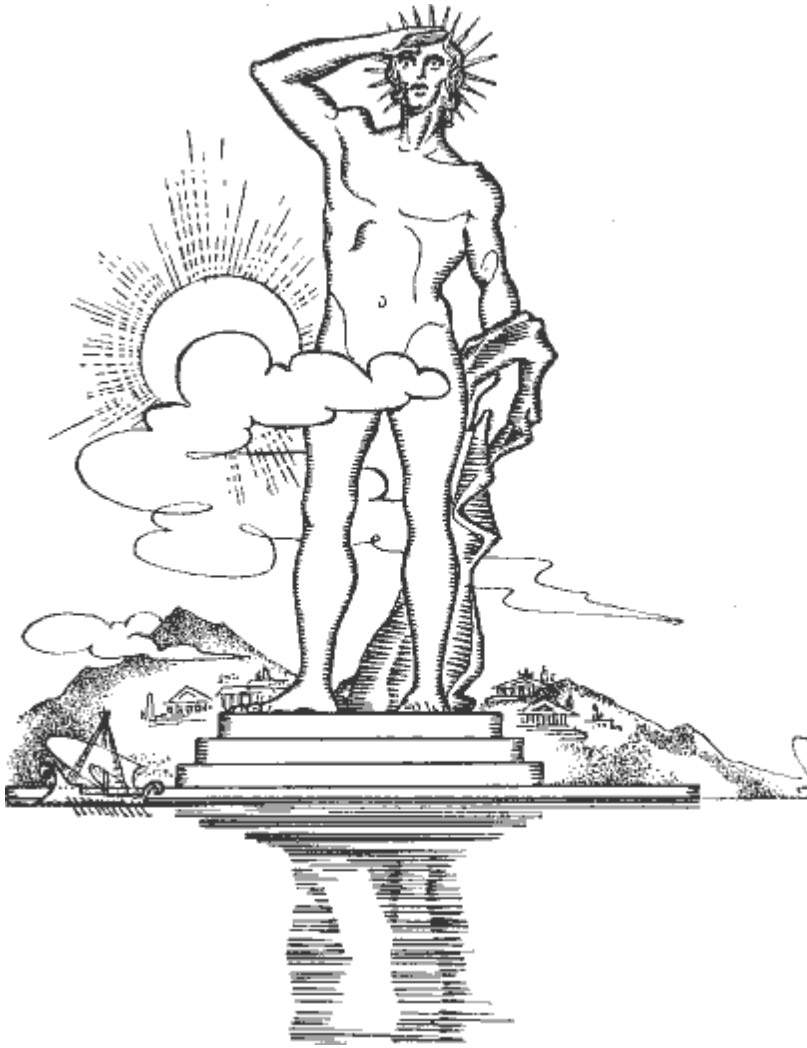
Геликарнасские археологические находки выставлены в Британском музее, в Лондоне.

60. КОЛОСС РОДОССКИЙ. В библии есть легенда. Будто царю Навуходоносору приснился однажды гигантский истукан из золота, серебра и меди. Только ноги у него были глиняные. Поэтому, когда камень, покатившийся с горы, ударил гиганта под коленки, он сразу рухнул. Отсюда и пошло выражение: «Гигант на глиняных ногах», Мол, выглядит могущественно, а на самом деле — труха!

Занятно, что поводом для легенды, по всей видимости, послужила судьба огромной статуи бога Солнца — Гелиоса,

воздвигнутой на острове Родосе, в начале 3-го века до нашей эры. Только в легенде все переврано. Во-первых, у этой статуи были отличные ноги! Во-вторых, поставлена она была на целых 300 лет позже, чем жил Навуходоносор… Но библия сочинялась еще позже!..

Создателем огромной статуи, имевшей 35-метровую высоту, был скульптор Харес. Искуснейшие каменщики, кузнецы, чеканщики и другие мастера помогали ему в работе. Сооружение статуи длилось 12 лет. И за все это время никто, даже сам Харес, не видел, что у них получается. Потому что сооружали ее без всяких лесов и подъемных механизмов, постепенно засыпая землей то, что уже было сделано. Так, скрывая статую, вокруг нее непрерывно нарастал земляной холм, по отлогим склонам которого легко было подвозить камень и железные брусья для возведения столбов опоры. К этим брусьям тут же приклепывались уже готовые, заранее отформованные чеканщиками листы из кованой бронзы. И опять подсыпали землю… Только когда вся работа была закончена, холм срыли, и перед людьми предстало удивительное творение.



Далеко с моря был виден сверкающий на солнце Колосс Родосский. Но простоял он только 56 лет. В 220 году до н. э. страшное землетрясение разрушило все постройки на Родосе. И могучие каменные столбы, служившие опорой статуе, не выдержали — ноги подломились в коленях, Колосс упал. Поднять его уже не смогли. Так и пролежал он более 1000 лет, пока его не продали на металлолом. А чтобы вывезти этот лом, потребовалось 900 верблюдов…

61. АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ МАЯК. Фара — большой яркий фонарь с вогнутым зеркалом. Происходит это слово от названия острова Фароса. В начале 3-го века до нашей эры на Фаросе был выстроен самый высокий маяк в мире — 120 метров. Его спроектировали греческие ученые в городе Александрии. А

строителем был архитектор Сострат.

Александрия находится на египетском берегу — там, где Нил впадает в Средиземное море. Между нею и Фаросом — почти километр.

Сострат начал с того, что соорудил огромный мол — морскую дамбу, которая соединяла Александрию с островом. По этой дамбе подвозили строительный материал. Через 5 лет маяк был готов.

Гигантский, словно выросший из скалы небоскреб состоял из трех высоких башен, поставленных одна на другую. Нижняя башня была квадратной. Средняя — восьмигранной. Верхняя — круглой. Ее колоннада образовывала фонарь маяка, который завершался куполом с семиметровой статуей Посейдона.

Внутри башен проходила винтовая лестница, ведущая вверх — к фонарю. По ее ступенькам всходили вьючные ослики, подвозившие горючее для пылавшего в фонаре костра. Свет пламени отражался в расставленных вокруг металлических зеркалах. Они собирали его в лучи и направляли в сторону моря, навстречу кораблям, плывущим к Александрии…

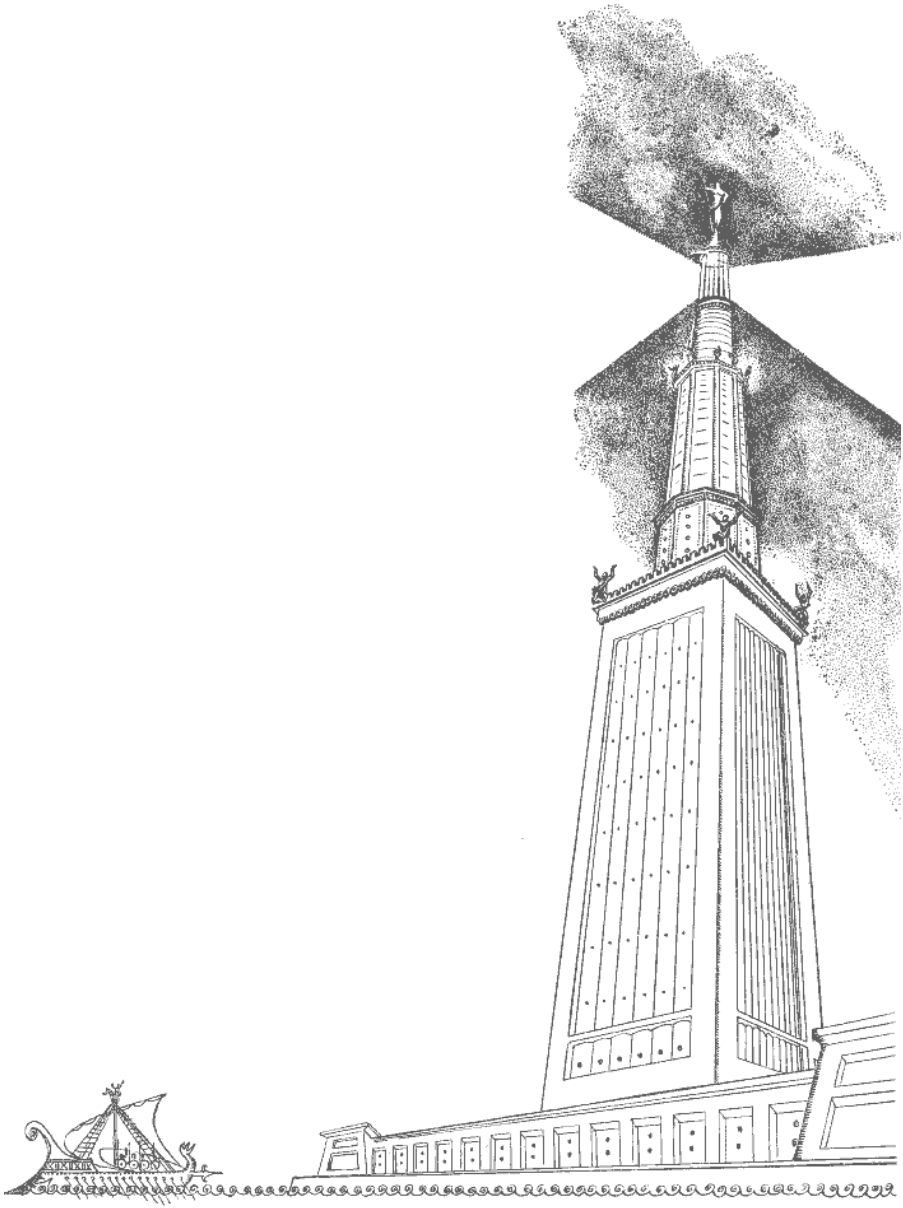
На одной из стен маяка Сострат высек надпись:

«ЦАРЬ ПТОЛОМЕЙ СОТЕР ПОСТАВИЛ МЕНЯ БОГАМ-СПАСИТЕЛЯМ, РАДИ МОРЕХОДОВ».

Так полагалось. Но Сострат схитрил. Под этой надписью он скрыл другую. В ней вместо имени царя стояло имя самого архитектора — Состратa из города Книда. И когда первая надпись со временем отвалилась, потомки прочли вторую.

Название острова стало названием маяка. А яркий фонарь с вогнутым зеркалом стал называться фарой. Только это и дошло до нас…

500 лет назад старый маяк рухнул. Время, волны и ветер разрушили его. И теперь от всех чудес света осталось только одно. Самое первое. Пирамиды.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой появляются персы и из которой явствует, что за свободу нужно бороться… В ней же происходит совершенно необыкновенная стыковка во времени и кончаются наши мучения без питья и еды

— Горе! О, горе!.. — причитали женщины, подхватывая детей и торопливо спускаясь с ними в подпалубное пространство.

Старика отвязали. Гребцы навалились на весла. Матросы снова поставили парус, и «Геракл» начал ускорять ход. Каждый, однако, понимал всю безнадежность нашего бегства.

О том, чтобы искать спасения на берегу, нечего было и думать. Все мужчины в поселке были уже вооружены и собирались теперь воспользоваться свалившейся на греков бедой, чтобы отомстить за их вероломство. Положение греков было отчаянным. Трирема приближалась. Вскоре мы могли уже рассмотреть персидских лучников, выстроившихся у бортов и на носу преследующего нас корабля. Плети надсмотрщиков взвивались над спинами гребцов-невольников. На каждого из тех, кто был на «Геракле», приходилось не менее десятка персидских воинов. Рассчитывать на спасение в таком неравном бою мог, разве только, безумец!..

Но греки не собирались сдаваться. Они были готовы к битве. Смерть страшила их меньше, чем рабство. Все мужчины, даже мальчишки, вооружились кто чем мог. На палубе появились и совсем еще юные девушки с луками и стрелами в руках.

— Если бы я могла, — с завистью проговорила Нкале, — я бы тоже присоединилась к ним!..

В это время на корме снова появился Кнемон. Хотя он и был бледен, как смерть, в руках он держал щит и копье. Только двигался он как-то отяжеленно и живот у него был гораздо толще, чем раньше. Кормчий сразу сообразил, в чем дело.

— Ты неисправим, Кнемон! — с усмешкой сказал он. — Ты нагрузил на себя столько денег, что если случайно свалишься за борт, мигом пойдешь на дно!.. А может быть, ты надеешься откупиться от пыток, если попадешь в плен?

— Может быть!.. Но лучше бы мне умереть в бою…

Как ни странно, мне показалось, что Кнемон не врет.

На палубе между тем заканчивались последние приготовления. Два матроса притащили большую амфору — остродонный заменяющий бочку сосуд из обожженной глины — и

перелили из нее оливковое масло в открытые медные котлы, установленные на корме и на носу «Геракла». Масло подожгли. Над котлами поднялся густой черный дым. Несколько мальчишек и девчонок стали около них, держа наготове палки, концы которых были обмотаны паклей, пропитанной маслом. У кого были луки, привязывали пучки пакли к наконечникам своих стрел. Мы поняли: греки собирались встретить вражеский корабль огневыми стрелами, ребята с факелами будут их поджигать…

А трирема была уже ближе полумили от нас.

Кормчий обнял Атрида.

— Ну, что ж, — сказал он, — простимся, Атрид!.. Мы родились свободными эллинами, жили свободными и умрем свободными. Свобода — дороже жизни!

— Отец! — юноша с любовью посмотрел на кормчего. — Дай мне ключ от цепи, которой скованы наши гребцы. Если на «Геракле» вспыхнет пожар, нельзя обрекать этих людей на гибель!

— Но если ты освободишь их слишком рано… Ты что? — Вопрос кормчего относился к прибежавшему на корму надсмотрщику.

— Старый раб просит тебя подойти к нему! Во имя богов, он говорит, если ты задержишься — будет поздно!

— Пойдем, отец! — видя, что кормчий колеблется, сказал Атрид. — Старик, несомненно, знает эти места. Вспомни, ведь он предупредил рыбаков на их языке.

Гребцы работали изо всех сил. Не переставая грести, Старик поднял голову и посмотрел в глаза остановившемуся перед ним кормчему.

— Чего ты хочешь? — спросил кормчий.

— Свободы! — сказал Старик. — Для себя и для всех гребцов!

— И за этим ты звал меня? Будешь просить у персов!

— Поклянись дать нам свободу, и я попробую посадить трирему на подводный риф… Только решай скорее, прежде чем «Геракл» поравняется с гротом, вход в который ты уже должен видеть впереди нас.

Действительно, взглянув на берег, мы увидели чернеющее среди скал отверстие грота. Через одну-две минуты мы должны были поравняться с ним.

— Решайся, отец! — нетерпеливо сказал юноша. — Ты же все равно хотел освободить их от цепи…

— Клянусь богами!.. Клянусь могилами предков, если ты сумеешь посадить трирему на риф, каждый из вас получит свободу!

— Добавь: «В ту же минуту», кормчий!.. «В ту же минуту!»…

Очевидно, это было очень важное добавление, потому что, прежде чем сделать его, кормчий оглянулся назад и смерил глазами расстояние, отделявшее нас от триремы. Оно не превышало и четверти мили. На палубе персидского корабля тоже были зажжены масляные котлы, и дым от них уже догонял нас…

— Клянусь, каждому из вас я дам свободу в ту же минуту, — повторил кормчий. — Клянусь Гераклом, покровителем этого корабля! Обещаю, что обмана не будет!..

Он кинул ключ надсмотрщику, и мы, еще не дойдя до кормы, услышали, как зазвенела цепь, сковывавшая старика-раба… Через несколько секунд матрос, управляющий рулевым веслом, уступил свое место Старику, который с этого момента принял командование «Гераклом». Кормчий приготовился передавать приказы Старика — матросы привыкли к его голосу.

Старик, однако, не торопился. Не теряя из виду преследующий нас корабль, он одновременно вглядывался в береговую линию, высматривая в ней только ему известные ориентиры… Он ждал, а наше нетерпение непрерывно росло и, когда, казалось, ждать больше не было уже никакой возможности, Старик начал выполнять задуманный им маневр. В то время, как сам он навалился грудью на рукоять рулевого весла, матросы, повинуясь отданному им приказу, быстро отпустили канаты, которыми была привязана нижняя рея паруса и, повернув парус около мачты, закрепили его под новым углом к ветру. «Геракл» сильно накренился на левый борт, но тут же выровнялся и, отвернув от берега, направился в открытое море… Теперь, чтобы перехватить нас, персы должны были тоже изменить курс. Сделают ли они это? Попадутся ли в приготовленную для них ловушку?.. Нет?.. Да?.. Великолепно повторив наш маневр, грозная трирема неслась наперерез «Гераклу» и неминуемо должна была настигнуть нас примерно в 100 метрах левее от одиноко стоящей в море скалы… Сколько мы ни вглядывались, мы не могли заметить никаких признаков рифа. Скала проходила справа от нас. Небольшие волны разбивались о ее подножие, а вокруг синела морская гладь, и трирема была уже совсем близко. Неужели Старик ошибся? Ведь он плавал в этих краях давным-давно, наверно, еще в молодости. А может быть, за это время морское дно опустилось и никакого рифа здесь больше нет?.. Торжествующий боевой клич персов раздался позади нас, и туча дымящихся огневых стрел понеслась к «Гераклу». Некоторые, долетев, вонзились в его обшивку. Другие, шипя, падали в воду. Греки тоже отстреливались огневыми стрелами, но видно было, что их лучники слабее обученных персидских воинов. Правый борт «Геракла» начал дымиться… И вот тут, только в этот момент,

когда казалось, что все потеряно и надеяться больше не на что, мы убедились, что риф все-таки был!.. Коварно спрятавшись в глубине, он подстерегал свою жертву и внезапно впился в ее грудь всеми своими каменными зубами. Глубоко сидящая в воде трирема налетела на него как раз в том месте, где за минуту до нее безнаказанно проскочил «Геракл»… Если бы она была конем, я бы сказал, что она остановилась на всем скаку. Дикий вопль летящих за борт людей заглушил треск ломающихся мачт и хлопанье валящихся на палубу парусов. Паруса накрыли воинов и гребцов и тут же вспыхнули, так как горящее масло выплеснулось от удара из котлов и потекло по палубе…

«Геракл» остановил бегство и, лавируя против ветра, пошел назад к скале, чтобы занять ее прежде, чем до нее доберутся спасающиеся с пылающего корабля персы… Вонзившиеся в его обшивку огневые стрелы уже были погашены, и теперь кормчий думал о том, как бы перебить побольше персов, спасти греческих рабов, несомненно находившихся среди гребцов триремы и, конечно, рассчитывал на поживу…

Старик подозвал рулевого матроса и, когда тот заступил его на кормовом весле, повернулся к кормчему.

— Теперь ты отпустишь рабов? Мы свободны, кормчий? — спросил он, словно не веря еще, что кормчий выполнит свою клятву.

— Я поклялся… Я поклялся, что отпущу вас в ту минуту, когда ты посадишь трирему на риф…

— Да, кормчий!

— Но эта минута уже прошла! Как я могу возвратиться к ней, чтобы освободить вас?.. Ни один мудрец, ни один судья, говорящий на греческом языке, не мог бы научить меня этому.

С быстротой молнии Старик наклонился и, схватив за деревянные ручки наполненный горящим маслом котел, поднял его над головой.

— Я сожгу тебя, негодяй!

Все, кто стояли рядом с кормчим, в ужасе отпрянули от него.

— Опусти котел, бешеный, и выслушай до конца! — Кормчий сделал шаг назад и вдруг рассмеялся: — Я ведь обещал тебе, что обмана не будет. Вы свободны!.. Хотя для того, чтобы выполнить свое обещание, я вынужден нарушить клятву… Надеюсь, боги простят мне это и помогут взять столько персидских рабов, сколько я захочу… Надсмотрщик, отстегни все цепи, отпусти гребцов!

Атрид осторожно взял из рук Старика котел и бережно опустил на палубу.

Кормчий подошел к Старику.

— Отныне я для тебя не кормчий, я для тебя — Эргин!.. Скажи же и мне свое настоящее имя, друг.

Но имени Старика мы так и не узнали…

— Привет вам, друзья, привет!.. — радостные голоса Сеггриджа и Рам Чарана внезапно прозвучали позади нас. Мы обернулись как ужаленные.

— Что за галлюцинация?!.

Никакой галлюцинации, однако, не было. Поперек толпы женщин и детей, выбиравшихся наверх из-под палубы «Геракла», прямо к нам двигались Рам Чаран и Сеггридж в таких же, как у нас, портретных масках и шлемах… Ну, на это зрелище стоило посмотреть!.. Плечи им оттягивали туго набитые рюкзаки, в каждой руке — по огромному тяжелому чемодану, а на поясах, по всей окружности, — разные фляжки и термосы с яркими, красивыми этикетками: «Родниковая вода», «Горячий индийский чай», «Черный кофе», «Американский напиток «Кока-Кола», «Русский квас», «Томатный сок», «Молоко», «Нарзан», «Лимонад», «Боржом», «Ессентуки № 17»… И… Я уже не знаю, что там еще у них было во фляжках и термосах, которые болтались сзади…

— Ура! — завопили мы и бросились к ним навстречу. — Как вы нас разыскали?..

Не дожидаясь ответа, мы потянулись к их поясам.

— Нет, нет!.. Первым делом надевайте рюкзаки и хватайте в руки чемоданы! Скорее, пока ваша Машина не унесла вас с пустыми руками!.. Так!.. Вот теперь пейте!.. Пейте, сколько хотите…

Мы пили все подряд — воду и молоко, квас и фруктовые соки, кока-колу, чай и все остальное… А Сеггридж и Рам Чаран перевешивали на наши пояса свою мелодично булькающую посуду и одновременно рассказывали, что произошло.

Оказалось, кто-то там, действительно, все перепутал. Наши маски и шлемы вмонтировали в пневмокапсулу, которая предназначалась для земных ученых. А выяснилось это лишь к исходу первых суток, когда мы не вернулись на базу. Лишь тогда за нами была отправлена спасательная экспедиция «Рам Чаран — Сеггридж». Они воспользовались пневмокапсулой, которая конструировалась специально для нас, имела связь с Командным Пунктом и в любой момент могла быть возвращена обратно. К сожалению, обменяться находящимися в пути пневмокапсулами мы не могли. А приступить к перемонтажу Системы было нельзя, пока мы не были обеспечены продовольствием и питьем минимум на неделю — срок, необходимый для того, чтобы переключить

управление пневмокапсулами с одной на другую…

Начиная с оазиса Гизэ, Рам Чаран и Сеггридж буквально по пятам гнались за нами. Но осуществить стыковку во времени никак не могли — промахивались. Виною тому было самопрограммирование эмвешки. Пока они возвращались на базу, чтобы выяснить, куда мы делись, эмвешка успевала совершить новый бросок…

Ну, это просто ужас, до чего мы были рады Рам Чарану и Сеггриджу! И, конечно, не только потому, что они нас спасли. Нам было страшно приятно слышать их голоса, видеть их, смотреть, как заботливо они развязывали для нас различные пакетики, открывали консервные банки, раскупоривали бутылки… Сами-то мы делать этого не могли: каждый из нас держал в одной руке чемодан, а другая работала — отправляла в рот то одно, то другое…

Увы!.. Наш дружеский банкет самым грубым образом был оборван как раз в тот момент, когда «Геракл», опережая пловцов и спасательные лодки с триремы, подошел к скале. Теперь кормчий мог диктовать персам свои условия… Но это было уже без нас… Мы не успели даже передать привет капитану Лендеду… Даже те куски, которые мы положили в рот на «Геракле», дожевывались уже в пневмокапсуле…

От всего, что нам привезли, в эмвешке теперь сделалось так тесно, что даже повернуться было некуда.

— Гу-гу-гу-гу… — с набитым ртом попытался что-то сказать Каген. Расшифровать, что он имел в виду, не могла бы и машина. Но интонация была довольная.

— Гу-гу! — в тон ему отозвалась Нкале, она тоже что-то дожевывала.

— Гу, — согласился я.

— Отпустить чемоданы и снять рюкзаки! — скомандовал Александр Петрович. — На поясах оставить только по паре фляжек! К моменту новой высадки нам ничто не должно мешать!..

— Вперед! — бодро подхватила Нкале. — Фу, дьявол! Я хотела глоток молока, а попалось что-то соленое!

— Наверно, «Ессентуки № 17», — догадался Александр Петрович. — Это для меня. Передай-ка сюда бутылку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

в которой на миг появляется Атлантида, а Тькави делает замечательное открытие, получившее название «Эффект сарая». Только о результатах этого открытия вы прочтете уже в 6-й книге

Продовольствия и питья теперь у нас было вдоволь. Казалось бы, все хорошо. Но тут-то и началось новое бедствие. Переоценивала ли эмвешка наши умственные возможности или непрерывное самосовершенствование сбило ее с панталыку, только темп перемещений вдруг так ускорился, что времена и страны начали мелькать, как кадры в разлаженном телевизоре. Не успевали мы сориентироваться и приступить к наблюдениям в одном месте, как пневмокапсула снова смыкалась и, словно котят в мешке, тащила нас дальше. Постоянное напряжение, в котором мы находились в ожидании очередного рывка, ужасно действовало на нервы. Беспомощность приводила в бешенство.

— Проклятье!.. — в отчаянии воскликнул Александр Петрович, когда перед нами, буквально на несколько секунд, открылся фантастической красоты великолепный город, окруженный тройным кольцом судоходных каналов. Вдали сверкал океан. Но мы даже на таймеры не успели взглянуть, так быстро все это произошло. — Проклятье! — каким-то дрожащим голосом повторил ученый. — Клянусь, мы видели Атлантиду!

— Этого не может быть! — буркнул Каген. — Большинство ваших земных ученых считают Атлантиду сказкой.

— А что это может быть? — еще больше разволновался Александр Петрович. — Нигде, ни в одной стране, ничего подобного!.. Легендарный остров, колыбель человеческой цивилизации, опустившийся на дно Атлантического океана за десять или одиннадцать тысячелетий до нашей эры… Следы его удивительной культуры мы находим и в Древнем Египте, и среди развалин загадочных городов Центральной Америки… Именно такой, какой мы ее сейчас видели, по рассказам египетских жрецов, описал Атлантиду древнегреческий философ Платон… И я все время мечтал, что эмвешка вынесет нас на нее… Ах, если бы мы могли задержаться!..

— Вот-вот! — подхватил Каген. — Вы мечтали! Представляли себе этот город, как он описан. А теперь докажите, что вы не внушили нам свои мысли… Гипноз это был, вот что!

Возможно, Каген просто хотел утешить Александра

Петровича, который чуть не плакал от горя. А может, его строгий научный ум не желал считаться с легендами. Но у меня был другой ум, не такой, как у Кагена, и я верил в Атлантиду не меньше, чем наш профессор. Страшная злость на эмвешку овладела мною, и тут меня осенило…

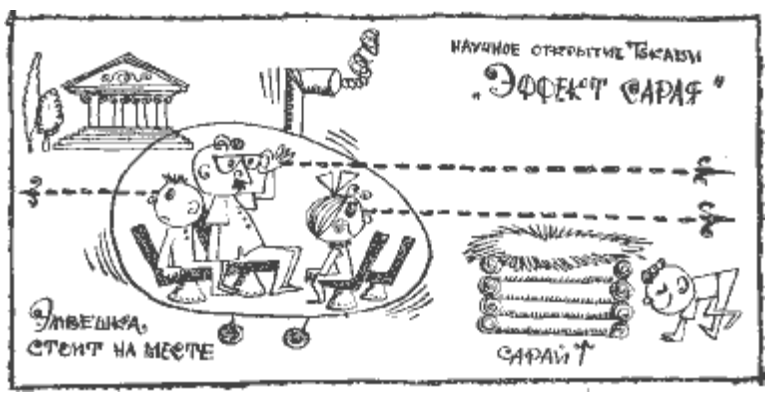
— Послушайте! — воскликнул я. — А что если Главный нарочно велел нам не разлучаться? Может, он просто боялся, что дай нам волю, мы задержимся в прошлом больше, чем надо? Ну да!.. Ведь эмвешка ни разу не позволила себе сорваться с места, если хоть одни из нас не был на виду у всех остальных! Он мог быть совсем рядом — просто отойти за какую-нибудь постройку… Например, за… сарай или за дерево… И все!.. И эмвешка уже привязана!..

— Браво, Тькави! — Нкале сразу все поняла. — Значит, чтобы держать эмвешку на месте, мы должны разлучаться! Можно ходить по одному. Или по двое. Или три и один… Назовем это открытие…

— «Эффект сарая»! — в полном восторге подхватил Каген, — Ты молодец, Тькави!

— Остается проверить на практике, — отозвался из темноты Александр Петрович. — Несомненно, сараи мы найдем во все века и у всех народов… Жаль только, что ты не сделал это открытие до того, как мы увидели Атлантиду!..

Волнение, с которым мы ждали очередной остановки, описать невозможно.



ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

которая, чтобы не тратить лишних слов, заменена рисунком

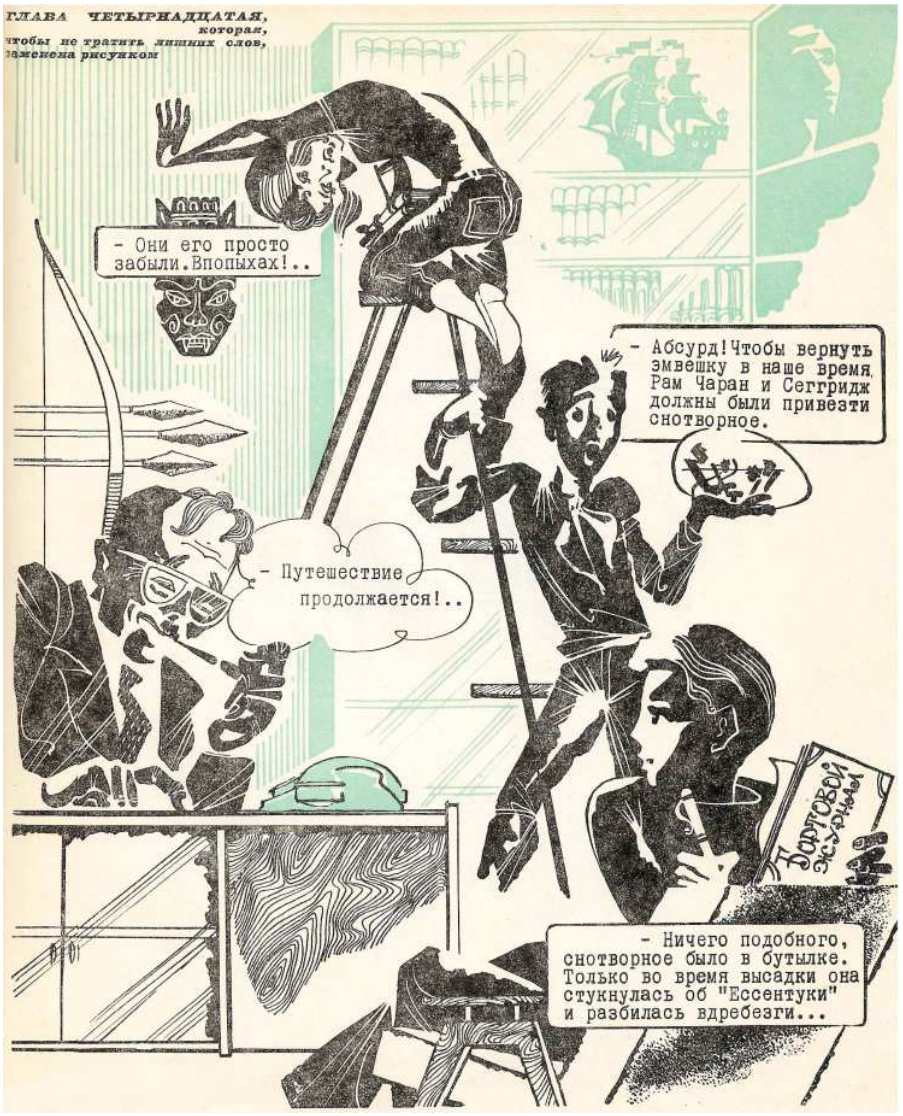
Генка. Абсурд! Чтобы вернуть эмвешку в наше время Рам Чаран и Сеггридж должны были привезти снотворное.

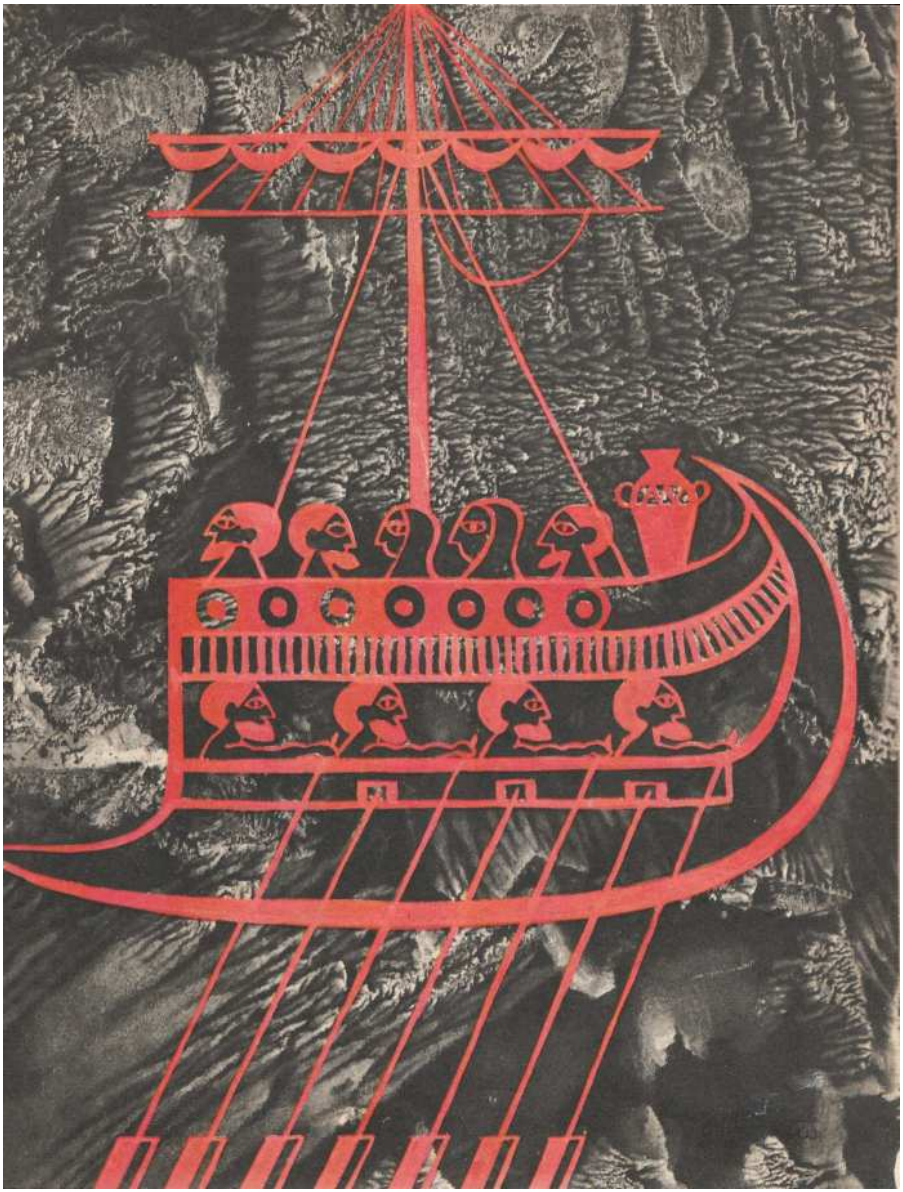
Ленка. Они его просто забыли. Впопыхах!

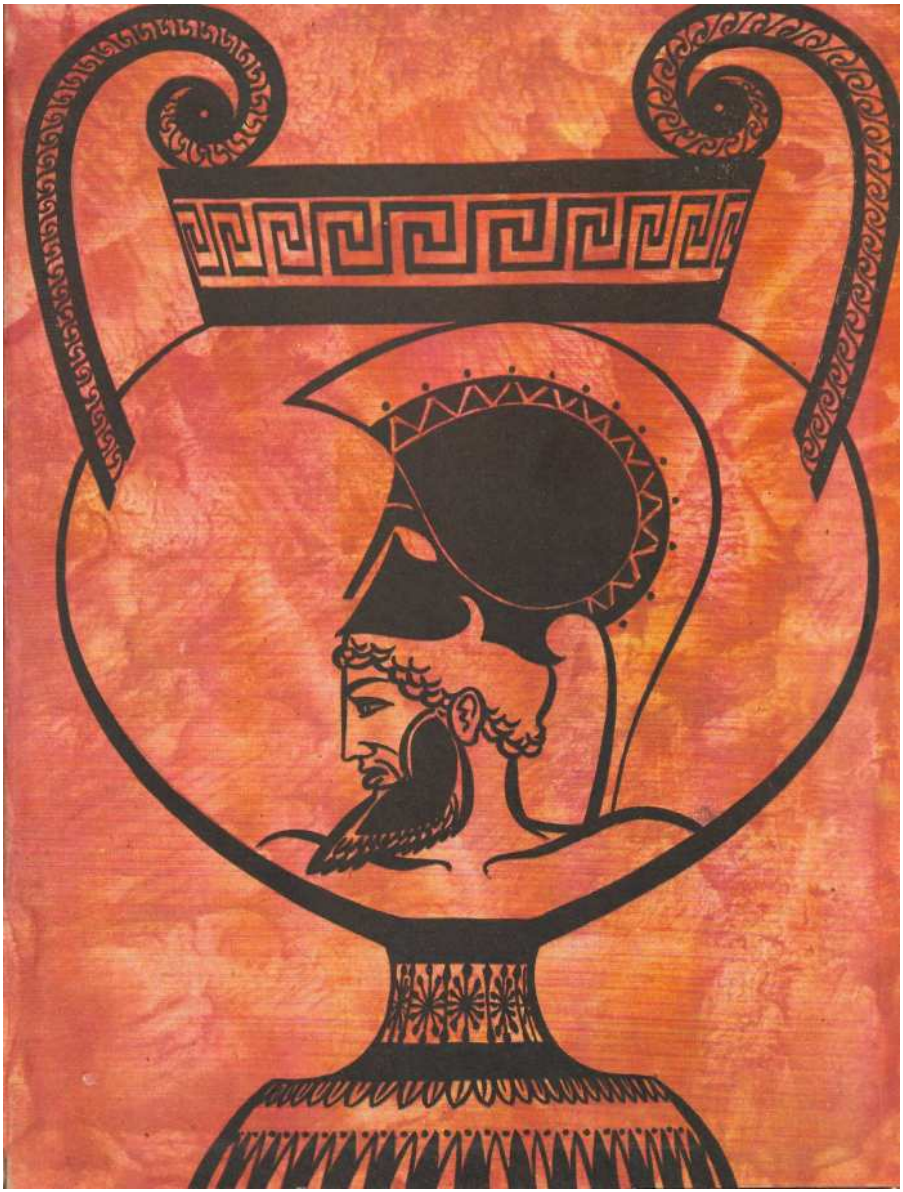
Витька. Ничего подобного, снотворное было в бутылке. Только во время высадки она стукнулась об «Ессентуки» и разбилась вдребезги…

Ленкин дед. Путешествие продолжается!..

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,
которая,
чтобы не тратить лишних слов,
заменена рисунком


- Они его просто забыли. Впопыхах!..
- Абсурд! Чтобы вернуть эмвешку в наше время, Рам Чаран и Сеггридж должны были привезти снотворное.
- Путешествие продолжается!..
Дафтовой экземпляр
- Ничего подобного, снотворное было в бутылке. Только во время высадки она стукнулась об "Ессентуки" и разбилась вдребезги...





1 р. 50 к.